

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

СВЕТА

1989

ИСКАТЕЛЬ 1

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

1989

В ВЫПУСКЕ:

Ирина СЕРГИЕВСКАЯ

2

КАРИАТИДА

Фантастическая повесть

Борис РУДЕНКО

61

ДО ВЕСНЫ ЕЩЕ ДАЛЕКО

Повесть

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 169

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Ирина СЕРГИЕВСКАЯ

КАРИАТИДА

**Фантастическая
повесть**

Художник Сергей РАДИМОВ.

Ранним апрельским утром, когда ветер гнал над городом табунчик молодых облаков, Капиталина очнулась от долгого сна. Она медленно подняла тяжелые веки и со скукой узрела знакомый пейзаж: внизу текла неширокая река, окаймленная строгим парапетом, слева — мостик, справа — мостик, на другом берегу — черный старый Сад. Около затылка Капиталины забил крыльями, загулькал голубь. Капиталина обреченно опустила взор долу и увидела свои ноги, голые ноги кариатиды, грязные и испещренные надписями типа: «М. — дурак» и «Я люблю Жеточку из отдела планирования!» Она ощущала на своих плечах привычную тяжесть балкона, тяжесть, которую с каждым годом становилось все труднее нести одинокой, хрупкой каменной женщине. Когда-то у нее была сестра-близнец, весело делившая с ней ношу, но судьба не пощадила бедняжку — она давно упокоилась в груде щебенки, на ее месте стоял скучный железный костыль.

А ведь Капиталина знавала лучшие времена: она, молодая и блестящая, только что вышедшая из рук крепостного каменотеса Гаврилы, смотрела на пышные кареты с гербами, подъезжавшие к дому, на важных гостей, собравшихся поздравить хозяев с рождением наследника, графа Зенина-Ендрово.

Вся жизнь графа Сержа прошла перед ее глазами. Капиталина любила его той восторженной, чистой, романтической любовью, какая бывает лишь в юности. С ностальгической печалью вспоминала кариатида, как, бывало, молодой граф поутру выходил в узорчатом шлафроке и красной феске на просторный балкон, зевал, показывая великопепные зубы, с упоением разглаживал шелковые гусарские усы (краса и гордость лейб-гвардии Его императорского величества Преображенского полка!) и громко хохотал от полноты жизни. Внемя этим звукам, каменное сердце Капиталины всякий раз тяжело и страстно бухало. Даже сейчас, спустя полтора столетия, ей вдруг чудился зычный голос красавца:

— Филька, пистолеты! Не видишь, что ли, галки летят!

Гремела пальба, от которой шарахались лошади, и слышался довольный голос графа:

— Виктория! Глянь, Филька, глянь, болван! Лежат! Лапыверху, хвосты набок. Мортировал наповал! Понял, наконец, темный ты человек, какова моя рука?! Каков глаз?!

А гусарские кутежи! А пиитические вечера, которые граф устраивал в угоду моде, сам, впрочем, тяготей исключительно к чтению календарей! А пение цыганочек по ночам! А игра в карты с друзьями по полку, порою кончавшаяся гневными вскриками проигравшегося графа:

— Стреляться! Сей минут стреляться!

А звуки дружеских поцелуев, которые кариатида слышала вслед за этим, могучие всхлипывания и призывный вопль:

— А поедем, душа моя, манжировать к Курбаси! Там у него сла-а-вные бифштексы! И водка. Со слезой...

Кариатида любила то, что любил граф, и ненавидела то, что он ненавидел. К первым относились: чалый жеребец Фридрих, ящик с фамильными пистолетами, французские актрисы, гитарка, бильярд, мадам Клико (к таинственной мадам Капиталина ревновала графа. Справедливости ради можно было спросить, поче-

му она не ревновала его к французским актеркам? Да просто потому, что о мадам Клико он говорил чаще и более пылко). К недругам гусара относились: штафирки, пиликалки, поэтишки, мазилки, Вольтеришка и ему подобные бумагомараки. Мраморный бюст Вольтера украшал камин в роскошном кабинете графа, и часто кариатида, скосив глаза, наблюдала, как изобретательно сводил счеты с французешкой красавец Серж — выколачивал чубук о голову вольнодумца, нахлобучивал на него свой кивер и при этом много смеялся.

Ах, всем был бы хорош граф, если бы в один прекрасный день, уступив настояниям татап и рара, не женился. Увидев молодую графиню в полном блеске красоты, кариатида близка была к тому, чтобы обрушить на соперницу балкон, но увы! Графиня никогда не выходила из дому без Сержа, а убить его... Нет! Ни за что!

Влюбленная кариатида с угрюмым отчаянием сказала себе: «Пусть он наслаждается счастьем, а я смирюсь». Тут самое время вспомнить, что супругу графа звали Капитолиной, и наша героиня, до той поры безымянная, из чувства соперничества назвала себя так же, изменив лишь одну букву — вместо «о» появилась «а»: Капиталина Зенина-Ендрово.

Годы шли, и жизнь графа менялась. Вместо цыганского пения и лихих гусарских выкриков до кариатиды все чаще и чаще доносились звуки перебранок и оплеух, которыми награждала красавца законная жена. С горечью, но не без тайного злорадства кариатида слушала крики:

— Вы негодяй, судары! Вы загубили мою молодость! Как тать в ночи, вы прокрались в мой будуар и вытащили из бюро десять тысяч!

— Не я! — страстно кричал граф. — Это вы, сударыня, сгубили меня! Я не таты!

— Таты!

— Нет, не таты! А вы мне законная жена, стало быть, деньги мои.

— Тиран! — визжала графиня.

— Ха-ха-ха! — байронически хохотал граф. — Я узнал вас, наконец! Вы не Психея, пленившая некогда меня! Вы ветреница! Вчера на бале засмущивал этот мизерабль Коко Петрицкий!

— Серж, *vous êtes fou**. Он поэт, он читал мадригал в мою честь!

— Ха-ха-ха! Штафирка! Бумагомарака! Я мортирую его наповал! А вы, матушка, ду-у-ра.

Так, в ссорах и примирениях, прошла жизнь графа. Под конец ее он пылко ненавидел стриженных нигилистов с Бестужевских курсов, много говорил о старых славных временах Дениса Давыдова и клеймил железные дороги.

Умер он легко, в одночасье. Последние его слова были: «Кес-ке-се-е... Бутылочка... Ольга...» Кто была Ольга, кариатида не знала, но подозревала многих.

Вскоре старая графиня продала дом, и он пошел по рукам. Запестрели лица новых владельцев, не интересных Капиталине, недостойных ее внимания. Дом дряхлел, в залах падала штукатурка и гнили наборные паркетные. После частых ремон-

* *Vous êtes fou* — вы дурак.

тов внутренность некогда пышного особняка стала скучной.

Капиталину забыли, и она все чаще и чаще погружалась в тяжелый каменный сон. Сквозь дрему доносились до нее голоса новых хозяев, часто выходивших на балкон покурить и гасивших об нее окурки. Их странные речи невольно врезались в каменную память кариатиды:

— Гоняли... на овощебазу...

— Слушай, ты графики уже составил?..

— Дай трешку... ну, дай!..

— ...А я ему и говорю: «Карьеру мне хочешь испортить, скотина?! Ну, испорти, испорти!..»

— ...Жилеточка пупырчатая... Маде ин Франция...

— Дай трешку... ну, дай...

— ...А я ему говорю: «Какой же он Варфоломеу Варфоломеевич, когда он Франческо Бартоломео?! Итальянец он был, итальянец!..»

— Ну, вот, приезжаем мы это на овощебазу... Два автобуса научных сотрудников... А на дверях замок...

— Ну, дай трешку... Ну, пожалуйста...

В то апрельское утро ничего выдающегося в жизни Капиталины не произошло. И день также не был отмечен знаменательными событиями. Но зато вечером Капиталину навестили. Гостя ее была особа с человеческой точки зрения странная. Не человек она была вовсе, и даже не человекообразное, а не что иное, как Змея, бронзовая Змея, которую вот уже двести с лишним лет попирает копытами коня державный Всадник.

А parte: из-за неосознанного чувства превосходства над миром предметов человек редко задумывается о том, что они делают, когда остаются одни, — о чем думает выключенный телевизор, как переговариваются между собой по ночам души телефонов-автоматов и, наконец, как ведут себя статуи...

Змея была общительна до крайности, любила сплетни, коллекционировала их и сочиняла сама. Она обладала живым, смешливым нравом и бойким языком, обожала давать советы и кичилась своим соседством с грозным властелином города. Стоило спуститься темноте, как бронзовое чудище соскальзывало с Гром-камня и ползло по своим делам: навещало статуи в садах и музеях, многозначительно созерцало всегда молчаливого Сфинкса на набережной, заигрывало с грифонами и дразнило многочисленных городских львов.

Капиталина давно знала Змею, но стеснялась вступать с ней в разговоры. Все-таки она была парвеню, обыкновенной уличной кариатидой — куда ей до творения великого скульптора...

На сей раз Змея заговорила с ней запросто:

— Все стоишь, Капа?

— Стою, — честно призналась кариатида и с тоской тяжело вздохнула.

— Не скучно ли тебе, Капа? — оживилась Змея.

— Скучно, — ответила кариатида. — А что делать-то? Куда мне, убогой? Того и гляди похоронят. А балкон рухнет.

Она вновь шумно вздохнула и почесала одной ногой другую. Змея свернулась клубком, как Пифон, а голову прислонила к решетке набережной. В ее маленьких глазках сверкнуло притворное сочувствие.

— Одичала ты, Капа, — сказала она. — Тебе бы в обществе поворачиваться. Ты нас что-то совсем игнорируешь-шь!

Кариатида понурилась. Надпись «М. — дурак» жгла ее. В таком виде появиться в обществе было верхом неприличия.

Меж тем бронзовая искусительница продолжала:

— Надо быть с-светской, ж-жеманной, наконец, кокетливой, Капа! Вот возьми для примера меня. Казалось бы, что во мне? Ни рук, ни ног, ни талии. Но, мин х-херц, главное ведь не это! Главное — это ш-шик, с-светский лоск и, наконец, ш-шарм! В Саду без меня тоска. Ну, стоят они там ровными рядами, как на плацу. Вымуш-штрованы, обнаж-жены и, натюрлих, невозмож-жно скучны... Говорить им не о чем, потому что обо всем уже переговорили. И тут, Капа, вообрази — исподтишка подползаю я и со своим добрым, улыбчивым лицом говорю: «Олимп, сми-р-рна!» Аполлон ш-шарахается, Артемидка — шнырк в кусты! Потом, конечно, смеемся, смеемся, до-олго хохочем... И все кончается танцами! В центре, конечно, я, остальные, разумеется, вокруг. Кель ш-шармант, Капа! Кель ш-шик!..

Капиталина вздохнула так, что балкон вздрогнул, и сказала себе: «Хочу, где танцуют». Она пошевелила плечами, опасливо отлепляясь от стены. На землю ей помог спуститься протянутый Змеей хвост.

Вперед! К вихрю удовольствий, светских развлечений и изящных шуток!

В Саду был торжественный раут. Статуи праздновали окончание зимней спячки и освобождение из плена деревянных ящиков. Беспечно щебетали нимфы и аллегории; сатиры, разминая копыта, резво бегали по дорожкам наперегонки; двуликий Янус, одновременно плача и смеясь, разными голосами произносил какую-то пышную, невнятную речь; Амур с Психеей шептались о своем, интимном, сидя на скамеечке и болтая ногами. Затесавшийся в эту античную компанию мраморный бюст польского гетмана беспрерывно громко чихал и горделиво озирался по сторонам. С ним зангрывала молодая резвая нимфочка: они подмигивали друг другу и похохатывали.

Но чу! Внезапно раздался чистый призывный звук охотничьего рога, и все статуи обратили взоры в глубину аллеи, откуда, окруженный свитой муз и вакханок, увенчанный лавровым венком, вооруженный луком, показался прекрасный Аполлон вместе со своей единокровной сестрой Артемидой. С лаем бежали впереди царственной пары мраморные псы.

Аполлон остановился, поднял руку. Все смолкло, стихло, замерло. Речь бога не была пространной, напротив, по-олимпийски краткой, ясной, наполненной истинно аттической солью.

— Приветствую вас, боги, а также нимфы, вакханки и прочие изваяния! — мелодично воскликнул он.

В торжественной тишине довольно крякнул бюст польского гетмана. Аполлон демократически улыбнулся ему и повелел:

— Чашу мне!

Мраморная жрица, склонившись, подала богу чашу с символическим вином. Он поднял ее к небу и восславил Зевса Громо-

вержца. Вторую чашу Аполлон посвятил некоему Эльдару Федоренко.

— Сей великодушный гробовщик, — сказал бог, — каждую осень замуровывает нас в ужасные, безобразные ящики, и это грустно. Но вот наступает весна, и мы ждем Эльдара Федоренко с нетерпением изголодавшихся по солнцу, по воздуху, по ласкающей зелени Сада. «Где ты, где ты, Эльдар Федоренко?» — так часто думал я и вы все также, я уверен. И вот слышен неповторимый звук его шагов. «Нет, он не заболел! — ликую я. — Он не умер! Он снова с нами!» С кем сравнить мне Эльдара Федоренко?

— С Хароном, — цинически брякнул давно спившийся сатир.

— Сатир, ты неправ. Умолкни, сатир... Нет, мне не с кем сравнить Эльдара Федоренко. Признаюсь, я давно принял бы его в свою свиту вместо кое-кого слишком болтливого, но ув... Эльдар — человек из плоти. Он не мраморный, бедняга...

Все понурились, сопереживая отсутствующему Эльдару.

— Ну-ну-ну! — ободряюще воскликнул бог. — Уж и загрустили! Чего мы, спрашивается, ждем? Будемте танцевать!

Вновь зазвучал рог, и выскочил из свиты Аполлона маленький горбатый сатир, сделал антраша, прошелся колесом, взвизгнул, и понеслись за ним вакханки, вовлекая всех в хоровод.

Капиталина робко стояла за большим дубом, не смея войти в блестящий круг аристократов. Ей было стыдно за свой лишенный изысканности профиль, за большие рабочие руки и грязное тело. Застенчивость ее, впрочем, имела причиной не столько низкое происхождение, сколько внезапную страсть, жаром охватившую каменное сердце.

Еще до появления Аполлона Капиталина узрела в толпе юного красавца. Он стоял, небрежно полуобняв польского гетмана за плечи, и улыбался прельстительной, до боли знакомой улыбкой. Так умел улыбаться лишь незабвенный граф Серж, и мраморный красавец поражал сходством с ним. Это был Антиной, известный всем ветреник и баловень богов.

Бурно дыша, Капиталина следила за каждым его движением, кощунственно думая, что он красивее самого Аполлона. Она уже ревновала своего героя ко всем вакханкам, ненавидела аллегории, липнувшие к нему, презирала нимф и в отчаянии билась головой о дуб.

Внезапно ее слегка хлестнул по спине змеинный хвост.

— Мин х-херц, — прошелестела ей в ухо искустельница, — да ты нелюдимка, как я вижу!

Капиталина застонала.

— Ты влюблена? — оживилась Змея. — О, ты ревнуешь? Кто же он, твой покоритель? Уж не сам ли?!.. Я знаю, его имя начинается на букву «А»! А вторая буковка, конечно, «П»?

— Н-н-н! — вырвалось у кариатиды.

— Уж-жель?! Какой пассаж-ж! Но ты, несчастная, не знаешь — он же селадон! Он погубит тебя! Уж-жасный, уж-жасный...

— Пускай, — решила Капиталина. — Покажусь. Объяснюсь.

Твердой поступью вошла кариатида в круг танцующих, расталкивая плечами хрупких нимфеток и пугая сатиров. Властно опустила она руку на плечо своего кумира и сказала, как отрезала:

— Я вас люблю..

Антиной слегка осел под тяжестью мощной руки и попытался вывернуться. Тогда Капиталина пригвоздила его к месту второй рукой и продолжила:

— Обожаю. Ты будешь мой, красавец.

— Па-а-а-звольте! — заметался Антиной. — Как так сразу?! Я вас совсем не знаю! Кто вы такая? О боги, что делать?!

«Мортирован наповал», — торжествуя подумала кариатида и крепче сжала в объятиях затихшего Антиной. Тотчас возмущенно закричала целомудренная Артемида, не любившая подобных сцен, заулюлюкали сатиры, по-хулигански свистнул бюст польского гетмана, захохотали музы и аллегории. Наконец, сам бог Аполлон оторвался от беседы с Помоной и обратил взор на происходящее. Артемида воззвала к брату, требуя немедленно прекратить непристойность.

Охваченная страстью Капиталина ничего не видела и не слышала. Она монотонно повторяла красавцу:

— Я держу балкон на набережной. Там есть свободное место. Пойдем, встанем рядом, ты и я, я и ты.

Безвольный Антиной был готов покориться, и губы его уже сложились, чтобы произнести: «Да, дорогая, встанем». Но тут идиллию нарушил брезгливый голос Аполлона:

— Кто сия чернавка? Кто сия неряха? Ну-кося, брысь отсюда!

Ужас отрезвил Капиталину. Грозная нота звенела в голосе бога. «Убьет», — поняла она и разжала руки. Антиной упал на землю и, стоная, уполз в кусты. Там его подхватили под руки нимфы.

Аполлон продолжал бушевать:

— Манер не знает, а суется! Не так эти дела делаются, голу-бушка, не так!

Что-то сказала Капиталине: «Пока не поздно, падай на колени». Она так и сделала, и в нее тут же полетели комья земли, ветки и клочки прошлогодней травы.

— Вон! — закричали аристократы, и Капиталина поняла, что все кончено.

На рассвете, еще более грязная, чем обычно, несчастная, морально растоптанная, кариатида доплелась до своего дома на набережной. Но как ей было влезть обратно на балкон? Капиталина от бессилия заголосила, зарыдала:

— Что, что дела-ать?! Не утонуть ли мне в этой черной воде-е?! Не разбить ли голову об эти камни-и?

Но любовная траншея в каменном сердце была слишком глубока, и не оставалось сил у нашей героини на решительный поступок. Вволю поглосив, она сказала себе:

— Пойду в люди.

Капиталина медленно брела среди утренней толпы, и никто не обращал на нее внимания. Все были заняты своим: кто спал на ходу, кто приходил в себя после бессонницы, кто просто грезил непонятно о чем. В просыпающемся сознании города не было места удивлению, чуду. Автор этих строк сам может поклясться, что видел как-то промозглым зимним утром в самом людном месте города и, между прочим, рядом с милиционером, такое!..

в сравнении с чем какая-то несчастная фланирующая кариатида — пустячок.

Простая душа Капиталины маялась. И здесь она чувствовала себя самозванкой. У нее не было того, что, с точки зрения статуи, необходимо человеку, а именно: пальто и паспорта. Без них Капиталина не мыслила своей новой жизни. Где взять эти предметы, она не знала. Как они выглядят, представляла весьма смутно, и спросить было не у кого — всеведущая Змея уже давно вернулась на свое место, под копыта могучего коня.

Так, мучаясь и тоскуя, забрела Капиталина в сырой переулок, где стояла большая машина и лежали у распахнутых громадных дверей какие-то фигуры, похожие на раскрашенные статуи. Капиталина обрадовалась и подошла ближе.

Меж тем люди выбегали из дверей, хватали то одну, то другую статую и увлакивали в глубь помещения. Статуи, к удивлению Капиталины, не высказывали никакого протеста, а только возбужденно хихикали и лепетали:

— Ах, как хорошо-то!

— Вот приоденут, приоденут!

— Ах, как мило, как мило!

— Ах, как модно, как модно!

Каменная мысль у Капы оформилась мгновенно: «Может быть, здесь дадут пальто» — и, не мешкая, она вошла в таинственное здание. Миновав какие-то длинные коридоры, бесконечное количество дверей и лестниц, она попала вслед за несущим куклу человеком в зал, откуда надеялась выйти преобразенной. Капиталина по-солдатски встала в ряд с манекенами и замерла.

Некий человек, которого кариатида приняла за куафера, подскочил к ней, и, обругав за грязь, нахлобучил на голову темный курчавый парик. Затем другой прислужник кисточкой раскрасил лицо кариатиды, насурьмив брови, нарумянив щеки и обведя губы. Потом резвые служанки одели Капиталину в странный, крепко сшитый костюм, в руку дали сумочку, на ноги напялили чулки и полусапожки.

Завороженная собственным преображением, Капиталина с трудом улавливала разговор кудесников:

— Жеральд Платонович, а вот эта кто у нас будет?

— Не видишь разве — деловая женщина. Представительная и солидная, — молвил Жеральд и добавил: — Может быть, даже научный сотрудник. Но ей чего-то явно не хватает, Базиль... Чего?

— Может быть, колбы или пробирки? — искательно предположил Базиль.

— Не то. Думай еще.

— Очки! — обрадованно воскликнул Базиль.

— Моя мысль, — согласился Жеральд.

Нарумяненное лицо Капиталины украсили солидными очками без стекол. Кариатида решила, что все кончено, и она свободна. Неумело помахивая сумочкой и хромая в полусапожках, она двинулась к выходу. Но не тут-то было.

— Жеральд Платонович! — заголосил Базиль. — Что делается?! Куда она пошла?!

Такое банальное чудо, как оживший манекен, не могло изумить старого работника универмага, выдавшего виды Жеральда.

Еще в прошлом квартале он был свидетелем того, как растворились в воздухе два контейнера с норковыми шапками. Опытный Жеральд быстро навел порядок: Капиталину схватили, силой затащили в витрину, там поставили в угол и велели замереть. Бедняжка повиновалась: все-таки пиетет к человеку был в ней чрезвычайно силен.

О, как скучна показалась ей жизнь манекена! Вечное стояние в неестественной, смешной позе угнетало. Удары по самолюбию были болезненны и следовали часто, почти без перерывов: проходящая по улице толпа посмеивалась и пошучивала над разодетыми куклами. Глупым манекенам это даже нравилось, они не умели отличать восхищения от насмешки. Но гордому нраву Капиталины такое обращение претило. В душе зрел протест, кончившийся ночным бунтом и уходом на свободу. Покидая раззолоченную клетку витрины, вольная кариатида сорвала с тщедушных плеч соседки зеленое пальто, прихватила чемодан из лжекрокодила, зонтик и батистовый пеньюар цвета «электрик».

Идя по ночным улицам, Капиталина мстительно мечтала о той минуте торжества, когда она, модная, богатая и красивая, предстанет перед взорами обидчиков-олимпийцев. Они, само собой, начнут извиняться перед ней, искательно просить поддержать чемодан, поиграть с зонтиком и померить шляпку с вуалеткой. Главным же своим козырем Капиталина считала пальто. Оно должно было сразить наповал Антиноя. В магические свойства пальто — приталенного, с хлястиком на двух громадных пуговицах, с манжетами, отороченными рыжим мехом, и таким же воротником — кариатида верила истово.

На рассвете ноги принесли ее к знакомому дому. Кариатида оглядела покосившийся, но еще целый балкон и принялась мерно вышагивать взад-вперед, размышляя вслух:

— Паспорт... Где взять паспорт? Какой он из себя? Кто бы подсказал, научил?! О-о-о, жестокий мир.

От ее фигуры в наброшенном поверх пальто пеньюаре «электрик», в съехавших на нос фальшивых очках, веяло какой-то трагической фантазмагорией. Новая Галатея тщилась найти своего Пигмалиона и не находила его!

Внезапно длинное зеленое тело Змеи выскользнуло из подворотни и устремилось к Капиталине с веселым возгласом:

— Мин х-хери! Какой пассаж-ж! Да ты просто душ-шка в этом наряде!

— Паспорт! — мрачно воскликнула Капиталина. — Мне нужен паспорт! Какой он, Гада? Где взять его, поведай?

Змея растерялась. Она не знала, что такое паспорт, да и не хотела знать, но боялась показать свою неосведомленность, поэтому туманно заговорила:

— Еж-жели, Капа, ты хочешь стать человеком с паспортом, то знай — это непросто.

— Скажи. Я все снесу.

— Ну, видишь-шь ли, — развязно продолжила Змея, — все дело в работе, в труде. Работать нужно много и долго. Будет работа — будет и паспорт.

Капиталина посмотрела на свои натруженные руки в трещинах столетий и всхлипнула:

— Если б что держать, то пожалуйста, а так... Я же ничего не умею!

— Ничего не умеешь — мети улицу.

— Как это?

— Веником, мин х-херц, или лучше метлой. Открою тебе: там, в подворотне, за мусорным баком, я видела это приспособление для чистки улицы. Советую воспользоваться им. Ну, прощ-щай, душ-шка. Иду ложиться под копыта. Бон ш-шанс!

Когда часы на городской башне пробили шесть раз, из дверей телестудии вышел Вадим Петрович Панасюгин, признанный лев телерепортажа, знаменитый создатель смелой и острой еженедельной передачи под названием «Коллаж». В ней Панасюгин сатирической плетью хлестал пьяниц, дебоширов, прогульщиков, милостиво хвалил усердных работников сферы обслуживания и юных вундеркиндов.

Однако никто не знал, что за представительной барской внешностью режиссера скрываются неуверенность и сомнения. На работу он всякий раз шел, как на Голгофу, потому что не представлял, о чем будет рассказывать зрителям в следующий раз. Куда еще бросить своих «негров», вооруженных телекамерами и юпитерами?!

В тяжких раздумьях ехал Панасюгин по городу, бросая орлиные взоры по сторонам и не находя ничего примечательного. От безысходности он решил снять закрытый на просушку Сад и приказал водителю медленно ехать вдоль набережной.

Внезапно в поле его зрения попала странная фигура: статная, хорошо одетая женщина, с чемоданом под мышкой, подметала улицу. Панасюгина осенило: «Дворник! Вот о ком надо сказать, наконец, в полный голос!»

Машина остановилась, телеработники спешили и нацелились на Капиталину объективами телекамер. Кариатида величественно продолжала шаркать метлой по тротуару. Она все еще переживала свою личную драму.

Панасюгин с ходу начал съемку, не вникая в душевные переживания предполагаемого дворника.

— Дорогие телезрители, — жирным голосом сказал он, — вот я стою на набережной, — Панасюгин повел рукою. — На набережной я стою, всем вам известной. А кто впервые приехал в наш город и смотрит эту передачу, тот, конечно, придет на нее и полюбуется в натуре, так сказать. — Панасюгин сделал паузу и многозначительно продолжил: — Но, кроме вечного, дорогие телезрители, есть еще и преходящее, так сказать, всем нам знакомое и не совсем приятное. Я имею в виду мусор, обыкновенный мусор, товарищи.

Оператор Лева Лешак по-снайперски нацелился телекамерой на конфетную обертку под ногами Панасюгина. Тот продолжил:

— Я хочу познакомить вас с интересным человеком. Это — женщина. Эта хорошо одетая женщина, такая красивая и молодая, метет улицу. Она дворник. И сейчас я попрошу ее рассказать немного о себе.

Глухая к приближающимся фанфарам славы, Капиталина продолжала мети.

— Товарищ, — обратился к ней Панасюгин. — Вы работаете дворником?

Капиталина тяжело оторвалась от своих горьких дум и призналась:

— Нет. Не дворник я. Мету, потому что так нужно.

— За-ме-ча-тель-но! — воскликнул Панасюгин — Товарищ, оказывается, не дворник! Она метет по собственному почину!

Тут внимание его привлекла табличка на доме, и он громко, специально для телезрителей, прочитал

— «УПОСОЦПАИ»... Теперь мне понятно трудовое рвение товарища! Это же знаменитое «УПОСОЦПАИ», которое так много делает для сохранения памятников старины! Дорогие телезрители, вот оно, «УПОСОЦПАИ»!

И Панасюгин снова пристал к Капиталине:

— Вы, как я абсолютно уверен, научный сотрудник учреждения?

Капиталина игнорировала слово «научный», значения которого не понимала, поэтому ответила просто:

— Да. Сотрудник я. Понятное дело. Вот улицу мету.

Чутьем опытного режиссера Панасюгин понял, что многое из этой женщины не выжмешь, и решил быстро закругляться. Он уже совсем было собрался пожелать ей плодотворной работы и изобразил дежурную улыбку, как вдруг у подъезда остановилась черная «Волга», и из нее неловко вылез тучный, благообразный мужчина.

Натренированная панасюгинская память тотчас сделала хитрый кульбит, и он кинулся к нему с криком:

— Ба! Кого я вижу! Дорогие телезрители, позвольте представить вам — это сам Павел Васильевич Мяченков, директор упомянутого всеу «УПОСОЦПАИ»!

Он театрально раскрыл объятия Мяченкову. Тот шарахнулся, потому что боялся телевидения пуще пожара. Но отступить было некуда: камеры стрекотали, как пулеметы, а Панасюгин крепко держал его за руку и тараторил:

— Товарищи телезрители, сейчас восемь часов утра. Рабочий день начинается в девять. Но товарищ Мяченков приехал заблаговременно! Я знаю его давно как организатора и как человека, и в обеих ипостасях он проявляет исключительную исполнительность и аккуратность. Позволю себе пошутить, дорогие телезрители: каков начальник, таковы и подчиненные. И вот вам живой пример. Опытному товарищу Мяченкову нет нужды созывать своих работников на трудовой почин. Они проявляют его сами: подметают улицы, чтобы было чисто, и так далее! Павел Васильевич, поделитесь опытом управления людьми. Как вам это удается?

Несмотря на страх перед гласностью, Мяченков повел плечами и сипло забубнил:

— Мы... делаем... много... Да, делаем... Надеемся делать еще больше... Много... В планах проектов... реконструкции... павильона «Плюизир»... и «Монплюизир»...

Панасюгин перебил его:

— Ну, как вы управляете реставрациями, это известно всем. Хотелось бы узнать и об общественной работе коллектива.

Мяченков мгновенно оживился:

— Мы выпустили четыре бюллетня по поводу противопожарной безопасности, и есть кружок бокса. А также парашютных прыжков. Нами прочтено девяносто шесть лекций по истории архитектуры и зодчества в школах, больницах и подшефной свиноферме «Зоренька». Особенно отличились товарищи...

Панасюгин вновь ловко вышиб инициативу:

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что все члены коллектива отличились, но...

Мяченков очень испугался чего-то и стал агрессивен. Во всех телевизионных штучках ему виделся подвох. Он заслонил собою Панасюгина и закричал яростно, как допрашиваемый, которому не верят:

— Двадцать шесть! Двадцать шесть раз мы были на овощебазе! Базовцы остались нами довольны! Когда мы подъезжаем к полям, нам уже издали радуются работники совхозов и колхозов!..

Это была последняя фраза Мяченкова, прорвавшаяся в эфир, потому что камеры выключили.

Панасюгин уже из окна автобуса крикнул Мяченкову:

— Смотрите передачу в воскресенье! Да, кстати, а как фамилия этой вашей научной сотрудницы, которая подметает улицу?

Мяченков отлично знал, что таких энтузиастов в его коллективе нет, но, не моргнув глазом, соврал:

— Да. Мы подметаем по очереди. Все. Можете это сообщить народу.

— Павел Васильевич, я же вас про имя спрашиваю! Как мне ее зрителям-то представлять?

Мяченков ужасно закашлялся и замахал руками. Вместо него неожиданно ответила кариатида:

— Человек, меня зовут Капиталина. Меня сделал Гаврила.

— Капиталина Гавриловна, — записала в блокнотик ассистентка Панасюгина и осведомилась: — А фамилия, фамилия?

Кариатида с охотой назвалась бы графиней Зениной-Ендровой или Антиноевой, но то были слишком горькие мечты! В памяти всплывали звучные фамилии, которые слышала она в былые времена: Трезини, Растрелли, Росси, Кваренги, Камерон...

Телевизионщики ждали ответа, и кариатида, наконец, отчеканила:

— Пиши: «Камеронова».

Извивы судьбы непредсказуемы, как лабиринт на острове Крит. Часто никому не известный еще вчера человек вдруг поднимается к вершинам славы. Подхваченный волной популярности, несется он, не зная куда, опьяненный успехом, и не может остановиться. Все совершается уже помимо его воли. О нем пишут, говорят, спорят, находят в нем что-то, чего и в помине нет.

Технический прогресс немало способствовал этому. Что была слава Микеланджело в маленьком городке Флоренция по сравнению со славой любой самой бездарной эстрадной звезды! Кто, кроме особо просвещенных горожан, мог оценить и восхититься могуществом гения! Меж тем любое слово нынешнего кумира, выпорхнувшее в эфир, в мгновение ока облетает землю. Досу-

жий читатель может подумать, что автор этих строк — закоснелый ретроград. Неправильное это мнение! Автор отлично сознает, что машина технического прогресса, как бы ее ни осмеивали, будет неуклонно ползти вперед, скрипя и дребезжа всеми своими многочисленными хитроумными и непонятными частями. Трезво-мыслие — вот кредо автора. Он даже предполагает, что протуберанцы славы, осеняющие то одну, то другую голову, есть веки на пути развития цивилизации и свидетельства ее торжествующего могущества.

Ярчайшая иллюстрация ко всему вышеизложенному — судьба нашей героини. Это же надо осмыслить — простая лжегреческая грязная уличная кариатида вышла в люди! Ничего ведь у нее не было за душой: ни паспорта, ни образования, ни денег, ни связей — только пальто с лисой, чемодан и зонтик, да еще почин подметать улицы. Почин был плодом шалой импровизации Панасюгина, но это уже не имело значения. Машина заработала. Визжа, завертелись ее шестеренки...

Сразу же после выхода в эфир знаменательной передачи с участием кариатиды, она была принята уборщицей в «УПОСОЦПАИ». Может вызвать справедливое удивление тот факт, что искушенный в руководстве Мяченков взял на работу особу без паспорта. Но у Павла Васильевича была своя причина для столь странного поступка, и причина весьма серьезная: он подозревал Капиталину. Он не верил в ее трудовой порыв. Он считал ее матерым, глубоко законспирированным агентом каких-то реви-зионных служб, а появление телепередачи расценивал как под-коп под авторитет «УПОСОЦПАИ» и под его, Мяченкова, лич-ный. План врагов он раскусил в пять минут. Еще не успела уехать машина телевизионщиков, как в голове у него сложилась контринтрига: принять Камеронову на службу, всячески облас-кать и приручить. Шоком для Мяченкова явилось упорное не-желание новой сотрудницы показать документы. В этом он по-чуял какую-то дьявольскую хитрость, нечто макиавеллевское, подлое сверх меры.

«Вот что вы удумали, голубчики, — размышлял он, расхажи-вая по кабинету. — Хитро, ничего не скажешь... Ежели, значит, я ее прогоню — осудят в прессе. Назовут душителем починов, бюрократом. Еще, пожалуй, с должности снимут. А ежели при-му, то они меня — цап за шкурку: «А ну, товарищ Мяченков, вы что же это — без паспорта и трудовой книжки на работу берете? Уж не за взятку ли?!»

О, Мяченкова голыми руками было не взять! Всякое макиавел-левское коварство разбивалось о его хитроумие и долгий опыт начальствования. Недолго думая, Павел Васильевич решил лечь в больницу, а все дела перепоручить своему заместителю, вечно простуженному Башмакову. На прощание он туманно и дву-смысленно сказал ему:

— Подумай, Башмаков, о Камероновой. Хорошенько по-думай...

И добавил после многозначительной паузы:

— Согласись, Башмаков, когда убирают — становится чисто.

Башмаков был профессиональным страдальцем. В коллективе его называли «наш Пусик». Однако Пусик был не так безответ-тен, как могло показаться. Он считал, что получать больше двух

выговоров в год — неприлично. Так как план по выговорам он уже выполнил, то решил спихнуть склочный вопрос о принятии на работу Камероновой на своих двух заместителей, неразлучных Усынкина и Кулаженкова, а сам срочно взял бюллетень. Друзья-заместители, поняв, что положение безвыходное и принять Камеронову все равно придется, совершили это незаконное деяние. Так беспаспортная Капиталина стала членом трудового коллектива.

Она аккуратнейшим образом мыла вестибюль, протирала перила лестницы и чудом уцелевшее от времен Зенина-Ендрово венетское зеркало, а заодно исполняла обязанности вахтера. Жить ей было негде, поэтому она спала в гардеробе, стоя под вешалкой. В эти беспрютные, тревожные ночи ей часто снился паспорт. Она уже знала, как он выглядит, — ей показали. Днями же статная фигура Капы в казенном сатиновом халате и ботах, с ведром в руке, возникала то в одном кабинете, то в другом, пугая сотрудников одним и тем же унылым вопросом:

— Паспорт... Лю-юдн, как добыть паспорт?

К тому времени слухи о причастности Камероновой к разведке ревизионных служб распространились по всему учреждению, и сплоченный коллектив тихо злорадствовал.

— Ишь, как ловко заходит Капка-то! — шептал Бунгалов своему давнему наперснику Шесуновичу.

Тот, торжествуя, отвечал:

— Меня уже два раза спрашивала. Я ей ничего не сказал! Мол, знать не знаю никакого паспорта!

Подошедший к паре юный порывистый Ипатов смело заявил:

— А я с ней вообще под дурачка работаю. Она мне про паспорт, а я ей в глаза, честно так, без всяких экивоков: «Идите, Капиталина Гавриловна, в милицию. Там лучше знают, что с такими, беспаспортными, делать!»

В разговор включался старик Брюнчанский, упосоцпаевец со дня основания этого учреждения, «последний из могикан», как он остроумно сам себя называл.

— Эх, молодежь, без страха живете... — дребезжал он. — Говорить вообще меньше надо, так меня жизнь научила. Сложная штучка, доложу я вам, эта наша мадам уборщица. Но меня не проведешь, не обскачешь и не запугаешь! Я — пуганный многожды! Она мне насчет паспорта, а я ладошку приложу к уху этак растробом, аки глухой, и: «Чего-с? Ась?» С тем она от меня и уползает!

Однако нашелся в хитроумном коллективе человек, сжалившийся над Капой. Это была старая выпивоха, добрейшей души человек, гардеробщица Клава Сутягина. У нее было тяжелое прошлое, с приводами в вытрезвитель, с отбыванием наказания в колонии умеренного режима, и сомнительное настоящее: иногда Клава, как бы невзначай, обшаривала карманы вверенных ей пальто и прятала в своем шкапике горячительные напитки. Она-то и посоветовала Капиталине обзавестись справками.

— Иди, горемыка, — учила она кариатиду. — В больницу иди, пусть бумагу дадут, что не больная. В милицию иди, пусть напишут, что приводов не было. В библиотеку иди, бери справку, что книг уворованных за тобой не числится. В вытрезвитель на-

ведайся, чтоб там печать поставили — не попадала, мол, к нам такая Камеронова, знать такой Камероновой не знаем.

Капиталина послушалась доброго совета, и уже через месяц в папке для нот у нее собралась толстенная пачечка бумажек с волнующими душу лиловыми печатями. Кариатида почувствовала, что существование ее в человеческой ипостаси, до сих пор ненадежное, эфемерное, обрело официальный статус. Она часто перебирала бумажки и читала по складам, тяжело ворочая каменным языком: «Выдано... гражданке Ка-ме-ро-но-вой К. Г... Не состоит... Не числится... Не прописана... Не имеет... Не судима...»

Жизнь между тем текла, и Капиталина с каждым днем становилась все увереннее. Ей уже нравилось повышать голос на сотрудников «УПОСОЦПАИ». Частенько она грозно покрикивала: «Ноги! Ноги вытирай! Кому говорю!» Не осознавая каменным мозгом разницы между начальником и подчиненным, она позволяла себе повышать голос и на Мяченкова, называя его в лицо грубо, но выразительно «пузатый хрюндя». Вот ведь страшные выверты каменного словотворчества! Что такое «хрюндя»? И как, спрашивается, можно отнести это слово к ветерану руководящих работ?!

А что же Мяченков? Он все сносил бестрепетно: вытирал ноги и был при этом отменно любезен с уборщицей. Жало сарказма Павел Васильевич прятал глубоко в душе. «Провоцирует, — думал он. — Ха-ха. Пускай. А я вот вместо выговора назначу ее заместителем по АХЧ! Что она тогда запоет, моя ласточка? Ай да я! Ай да Пашка Мяченков!»

Через неделю Капиталина Гавриловна уже восседала в очень маленьком, но собственном кабинетике за столом и неумело му-солила непонятные ей бумажки с какими-то графиками, фамилиями, цифрами. Ей было безумно скучно. Работа уборщицы казалась куда веселее. В кабинете же на Капу находила каменная дремота, она клевала носом и тяжело ударялась головой о столик.

Но однажды, сломав таким образом телефонный аппарат, она вдруг встрепенулась. Ее посетила мысль. Капа припомнила, как ее осыпали похвалами за подметание улицы, как ее показывали по телевизору. Она возжелала нового триумфа. Но теперь Капиталине, облеченной какой ни на есть, но властью, казалось неприличным выходить на трудовой почин одной, и она двинулась по кабинетам, выкликая:

— Лю-юди! Надо работать! Чего вы тут по комнатенкам своим попрятались? Метлы в руки — и айда на улицу! Мусор сгребать будем! Решетки чистить! Нас похвалят, лю-юди! Это же хорошо! А кто не пойдет, того я на бумажку запишу. Вот у меня бумажка с собой есть!

И она трясла над головой куском картона.

Сложная штука — человеческая психология! Мы чаще боимся не прямой угрозы жизни, а опасности скрытой, подползающей исподтишка, невидимой. Ничего ведь не было страшного в Капиталине Камероновой. Никого она не могла снять с работы или лишить премии, однако ее откровенные речи, непрошибаемая уверенность в себе, таинственная бумажка, на которой она выводила какие-то каракули, — все это парализовало коллектив. Тот же Бунгалов не побоялся бы выйти с хорошим винчестером на тиг-

ра, но перед каменным взором Камероновой смелый охотник сник, засуетился и покорно взял метлу. Взяли метлы и Усынкин с Кулаженковым, и молодой пылкий Ипатов побежал на набережную с дворницкой лопатой, и даже хитрый старик Брюнчанский на сей раз не прибег к своему спасительному «Ась?», а счел нужным вооружиться кисточкой для сметания пыли.

Мяченков с Башмаковым наблюдали из окон за тем, как коллектив протирает парапет набережной и надраивает асфальт. Капиталина же махала в сторону начальников метлой и кричала что-то оскорбительное.

«Кричи, кричи, милая, — думал Мяченков. — Чем больше кричать будешь, тем скорее себя разоблачишь».

А Башмаков рассудительно заключил про себя:

«В сущности, в ней приметна начальственная жилка. Впрочем, какая разница, при ком работать!»

«Высокочитимый Эльбрус Владимирович! К Вам дерзает обратиться человек, чьего имени Вы не знаете и, хочется верить, не узнаете никогда, но который с неослабевающим вниманием следит за Вашим многотимым творчеством.

Я вижу в Вас достойного наследника знаменитого бытописателя нашего В. В. Гиляровского, а также небезызвестных журналистов Д. Д. Кулова-Сицкого и Х. Х. Шушунди, коих знал я лично в бытность мою гимназистом. Но измельчал род людской! Прошли те благословенные времена, когда Х. Х. Шушунди, переодевшись лаццарони, изучал мрачные тайны трущоб Екатеринослава, а неутомимый и бесстрашный Кулов-Сицкий под личиной дикого черкеса показывал чудеса вольтижировки и джигитовки!

Пришли иные времена. Перед своим взором мысленно выстраиваю я теперешнюю журналистскую братию и не вижу там подобных подвижников. На Вас обращена последняя надежда старика. Да, я старик, но еще бодр, крепок духом и разумом. Я работаю в учреждении под названием «УПОСОЦПАИ». С некоторых пор мой родной коллектив лихорадит. Сердца смятены. У многих начался нервный тик!

В чем же причина этой напасти, спросите Вы? Отвечу: событие на первый взгляд пустяковое, ничтожнейшее, тем не менее таящее в себе ядовитое жало. В наши ряды затесалась новая сотрудница по фамилии Камеронова К. Г. Кто она и откуда — для всех тайна. Информированные круги намекают на ее принадлежность к каким-то ревизионным органам. Моя стариковская точка зрения на ревизию такая: ревизуй! Ревизуй открыто, нелицеприятно, грозно! Накажи нас, если мы не правы, но не мучь неизвестностью!

Что же касается К. Г. Камероновой, то вот уже полгода она третирует коллектив несносными починами. Ежедневное протирание набережной, полировка решеток и сметание пыли с листьев в Саду напоминает нам деятельность небезызвестного Сизифа и равна ей по производительности! Уж ежели называть К. Г. Камеронову агентом (это словечко прочно вошло в лексикон нашего коллектива с появлением упомянутой особы), то я склоняюсь к мнению, что агент этот прислан к нам отнюдь не ревизионной

комиссией, а кое-кем другим. Кем, спросите Вы? Уж не теми ли полчищами буржуазных шакалов шпионажа, которые алчут нашей погибели?.. Может быть, может быть... Я не отрицаю и не утверждаю ничего. Подчеркиваю лишь один нюанс: НАШ, ПРОСТОЙ организатор, руководитель не станет так планомерно и садистски издеваться над людьми, как К. Г. Камеронова!

Прошу высокоуважаемую прессу в Вашем лице, Эльбрус Владимирович, вмешаться в творимое бесчинство.

С уважением.

Р. С. По вполне понятной причине не называю своего настоящего имени, скрыв его под псевдонимом «Проницательный».

Эльбрус Бульбин был молод, по нынешним временам, почти мальчик, всего сорока пяти лет от роду, однако имя его не без оснований называли в первой десятке городских журналистов. Он снискал славу на поприще популяризации искусства, в котором разбирался неплохо, почти профессионально.

Прочитав странное послание «Проницательного», Бульбин долго хохотал: его насмешила жеманная высокопарность стиля, а также предположение, что в «УПОСОЦПАИ» работает нахальный агент вражеских разведок. Однако, отсмеявшись, Эльбрус решил все-таки разузнать, в чем там дело. Вспомнив об опыте Шушунди и Кулова-Сицкого, он решил законспирироваться и под маской простого горожанина прогуляться по набережной туда-сюда, послушать разговоры, может быть, заглянуть в само учреждение. Так он и сделал.

На известной набережной народа не было и никто ничего не протирал, однако у подъезда учреждения стояла черная служебная «Волга» с подцепленным к ней странным агрегатом, очень напоминавшим Бульбину двадцатилитровый молочный бидон на колесиках. Журналист осторожно заглянул внутрь машины. Там в тоске курил «Беломорканал» злой и замученный шофер. На заднем сиденье громоздились ведра типа подойников, кучи тряпья, большие ржавые вилы и три детских лейки. Стараясь не выдать веселого интереса, Бульбин осторожно спросил:

— Вы, вероятно, упосоцпаевец?

— «Упо», — мрачно кивнул водитель и закашлялся.

— А кого же вы возите? Начальника?

— Возил я начальников! — с прорвавшейся ненавистью признался водитель. — Теперь инвентарь вожу. А Пал Васильич, больной, между прочим, человек, пешком мается!

— Кто же довел вас до жизни такой?

— Вон, — не оборачиваясь, указал большим пальцем через плечо на заднее сиденье водитель. — Вон что довело. Все моем, моем... Конца этому мытью нету! А чего их мыть-то! Простояли тысячу лет без мытья и еще простоят! Что их, гладит кто, пыль провернет?!

— Кого же вы моете?

— Всех моем. Грифонов отмыли, сфинкса отполировали, теперь вот на львов перебрасывают.

Шофер хотел выплюнуть окурочек в окно, но вдруг, дернувшись, опомнился, погасил его о подошву и спрятал в карман.

Эльбрус бросил взор на фасад здания, который не носил признаков человеческой заботы: краска висела клочьями, колонны посерели и кое-где покрылись мхом, опасно покосившийся балкон чудом держался на одном железном костыле. В голове Бульбина мгновенно возникло название для будущей статьи: «У семи нянек дитя без глаза».

Решив довести свое расследование до конца, он вошел внутрь учреждения. Там его чуть не сбили с ног бегающие взад-перед сотрудники. Весь вестибюль был загроможден людьми, одетыми странно, по-бедняцки, как обыкновенно одеваются люди умственного труда, едущие помогать колхозу.

Бульбин решил подняться по лестнице, посмотреть, что делается там, и столкнулся со старичком благородной наружности в ермолке. Старичок бережно держал в руке изящную метелку из куринных перьев и продолжал начатый, видимо, давно сердитый разговор:

— ...Он назвал меня «папаша»! Хам! Я вам не «папаша», милостивый государь!

Бульбин машинально перевел взгляд на руку Брюнчанского (а это был он) и увидел застарелое чернильное пятно на среднем пальце. Он вспомнил, что анонимное послание было написано именно лиловыми чернилами.

— Па-азвольте-ка, сударь, пройти! Не видите — человек торопится на работу! — обратился старичок к Бульбину и взмахнул метелкой над головой.

Бульбин ласково взял его за локоток.

— Товарищ, — интимно спросил он, — известно ли вам, что друг вашего гимназического детства Д. Д. Кулов-Сицкий, в прошлом мелкий полицейский репортер, служил во врангелевской контрразведке?

— Это провокация, — бодро сказал старичок. — Немедленно отойдите от меня. Дайте заняться, наконец, делом! Видите — я работать тороплюсь?

— Это львов мыть? — поинтересовался Бульбин.

— А хоть бы и львов! — запальчиво воскликнул старичок. — По-вашему, их мыть не надо? Дананды, милый юноша, вообще наполняли водой бочку без дна и остались в истории!

— Ага, — понимающе кивнул журналист, — вы не хотите потерять свой шанс!

— Вы негодай, — напыщенно сказал старичок и, взяв метелку наперевес, как берданку, потребовал: — А покажите-ка документы!

Но тут снизу кто-то крикнул:

— Брюнчанский, хватит волынить! Работать поехали!

Старичок, тут же забыв о Бульбине, козликом поскакал вниз. А Бульбин, сохраняя маску дипломатического бесстрастия, поднялся в конференц-зал (бывшую спальню супругов Зениных-Ендрово).

Когда Бульбин увидел, что там происходит, настроение его из веселого сделалось мрачным и даже злым. Картина, явившаяся взору журналиста, была такова: в глубине бывшей спальни, на самодельной сцене, остолбенело стояла рослая дама в наброшенном на плечи зеленом пальто с рыжей лисой. Позади нее, на стене, висели огромные берестяные лапти. У ног были брошены

гусли. Два молодых бородача уныло суетились вокруг дамы, то расправляя складки ее пальто, то по-новому поворачивая гусли, а из зала на сцену зорко смотрел бородатый синеглазый старец. То был патриарх живописи Василий Семенчук. Время от времени он властно поводил в воздухе массивной тростью, ассистенты, понимая старца без слов, покорно перевешивали лапти или пристраивали рядом с гуслиями золотую братину.

В преклонном возрасте ему понравилось величать себя воинствующим реалистом. Однажды он устроил скандал на выставке Пикассо: возмущенный увиденным, стучал тростью по эрмитажному паркету и вопил: «Я русский художник и сраму не допущу!»

Бульбин наблюдал за Семенчуком из-за колонны. Он понял, что патриарх затевает новое полотно, и даже приблизительно угадывал, как оно будет называться: «Ветер радости» или «Грядущее с нами».

— Лапоточки чуть левее, — строго ронял маэстро. Во-от так, молодцом, ребята-ы! Ты, Федя, запиши: фон у нас будет ультра-мариновый и сепии туда чуток, сепии...

Капиталина Камеронова, обалдевшая от царившей вокруг нее ажитации, стояла по стойке «смирно». Все, что произносил художник, казалось ей непонятным и угрожающим:

— Погасите блик на виске... Нос сдвиньте левее... Выньте ухо, ухо выньте!.. Правая рука здесь совершенно лишняя. Отсекаю.

Когда дело дошло до отсечения руки, Капиталина не выдержала. Она тяжело пошевелилась и грюнула:

— Руку резать не дам! Слышишь ты, мазилка!

Постояв за колонной, посмотрев и послушав, Бульбин тихо вышел из зала. Он понял, что статью о семи няньках не напишет никогда, потому что в дело вмешался Семенчук. С ним у Бульбина были старые счеты. Когда-то журналист написал ядовитый очерк о творчестве художника, и били его за это по сую пору, били со вкусом, планомерно. В конце концов Эльбрус Бульбин хотел жить спокойно, и было бы лицемерием утверждать, что желание это порочно!

Итак, Бульбин мысленно отпустил себе грех трусости (что, по правде сказать, приходилось ему делать частенько) и пошел домой.

А через неделю в газете появилась большая статья-панегирик благородной деятельности работников «УПОСОЦПАИ» по протирке львов, в которой Капиталину Камеронову сравнивали с величавой рекой, победно взламывающей лед рутины и несущей его в море забвения. Под статьей стояла подпись: «Э. Бульбин».

Статья произвела определенное впечатление на определенные круги. Говорили, что сам Илья Афанасьевич Бородулин, главнокомандующий культурой, одобрил смелый почин упосоцпаевцев и назвал Камеронову... не догадаетесь, кем... Буревестником! Так-то вот.

Нельзя описать, как испугался Мяченков: Буревестник, работающий замом по АХЧ, то есть попросту завхозом, — это вопиющий нонсенс! Павел Васильевич решил срочно лечь в больницу, но перед этим назначил Камеронову своим замом, а Башмакову, как всегда, вынес выговор за инертность и понизил до должности консультанта по научной части.

Капиталина водворилась, наконец, в бывший кабинет Зенина-Ендрово, но, увы, невесел показался он ей. Один лишь бюст Вольтера, намертво прибитый к камину, напоминал о былых гусарских забавах. Вместо трубки с янтарем, вместо бутылки доброго «Аи» на столах и в шкафах лежали скучные бумажки. Капиталина ничего не понимала в них, но, поскольку ей было присуще стремление во всем докопаться до самой сути, она решила начать с азов. Вызвав консультанта по научной части, кариатида заговорила ласково:

— Башмаков, ты штафирка, а, значит, разбираешься в бумажках. Ну-ка, встань поближе и расскажи, что тут такое наскрябано.

Она медленно потрясла зажатой в кулаке пачкой документов. Рассказ Башмакова продолжался несколько часов и явился откровением для Капиталины. Оказалось, что «УПОСОЦПАИ», ее родное «УПОСОЦПАИ» расшифровывалось как «Управление по обеспечению сохранности особо ценных памятников искусства», то есть ведало реставрацией зданий, садово-парковых скульптур и прочей, с точки зрения Капиталины, дребеденью. Более всего поразил кариатиду тот факт, что деньги для реставрационных работ шли от государства, и немалые деньги!

В возмущении Капиталина ходила туда-сюда по кабинету. Паркет грешал под ее ногами. Не считая нужным таиться от штафирки Башмакова, она с горечью размышляла вслух:

— Вот оно, значит, как... Садово-парковые для них дороже простой уличной рабочей кариатиды... Аполлошку небось до блеску надраивают... Венерку небось шампунем моют... Я слышала, одну, без рук, без ног, без головы в музее держат... А я-то, я чем хуже?! Манер, говорят, не знаешь!.. Вот они, ихние манеры!.. Вот что деньги-то делают, Башмаков! Понимаешь ты меня, хилый человек?

Башмаков пришел к выводу, что начальница сошла с ума и ее в скором времени свезут в психиатрическую лечебницу, поэтому умильно поддакивал ей кивал и смотрел преданным собачьим взглядом.

— Башмаков, бери бумажку. Пиши, Башмаков, — приказала Капиталина. — Начальнику пиши. Самому главному. Тому, что меня похвалил. Объясни ему, что нечего зазря деньги тратить, что прижать надо садово-парковых! Па-адумаешь, аристократы! Хорошо напиши, Башмаков, чисто: денег, мол, не нужно, а если что развалится — сами починим. Своими силами.

Резкое заявление кариатиды, изложенное изящным канцелярским языком, которым Башмаков владел в совершенстве, приобрело несколько иной оттенок: просим, мол, перевести часть средств из фонда реставрационных работ в фонд заработной платы в связи с настоятельной необходимостью расширить штаты учреждения, а также приобретения мягкого и спортивного инвентаря в целях обеспечения культуры рабочего места сотрудников.

Капиталина, медленно шевеля губами, прочитала текст и, ничего не поняв, одобрила:

— Затежливо написано. Изрядный ты бумагомарака, Башмаков.

Зажав ручку в кулаке, как кинжал, она пропорола своей подписью мелованную бумагу.

На сей раз Павлу Васильевичу Мяченкову больше, чем когда-либо, не хотелось покидать больницу. Он вообще любил болеть, хотя вовсе не был мнителен. Двадцать лет работы на руководящих должностях вконец расшатали его здоровье: у него часто подскакивало давление, болело сердце, печень, желудок, мучила мигрень, подло и часто стреляло в поясницу, а в ушах постоянно стрекотало. Но больница привлекала его не только тем, что здесь лечили, были ласковы и внимательны, а приятной атмосферой вольного времяпрепровождения. Павел Васильевич подолгу и душевно беседовал с нянечками, сестрами, знал подноготную всех соседей по палате, с тихим умилением листал старые «Крокодилы», смотрел телевизор или же просто ничего не делал, лежал на кровати, уставясь в потолок.

Но если раньше свое возвращение из больницы на работу он воспринимал как тягостный долг, то теперь перспектива увидеть родное учреждение вызвала у него спазмы страха в желудке. Увы, в душе Павел Васильевич был трусоват. Автор, вовсе не пытаясь бросить тень на всех руководящих работников, должен сказать, что ко всему Павел Васильевич был еще и мистик.

О, начинал он крепким атеистом, крепче и быть не могло! Но жизнь поколебала это правильное убеждение.

Мяченков кончил институт железнодорожного транспорта и сразу же после этого стал главным инженером карамельной фабрики в провинции. Когда с карамелью было покончено, его назначили председателем отстающего колхоза. Промыкавшись там пять лет, Мяченков, сам не зная почему, сделался директором овощеперерабатывающего комбината. Это было единственное место, которое Павел Васильевич вспоминал с теплотой: в репе, в брюкве, в моркови не было ничего угрожающего, хищного. Уж ежели овощи были плохи, то вид их говорил об этом прямо, и ясно было, что с ними делать.

Но светлый период кончился, потому что Мяченкова внезапно перебросили на завод электронного оборудования директором. Там он и заработал свой первый инфаркт. К точной технике, которая упорно не хотела быть таковой, Павел Васильевич питал ненависть до сих пор. От слов «амперметр», «напряжение», «реостат», «микрон» его трясло. Было там, в электронной технике, еще одно словечко, которое Мяченков так и не научился выговаривать. В общем, кончалось оно на «...тика». Так вот, услышав его, он готов был рвать на себе последние волосы.

Под конец своей многострадальной деятельности Мяченков прибил к культуре и возглавил «УПОСОЦПАИ». В руководящих кругах это учреждение считалось чем-то вроде санатория. Искусство ведь вещь тонкая, точных критериев не имеет, а посему любой ляпсус в этой области не наказуем.

Учреждение занималось координацией планов реставрационных работ, распределением фондов между мастерскими и главным образом общественно-просветительской деятельностью. Именно здесь, в «УПОСОЦПАИ», выросла и окрепла вера Павла Васильевича в оккультные силы. Он ни черта не понимал в том, что происходит! Почему он, железнодорожник по призванию и директор волею судеб, должен давать специалистам указания, какую церковь реставрировать в первую очередь, а какую вообще снести?! Почему он, выступая на собрании перед искусствове-

дами, должен популярно объяснять им, что к памятникам архитектуры следует относиться с уважением и бережно: не писать на стенах церковей свои имена, не пользоваться ими как туалетами и не увечить статуи в парках, как будто почтенные профессора, собравшиеся перед ним, только этим и занимались?!

Обыкновенно Павел Васильевич бубнил свою речь с трибуны, низко опустив голову и мучаясь стыдом. Он ждал, что кто-нибудь обязательно крикнет: «Пошел вон, дурак!» Так ведь не кричали же, даже попыток не делали! И что самое странное — благодарили за правильное руководство. Ну как тут было Мяченкову не поверить в темные и насмешливые силы зла!

Появление Капиталины Камероновой и ее триумфальное шествие по служебной лестнице еще больше укрепило эту веру. Что чудилось в этом создании Мяченкову, какие химерические тени мыслил он себе ее покровителями, неизвестно. Ясно было одно — он ее боялся.

Подойдя к «УПОСОЦПАИ», директор застыл на месте, ощутив боль в сердце. То, что он увидел, не укладывалось ни в какие рамки: на балконе, на месте давно исчезнувшей кариатиды, беззаботно стояла парочка — старик Брюнчанский и машинистка Светочка Елисеева. Причем они не просто стояли, а делали вид, что подпирают балкон! Мяченков не поверил своим глазам, потом решил, что сошел с ума, и немного успокоился. Брюнчанский, по всей видимости, рассказывал Светочке какие-то галантные багательи. Душечка-блондинка смеялась. Им было хорошо на свежем воздухе.

Мяченков бочком, бочком, чтобы никто не заметил, просочился в учреждение, но подняться наверх побоялся и юркнул в гардероб. Оттуда, из-за пальто, он начал разглядывать вестикбиль. Там появилось много новой мебели — пуфики, козетки «лже-рококо», два теннисных стола, свернутая волейбольная сетка. Над лестницей висел молодецкий кумачовый плакат: «Все — своими силами!»

В общих чертах картина стала Мяченкову ясна, но хотелось уточнить детали, и тут на помощь пришла Клава Сутягина. В ее закутке, за чаем с лимоном, Мяченков услышал скорбную повесть о болезненном периоде ломки в «УПОСОЦПАИ».

— ...Лютует Капка... А прикидывалась овечкой!.. А я-то ей, дура, советы давала, жалела ее, а она теперь во-он что удумала... Балкон держим! Все, по очереди. Каменная баба, вишь, куда-то с балкона подевалась... Может, и впрямь сперли?.. Капка говорит — особая ценности баба была, лучше Венеры какой-то... Небесной красоты, говорит, была баба... Капка речугу толкнула: «Стойте, — говорит, — и балкон держите, как я вас на своих плечах, штафирок несчастных, мизераблев поганных, держу зачем-то!»... С фондами чего-то учудила, кобылица... Академики всякие звонят, шибко ругаются, аж телефоны трещат. Говорят, государственной важности работы заморозили. А Капка наша им режет: «Как же это заморозили, когда лето на дворе?..»

Последняя информация придавила Мяченкова, как тяжелая плита. Фонды были вообще самым слабым местом культуры. Упоминание же о каких-то возмущенных академиках взволновало

Павла Васильевича чрезвычайно. Он этих академиков навидался. Народ, конечно, хлипкий с виду, но за себя постоять умеет и за культуру эту, будь она трижды неладна.

Собрав все свое мужество, Мяченков решил подняться в кабинет и уже оторвал ногу от земли, но вдруг понуро замер. Он представил, как Камеронова гаркнет на него: «А ну, хрюндя пузатый, чем без дела болтаться, ма-арш на балкон заместо карнаиды!» Павел Васильевич твердо знал, что пойдет и встанет.

Взвзав с Клавы честное слово, что никому она о его визите не расскажет, Мяченков незаметно вышел на улицу.

Пусть любезный читатель не расценит поспешный уход Мяченкова как паническое бегство. Нет, это было отнюдь не бегство, а тактическое отступление, выравнивание линии фронта (уж ежели Илья Афанасьевич Бородулин был главнокомандующим культурой, то Мяченков — не меньше, чем командующий фронтом!). Предстоящий маневр Павел Васильевич мыслил себе так: укрепить расшатавшиеся тылы уважаемым именем, а фланги обезопасить общественным мнением, которое оно, это уважаемое имя, сумеет к себе привлечь выступлениями в прессе и личным авторитетом.

Предполагаемого защитника он выбрал еще сидя в закутке у Клавы. Это был академик Сергей Николаевич Стогис, личность, пользующаяся абсолютным доверием во всем, что касалось истории культуры и сохранения ее памятников.

Как уже упоминалось, Мяченков относился к академикам с опаской. Он по мере сил избегал личных встреч с ними, не находя общих тем для бесед. В этом он выгодно отличался от Наполеона Бонапарта, который, как известно, с учеными не церемонился. Вспомним его сакраментальное: «Ослов и ученых — в середину!» (см. Египетский поход). Но ситуация, сложившаяся в подвластном Мяченкову учреждении, требовала личной и строгой конфиденциальной беседы с ученым.

Итак, войдя в старый подъезд, Мяченков снял шляпу, пригладил пух на голове и, придав лицу выражение скромной значительности, позвонил в дверь.

Стогис встретил его хорошо, приветливо. Неискушенный Мяченков даже подумал, что академик за что-то уважает его, и немного приободрился.

Беседу нельзя было назвать полноценной, потому что говорил один Мяченков. Монолог его был полон оправданий, ссылок на роковой ход событий, упований на помощь извне, намеков на нечистую силу в лице Камероновой, а также жалостных упоминаний о том, что до пенсии ему остается всего полгода.

— Вы, Сергей Николаевич, честный человек, об этом и в газетах писали и в кино показывали. Про вас даже сам Бородулин хорошо так выразился, сильно: Стогис, мол, — смельчак, потому что правду любит и за словом в карман не лезет. Это я, Сергей Николаевич, к тому, что общественность должна к вам прислушаться! Ведь вы знаете, что Камеронова затевает? От всех фондов отказаться и жить своими силами! А реставрациями пусть школьники и студенты в свободное от учебы время занимаются. Вот она как решила!.. — Тут Мяченков сделал паузу, желая

сказать резкость, но не решился, застеснявшись академика.

— Сам Бородулин, говорят, заинтересовался... А Бородулин, он ведь что, он кристально чистый человек, хоть и грубоват. Вы же знаете, слабость у него к починам: такого обмануть — раз плюнуть! Сергей Николаевич, принимайте меры, созывайте там всех ваших академиков, поднимайте народ! Мы вам за это спасибо скажем, я первый поклонюсь. А то если все здания развалятся, то ведь меня заклюют, и первый вы клеветать будете, Сергей Николаевич! Ай, извините, не клеветать, а это... подвергать резкой критике.

Академик слушал Мяченкова со стоическим спокойствием. Богатый и долгий жизненный опыт приучил его терпеливо относиться ко всем кризисам, переворотам и революциям в области культуры. Мяченков, лежа в больнице, несколько отстал от жизни и не знал, что неделю назад в одной из центральных газет было напечатано письмо Стогиса под названием: «Сберечь культурное наследие». В нем он клеймил некомпетентных работников аппарата культуры. Досталось и «УПОСОЦПАИ». Редакция газеты, недолго думая, напечатала ответ под заголовком: «Наследие — сбережем!», в котором увлекательно, с подробностями, с перечислением каких-то цифр, имен, дат было рассказано, как и где будут восстанавливать Сухареву башню. Бодрое изложение не оставляло места для пессимистической рефлексии, и создавалось впечатление, что после Сухаревой башни кто-нибудь восстановит и другие памятники архитектуры, если они к тому времени незначай разрушатся.

Пока академик освежал в памяти историю со своим письмом, Мяченков вновь вполз в трясину мистики и даже ударился в омерзительное для руководства манихейство:

— Я вам честно скажу, Сергей Николаевич, как умному человеку: бог, конечно, есть, хотя вслух мы об этом с вами не говорим. Он, конечно, поможет, выручит... Но, Сергей Николаевич, если он такой всесильный, как мамаша моя бедная веровала, то почему же Сатана такой могучий, а?! Вопросик...

Лицо Стогиса — усталое, болезненное, «раздетое» лицо старика вдруг оживилось улыбкой, но какой!.. Ультравольтеровской — столько в ней было сарказма и яду.

Меж тем в прихожей громко заговорили и раздалось какое-то лязганье. Мяченков вскочил.

— Гости?

— Это телевидение. Меня пришли снимать для передачи «Коллаж».

— Па-на-сю-гин?! — ужаснулся Мяченков.

— Да, кажется.

— Он не должен видеть меня здесь! Скройте меня, умоляю!

Следующие сорок минут Мяченков сидел в крошечном кабинете за перегородкой, боясь пошевелиться или, не дай бог, чихнуть. Телевизионщики возились долго: двигали мебель, усаживали Стогиса то так, то этак, курили, на ходу чинили аппаратуру. Вопросы, которые задал Панасюгин академику, были чрезвычайно новы, изобретательны и оригинальны. Он развязно спросил его о творческих планах и о смысле жизни, а также потребовал открыть, что Стогис думает о современной молодежи.

Академик вежливо, но без энтузиазма ответил на вопросы. а

затем с изяществом многоопытного дискуссанта перевел разговор на незапланированную Панасюгиным тему.

— ...Я хотел бы сказать несколько слов об отношении к бесценным памятникам искусства. Далеким от этих вопросов людям позволительно думать, что памятники растут, как грибы или цветы, и что можно безнаказанно и бесконечно скашивать это поле. Но позволительно ли придерживаться такой точки зрения людям, которые, по непонятной мне причине, руководят охраной шедевров?..

Панасюгин внутренне заметался и уже готов был отдать приказ Леве Лешаку выключить камеру, но осторожность помешала ему — черт их знает, этих академиков! Еще, пожалуй, обидится, состряпает кляузу, а там, глядишь, Панасюгина премии лишат и выговор объявят. Пришлось снимать вздорного старика дальше.

Меж тем Стогис продолжал:

— ...Волна некомпетентности захлестнула нас. К примеру, есть сведения, что в известном учреждении «УПОСОЦПАИ», которое, кстати, планирует реставрационные работы, нет ни одного работника с высшим искусствоведческим образованием. Нет там также ни архитекторов, ни художников. Примите во внимание тот факт, что учреждение это — еще из самых безобидных, потому что сфера его деятельности ограничена...

Тут Панасюгин почувствовал себя, как идущий один на один в атаку против танка, и, мысленно метнув в академика гранатой, со зверской улыбкой заорал:

— А что вы, Сергей Николаевич, думаете о проблеме отцов и детей?! Как это было в ваше время?!

— Отнюдь не праздный вопрос, — бестрепетно сказал академик, и Панасюгин сразу понял, что дал маху. — Я не хотел бы распространяться о том времени, когда я был юн, потому что надеюсь окончить в скором будущем свои мемуары. Не буду загадывать, но, возможно, их напечатают. Что же касается проблемы отцов и детей в глобальном смысле этого слова, то это укладывается в тему нашей беседы. Если мы, отцы, на данном историческом этапе не сумеем оградить нашу культуру от тихого вандализма, вандализма с чистыми глазами, то дети наши будут жить в пустыне. А в пустыне жизни быть не может. Это смерть.

Камеру наконец выключили, и Панасюгин слабым, но злым голосом поблагодарил Стогиса.

Когда стало тихо, из-за перегородки вышел Мяченков. Чувства его были противоречивы: после услышанного интервью он стал уважать Стогиса еще больше, но в то же время начал жалеть его умильной жалостью, как жалеют обыкновенно малых детей, беспомощных стариков и больных животных.

С забытой приниженностью Мяченков поклонился Стогису и уже на пороге пролепетал:

— Эх, Сергей Николаевич, святой вы человек, жизни не знаете... А жизнь-то ведь, как сказал Энгельс, трагедия. Во-он оно как! Жизнь есть трагедия. Ура-а...

Читатель вправе спросить автора: «Где же ваша героиня? Где виновница стольких треволений? Где она?» Здесь повествование возвращает нас в особняк на набережной. Что же мы видим?

Ночь. Беззвездная ночь. Пустое учреждение. Ни огонька нигде, ни шороха. В холодном вестибюле под вешалкой стоит Капи-

талина Камеронова. Ей некуда пойти. У нее нет другого дома (хотя все сотрудники учреждения почему-то уверены в том, что у начальницы чудно обставленная трехкомнатная квартирка). Впрочем, Капиталине чуждо все мелочное, житейское: она ведь не чувствует ни усталости, ни потребности в уюте. У нее есть пальто, чемодан и зонтик. Этого достаточно. Однако отчего так печальна Капиталина? Отчего глухой каменный стон время от времени вырывается из ее лжеантичной груди? Она погружена в тревожные раздумья. Она на распутье.

Вчера случилось непонятное: неизвестный друг позвонил ей и сказал:

— Камеронова, вас будут ругать по телевизору, но вы не бойтесь. Я бы на вашем месте попросил помощи у Бородулина.

Капиталина честно просмотрела в своем кабинете программу телевидения, но ни в прогнозе погоды, ни в спортивных новостях, ни в музыкальной передаче никто ее не ругал и даже не упоминал ее имени. Когда передачи кончились. Капиталина решила, что неизвестный пошутил. И за что было ругать ее, когда, напротив, все только хвалили? Но вот прошли сутки, а чувство непонятной растерянности не покидало кариатиду.

Глухой ночью Капиталина решила. Она промаршировала в свой кабинет и набрала по телефону домашний номер Бородулина. Ей хотелось услышать совет грозного начальника: что делать, когда тебя ругают по телевизору? На кого жаловаться? Может быть, на телевизор на этот? Но ведь в нем сидят такие ма-ленькие человечки — разве они могут отвечать за свои поступки?!

Бородулин взял трубку сразу же после первого гудка. Эта готовность Капиталине понравилась.

— В телефоне. Бородулин.

— В телефоне. Камеронова.

— Я очень занят. Бородулин.

— Меня хотят ругать. Как быть? Научите!

— Стоять насмерть, Камеронова. Я в курсе. Поругают — перестанут.

— Но я же не люблю, когда ругают!

— Ничего не знаю, — озлился вдруг Бородулин. — Я вообще сейчас уезжаю. Уже стою в пальто и ботинках. Бывай, Камеронова.

— Буду! — с готовностью бухнула Капиталина.

Казалось бы, разговор был очень хороший, перспективный, но остался у Капиталины какой-то горький осадок. Что-то, видимо, таил про себя Бородулин, о чем-то не хотел говорить с ней.

Капиталина гулко мерила шагами вестибюль и сильно била себя по каменной голове, призывая ее таким образом думать. Мысли ворочались тяжело:

«Может, почин новый нужен? Но какой?! Все вроде помыли. Гонят уже отовсюду. Что делать, что?!»

И тут в парадную дверь особняка негромко, но настойчиво постучали...

— Кто там? — строго спросила Капиталина, выглядывая в окошечко.

— Я, дворник, — жалобно проныли в ответ. — Из соседнего дома я... Пустите погреться! Я ключ от дворницкой потерял.

— Будешь воровать — убью, — предупредила Капиталина и открыла дверь.

В вестибюль вошел низкорослый человечек невыразительной внешности. Перед собой он катил детскую коляску, в которой что-то потрескивало.

— Спасибо вам, душевная женщина, — благодарно сказал посетитель, усевшись на стульчик у входа. — Пережду здесь ночь, а заодно уж утречком, когда начальник ваш придет, запишусь к нему на прием. Здесь я еще не был. Как это место называется, голубушка?

— «УПОСОЦПАИ», — ответствовала Капиталина. — Памятники бережем. Культуру охраняем.

— Ну, что ж, — задумчиво сказал человек. — Может, здесь повезет. А кто у вас начальник-то?

— Я начальник, — представилась Капиталина (она уже давно забыла, что на свете есть Мяченков).

— Вы-ы? — не поверил дворник. — Не может быть!

— Нет, может! — агрессивно сказала Капиталина.

— Да я не в том смысле, — заюлил дворник, вскочив со стульчика. — Я просто глазам не верю: такая молодая, красивая, рослая — и уже начальник!

— Я красивый начальник, — приосанилась кариатида, почувствовав расположение к человеку, который восхитился ее внешностью.

В коляске что-то зазвенело. Дворник заглянул внутрь, молниеносно сделал движение, будто закрутил гайку, и вновь стало тихо.

— Какой у тебя ко мне разговор? — благосклонно осведомилась Капиталина. — Можешь говорить. Хотя времени у меня очень мало: видишь, стою в пальто и ботинках.

Посетитель невозмутимо закурил и, прищурившись, начал:

— Я, видите ли, гений. Я этого не скрываю и не стыжусь. Пусть филистеры клеймят Владимира Бабаева гадким прозвищем безоглядного фантазера, он плюет на них! — Человечек символически плюнул на пол и снова затянулся сигаретой. — Пусть высокомерный Олимп науки топчет и пинает Бабаева — он все снесет. Владимир Бабаев — это что-то совсем особенное! Это вам не жалкий кандидатишка и не академишка. Он демиург инженерии!

— А кто такой Бабаев? — перебила кариатида. — Не знаю такого.

— Да, его пока не знают! — с демоническим блеском в глазах воскликнул Бабаев. — А между тем он живет в дворничьей, имея высшее образование! Питается кефиром! Делит скудный провант с крысами! Вот он каков, этот всеми презираемый Бабаев!

Капиталина по-бабьи пригорюнилась.

— Дворник, скажи ему, Бабаеву этому, — крыс всех передавить надо, а обедать он может у нас в столовой. Я ему пропуск выпишу.

— Про-опуск, — закачался на стуле дворник. — Можно ли выписать тот пропуск, который в действительности достоин Бабаева? Таких пропусков нет! И зачем пропуск тому, кто уже, можно сказать, почти обессмертил свое имя изобретением

«Аудофила серпента»! Сволочи потомки ска-ажут спасибо создателю «Некромобили террибля»! И, наконец, памятник поставят, гады, родителю «Голобабая»!

Дворник страстно тряхнул коляску. В ней запищало и замурлыкало одновременно.

— Там кто? — спросила Капиталина.

— Кто та-ам? — визгливо повторил изобретатель. — Спросите лучше, кого там нет! Там — все. Весь мир лежит сейчас в этой утлой коляске!

Капиталина моргнула — она ничего не поняла. Опасливо заглянув внутрь, она обнаружила там старый посылочный ящик с маленькой электрической лампочкой. Эта кажущаяся на вид примитивной конструкция и являлась плодом гениальной инженерной мысли — пресловутым «Голобабаяем». «Голо» — было началом слова «голография», ну а «бабай», конечно, нес на себе явный отпечаток фамилии автора изобретения.

В пространном научном докладе, который прочитал ошавевшей Капиталине дворник, была описана история создания машины и бегло обрисованы радужные перспективы использования ее в народном хозяйстве. По словам изобретателя, «Голобабай» мог творить в воздухе самые разные предметы, как одушевленные, так и неодушевленные. Капиталина не поверила. Тогда Бабаев, торжествуя, достал из коляски какой-то загадочный раструб и направил его на стоявшую на тумбочке в гардеробе чашку.

И... о, чудо! Посредине вестибюля возникло точное подобие ее, и даже еще красивее. Исчезли царапины, выровнялся выщербленный край, чудом появилась давно отбитая ручка, ядовитосиним цветом загорелась еле видимая в натуре надпись: «Чай не пьешь — где силу возьмешь?»

— Гений, — тяжело прогрохотала Капиталина и, внезапно осененная потрясающей идеей, прижала к груди малютку дворника.

Минуло полгода. Подобно тому, как из невзрачной куколки выпархивает красивая бабочка махаон, как из раковины рождается на картинах божественная Киприда, так из скромного дворника вылупилсь, благодаря хирургическому вмешательству Капиталины, научный консультант «УПОСОЦПАИ» Владимир Андреевич Бабаев. На данном этапе повествования мы застаем бывшего дворника и бывшую кариатиду в Саду.

Итак, поздний осенний вечер. Посетителей уже нет, но на главной аллее толпятся какие-то солидные люди с портфелями и зонтиками. Возле статуи Аполлона стоит Владимир Андреевич Бабаев. Рядом с ним — приодевшаяся Капиталина Гавриловна. Бабаев уже час держит речь перед собравшимися:

— ...Как сорная трава, я рос в деревне Волхушки Н-ской губернии, пардон, области. Невзирая на лишения, на физические и нравственные муки (антр ну: папаша колачивал меня, за что я глубоко благодарен старику — ведь без страданий нет свершений, как сказал всеми нами уважаемый Фейербах). Так вот, несмотря на все мытарства, я вырос! Но довольно об этом. Сейчас я стою перед вами, трепеща от волнения, от распирающей меня творческой дрожи, представляя на суд людской свое, не

побоюсь сказать, лучшее детище, свою кровиночку, как любила варивать моя старушка мамаша, мир праху ее!..

Бабаев нежно покачал коляску. В ней что-то взвыло одобряюще.

— ...«Голобабай»!.. Что же это, спросите вы, уважаемые? Может быть, это нечто запредельное, мистическое? Может быть, ему и места нет в нашей действительности, этому «Голобабай»? Не-ет, есть местечко, отвечу я вам и с блеском докажу высказанное мною здесь предположение!..

Публика зароптала, впрочем, без возмущения, и чей-то важный голос пронзил шум:

— Давайте кончать, товарищи. Дождь собирается, да и холодно.

Непрошибаемый Бабаев продолжал речь как ни в чем не бывало:

— ...Вот перед вами фигура Аполлона Бельведерского. Как мы видим, оружие его, лук обломан. Недосчитываемся мы также двух пальцев на правой руке, а при внимательном рассмотрении замечаем по всей спине бога многочисленные трещины. Вид этой статуи гнусен. И чего художники с нее срисовывают картинки, я не понимаю! Теперь смотрите сюда. — Бабаев указал на коляску — в ней раздалось мерзкое хихиканье. — Вот прибор. Я не буду говорить о его функциональном совершенстве, это вам станет ясно через минутку. Сейчас я направляю «синто-раструб» на эту статуэтку...

Бабаев нацелился железной воронкой на несчастного Аполлона и начал энергично качать коляску, приговаривая:

— Сейчас у нас Аполлошка будет как новенький... Сейчас вы его, родимого, не узнаете...

Тут в коляске жадно забулькало, как будто долго спускали воду в туалете, ухнуло и, наконец, затихло. Собравшиеся с изумлением и восторгом узрели возникшего рядом с настоящим Аполлоном двойника, да какого! Как будто он только что вышел из рук древнегреческого ваятеля! Каррарский мрамор сиял, натянутый лук, казалось, дрожал в руке бога. На месте были также все пальцы, зато трещины отсутствовали.

— Ну?! — победно закричал Бабаев. — Какова штучка! Ничего?!

Оцепенелое молчание воцарилось среди зрителей, и, наконец, кто-то самый важный, с самым большим портфелем из крокодиловой кожи, степенно подошел к Аполлону и рукою в перчатке потыкал его в бедро. Рука провалилась.

— Но он же пустой! — разочарованно воскликнул тыкавший.

— А что, вы думаете, у него внутри? — дерзко спросил Бабаев. — Перепела, что ли? Или «фин-шампань»?

Хранившая доселе молчание Капиталина вдруг подала голос:

— Гараграфии не знают, а лезут! Ну-ка, вот я сейчас подойду и суну тебе в поддых, толстый, как ты тогда затяжкаешь, интересно! Понимать надо, и руками гараграфию не лапаты!

Бабаев одобрительно кивал в такт ее речи: мол, врежь им, Капка, мешанам этим.

Здесь автор ожидал, что разразится гром, что все эти важные люди накинутся на Капу и побьют ее своими портфелями или хотя бы словесно отхлещут! Но нет, никто и не думал про-

тестовать. Все слушали с доброжелательным вниманием и мимикой выражали понимание тонкого юмора кариатиды. Тот же, которого оскорбили лично, поставил портфель у своих ног, бесшумно поаплодировал Капе и похвалил ее:

— Большая вы у нас оригиналка, Капиталина Гавриловна. Но организатор — отменный.

Он вновь обнял портфель и продолжил:

— Ну, что ж, друзья, изобретение это очень интересное, перспективное изобретение. Автор, сразу видно, много о народном хозяйстве думает.

— Это так! — с горячностью согласился Бабаев. — Я думаю о нем всегда!

Глава комиссии заключил:

— Будем ставить вопрос о внедрении. Конечно, подождать придется. Не сразу, как говорится, Москва строилась. А вам, товарищ Бабаев, спасибо за массу полезной информации.

Все поспешно разошлись. Последним вприпрыжку удалился Бабаев со своей коляской. Голографический Аполлон постепенно растворился в вечерней сырости.

Капиталина осталась одна. Она стояла посреди центральной аллеи, окруженная своими былыми оскорбителями — голыми, ничтожными, беспаспортными — и чувствовала себя, как отважный укротитель в клетке со львами. Торжество, переполнявшее ее, было столь велико, что она не знала, с чего начать: показать ли язык, сложить ли победный кулак перед носом у каждого врага поочередно или же в знак презрения гулко хлопотать себя по заднице, сопровождая этот жест улюлюканьем. Пока же она, избоченившись, притопывала на месте, чтобы эффективнее показать модные сапожки с тигриными хвостами на голенищах и пальто из щипаного меха седой обезьяны. Пускай видят, бесштанное, что такое хорошо одетая женщина!

Торжество кариатиды, казалось, было полным, но легкая тень все же омрачала его, не позволяя Капиталине проделать задуманную оскорбительную пантомиму. К чему лукавить, глубокая любовная траншея в ее сердце, возникшая в ту далекую достопамятную ночь, в момент встречи с прекрасным Антином, не только не затянулась, а напротив, поросла лирическими незабудками. О, как хотелось, чтобы красавец, увидев Капу такой эмансипированной, такой элегантной, бонтонной, свалился с пьедестала к ее ногам! Она же все простит ему, возьмет на руки и унесет в «УПОСОЦПАИ», где пристроит своим замом по науке вместо несносного и бестолкового Башмакова.

Но Антиной безмолвствовал. В таинственном свете садовых фонарей показалось Капиталине, что он брезгливо скривил губы. Любовь кариатиды мгновенно обернулась ненавистью. Ее леггереский профиль стал грозен, даже свиреп.

— Бре-е-згуете мною? — мрачно выговорила она. — Ну, погодите же... Так-то вы запоете, когда вас всей кодлой поведут топы! Аристокра-а-ты... Скоро вместо вас изображения будут! Гараграфическое!

И долго бы еще бушевала Капиталина в безмолвной аллее, если бы не вышел из-за куста незнакомый солидный мужчина и не представился приятным твердым голосом:

— Глеб Бонифацевич Шикин. Литератор. Член Союза писа-

телей. Имею к вам, Капиталина Гавриловна, серьезный разговор. Пройдемте.

Карнатиды не поняла, в чем дело, но насторожилась:

— Чего тебе надо, писака? В газетку про меня строчить будешь? Смотри, хвали, а то поколочу!

— Помилуйте, Капиталина Гавриловна, — вежливо сказал Шикин, увлекая ее под руку к выходу. — А дело мое очень простое...

Их голоса скоро затихли в конце аллеи.

И вот тогда Аполлон, претерпевший столько оскорблений и унижений, выхватил из колчана мраморную стрелу и, размахнувшись, запустил ее в черное небо.

Какие неожиданные поступки совершают порой персонажи произведений — то выходят замуж не за того, за кого нужно, те кидаются под паровоз, то стреляются. А бывает и так: появится вдруг совершенно новое лицо, про которое автор знать не знает. И пойдет этот новый гулять по страницам, только успевай записывать!

Вот так и получилось с Шикиным. Кто же он такой, зачем явился? Человек этот весьма почтенный, известный писатель-фантаст, и причина его прихода к нашей героине вполне веская. Горькая обида — вот что двигало им. Прошел год с того рокового дня, когда ветер сдул с рабочего стола фантаста листы последней рукописи и унес их в распахнутое окно. Дворник собрал бесценные листки и принес их автору, но... о ужас, не было самого главного листка, написанного, как полагал Шикин, в совершенно новой для него, романтической манере. Была там, к примеру, такая фраза: «Луна, как чаша с медленно действующим ядом, лила на Карамуцу струю желтого света». Эта фразочка была еще вполне приличная, легко запоминающаяся. Остальные автор не решаете привести здесь, потому как среди читателей могут оказаться люди с расстроенными нервами. Так вот, Шикин, наученный долгим опытом борьбы с многочисленными эпигонами, сразу понял: дворник — вор! А дворником-то был не кто иной, как ныне процветающий Владимир Андреевич Бабаев, в то время справедливо именуемый жильцами «Вовка-тунеядец».

Шикин сначала прямо потребовал вернуть листок. Дворник все отрицал. Шикин написал жалобу в домоуправление. Дворник продолжал запереться. Тогда Шикин повел планомерную осаду Тунеядца, натравливая на него комиссию за комиссией, лишая его тем самым премиальных и нанося хрупкому гению моральный ущерб. Бабаев пошел в контратаку: сделал узкоспециализированный механизм-крысу, которая умела кусать только одни ноги — шикинские. И крыса таки выполнила свою задачу. С ликованием Бабаев наблюдал, как покусанного фантаста на носилках втащили в «скорую помощь» и увезли делать болезненные прививки от бешенства.

Но в больнице Шикин не успокоился, напротив, лечение озлобило его до крайности. Вырвавшись на свободу, фантаст готов был к новой схватке с ненавистным похитителем листка, но Бабаев уже исчез. Вернее, он возник в новом качестве консультанта «УПОСОЦПАИ» по научной части. Пришлось Шикину писать

жалобы и в эту организацию. Возможно, он чего-нибудь бы и добился, но Камеронова взяла за правило рвать всю входящую корреспонденцию не читая. Шикин начал искать личной встречи с начальственной кариатидой и, наконец, достиг ее в Саду.

С достоинством излагая свою просьбу, литератор довел Капиталину до дверей учреждения и вошел вслед за ней в вестибюль. Капиталина вообще терпеть не могла бумагомарак. В этом она не отличалась от лихого Зенина-Ендрово. Поэтому первым ее побуждением было поколотить приставучего Шикина и вышвырнуть за дверь. Но ее остановило внезапно возникшее чувство непонятной симпатии к этому человеку. В очертаниях затылка, в манере неподвижно, с достоинством держать корпус, в походке на почти негнувшихся ногах она чувала что-то родное, во всяком случае, родственное. Капиталина поняла: «Это свой. Не мраморный, конечно, помягче, но свой».

Без церемоний карнатида развернула писателя за плечи к свету и доверительно спросила:

— Тебя из чего сварганили? Из дерева или из гипсу?

Шикин тонко, язвительно улыбнулся и продолжал гнуть свое, глубоко личное:

— ...Вот я, профессиональный литератор, работаю в поте лица. Это, знаете, тяжело — книжки писать. И вот твой труд пропадает. Я не уверен, что кто-то сейчас не греет свои воровские руки над огнем моего, подчеркиваю, моего творчества! В старые времена, Капиталина Гавриловна, за каждое слово мое по червонцу бы отваливали. Тогда ценили литераторов! Это вам не наше время, когда каждый дворник норовит скакнуть в писатели Бо-ог ты мой, до чего все измельчало...

Речь его текла ровно, вяло, без интонаций. Капиталина неотрывно смотрела на его шевелящиеся узкие губы и соображала: «Деревянный... А, может, из гипсу? Не-ет, деревянный, как есть деревянный!»

В щель двери неожиданно вползло зеленое чудовище. Это была Змея. Она сделала Капиталине хвостом приветственный жест и ловко взметнулась на теннисный стол, где свернулась в кольца.

Шикин равнодушно посмотрел на Змею и спросил:

— Кто это?

— Змея, — ответила Змея.

— А-а, — кивнул он. — Кино снимают. Ясно. Так вот, Капиталина Гавриловна, я не требую наказания Бабаева. Я не жесток. Я требую справедливости. Пусть он вернет то, что по праву автора принадлежит только мне.

— Ты, чурка, выдь на чуток, — приказала Капиталина и даже сама вывела фантаста за дверь, под дождь. — Стой тут. Карауль. А у меня конфиденция с гадой. Если кто обижать будет — в окно стукни. Выйду — всех разбросаю.

Шикин бестрепетно закурил и, не смахивая капель дождя, падавших ему на нос, подумал:

«Уж не любовница ли Бабаева эта рослая бабеч? И при чем тут змея? Как глупо... Как пошло... И вообще, все они дураки. Ничего, завтра тоже день. И послезавтра. Никуда они все от меня не денутся».

Литератор выплюнул сигарету и медленно пошлепал по лужам домой.

Неверно было бы думать, что Шикин не более чем графоман и склочник. Нет, это был действительно известный писатель. Славу его составили рассказы, повести и эссе из жизни пришельцев. Автор этих строк и сам в детские годы с замиранием сердца читал под партой сочинения Глеба Шикина, упивался ими, хохотал, игнорируя школьные правила, порою плакал и всегда преклонялся перед неистощимым воображением фантаста. Будучи крайне юным и неискушенным в вопросах литературы, автор не подозревал о том, что и такие звезды меркнут. Увы, именно это и произошло с Шикиным. О нет, он не разучился писать! Мастерство его росло и становилось более изощренным. Остроумный диалог, меткая метафора, хлесткий эпитет — этим арсеналом он владел изрядно. Но темы... Темы!.. Где их взять?! Ведь читающей публике давно приелись пришельцы, которых, по сути-то, и нету. Воссоздать социальную катастрофу? А зачем? Психологическое повествование? Банально.

Словом, Глеб Бонифациевич Шикин исписался. Если уж выдавать все тайны, то надо открыть, что он даже был рад, когда так неожиданно пропал лист из его новой рукописи. В завершеном виде Шикин не возлагал на нее особых надежд. А теперь можно было без конца воспевать совершенства утраченного текста и вживаться в амплуа страдальца, у которого похитили его любимое детище. Человек вообще слаб, несовершенен, а творческий человек — в особенности, потому как более раним и снедаем бесконечной тоской по идеалу. Кто знает, может быть, к концу этого повествования Шикин найдет новую стезю. Кто знает...

Тем временем в кабинете у Капы происходила важная конфиденция со Змеей. Кариатида сидела за столом, Змея поклонилась на нем, доверительно склонив узкую голову к плечу своей протегее. Мизансцена сия весьма напоминала библейский эпизод «Соблазнение Евы». Вместо яблока начальственная кариатида сжимала в кулаке круглую печать.

— В Саду был ш-шикарный эль скандаль, — шуршала Змея. — Уж-жасный ш-шорох! Аполлон в беш-шенстве! Это понятно, не хочет, чтобы его топили. Нимфочки в обморок попадали. Боятся тебя, Капа.

— И правильно, — ударила печатью по столу кариатида. — Боятся — значит, уважают. Любви ихней мне не надобно.

— Ну-у, Капа, удиви-ила! А как же тот, чье имя начинается с буквы А, наш красавец? Неуж-жели рука поднимется и на него? О-о, мстительная Капа!

— Тяжко будет, но поднимется, — с мрачной страстью прилепчала Капа.

— Уж-жель не пощ-щадишь? — воскликнула Змея, нервно шлепая хвостом по бумагам.

— Передай ему, — выдохнула Капа, — если осознал, пусть придет. Все прощу. Если нет — утоплю. Я сейчас в силе. И Аполлошку вашего с сеструхой его Артемидкой — к ногтю. Собак ихних мраморных — в щепенку. Мно-го у меня планов. Аж башка гудит. Трещинами пошла...

Змея насторожилась:

— Всех-всех топить будешь?

— А то как же. Зло надо вырывать с корнем.

— Капа, голубуш-шка, — насмешливо прошипела Змея, — а мой-то как же? Его, что ли, тоже на дно?

Капа растерялась лишь на мгновение и затем запальчиво грянула:

— А твой-то чем лучше? Па-адумаешь, персона! Мне вообще говорили, что это плохая скульптура!

Змея заюлила:

— Чисто по-женски, душ-ша моя, я тебя понимаю. Ты сейчас в аж-житации, амурная твоя затея потерпела фиаско, ты чрезмерно горячиш-шься. Но, если хочеш-шь знать мое мнение, где-то ты права.

Кариатида напряглась и повела сильно накрашенными очами.

— А тебе-то какая польза с моих идей? Ты гада. Вынюхивать приползла, а потом Самому донесешь? А он прискачет и меня шандарахнет!

— Какая уж-жасная у меня репутация! — закатила глазки Змея и подперлась кончиком хвоста. — За ч-что? Ведь я страдаю больше всех! Он топчет меня своей лошады тысячелетие! Миллион лет! Я изнемогаю, душ-шенька! У меня давно разорвалось сердце. И весь мой ш-шарм, весь мой блеск — это всего лиш-шь бравада! Доброе, улыбчивое лицо — это маска! О-о, как я страдаю!..

— А ты уползи и затаись, — сочувственно посовеговала кариатида. — Можешь в сейфе у меня жить. Потом вольер тебе оборудуем. Ты нам будешь петь по вечерам, истории рассказывать. В школы тебя повезем, на лекции. Красивая, молодая — жить и жить. А она ноет!

— Но долг?! — взвилась Змея. — Кого же Он будет топтать?! Я же символ! И кому Он без меня нужен будет? Я же олицетворяю собой все задавленное, прогрессивное, бунтарское, а Он — мой мрачный деспот, мой вечный противник, мой мучитель и властелин!

— Э-эк! — только и крикнула кариатида, покоренная словесными выкрутасами гады.

— Да, я такая, — скромно потупилась Змея. — Всем бунтарским, что есть во мне, я тебя поддерж-живаю, душ-щечка. Топить так топить! Но вопрос — с кого начать. Садово-парковые, ангел мой, это ведь приш-шлый элемент, эмигранты. Не в них главное зло. Не-ет, ты мне утопи самого главного, от которого вся эта напасть: все эти иноземцы, выскочки, нахалы!

Капиталине очень понравилась мысль начать акцию с потопления Самого, но было боязно.

— Как бы чего не случилось, если Самого кончить? — опасно сказала она.

— Ничего не бойся, — заверила Змея. — Будет прекрасно. Вообрази: камень, на нем я. Около камня — лошадь. К лошади я зла не питаю. Это ж-животное подневольное, глупое, таких я ж-жалею. Какой прекрасный символ буду являть собой я на камне! Тогда никто не скаж-жет, что все прогрессивное попирают. Сразу будет видно — нас не затопчеш-шь! Это гуманно, Капа, патриотично, эстетично, наконец!

— Твой проект я обдумаю, — строго сказала Капиталина. — А теперь ползи отсюда. Тезисы кропать буду.

Был самый неприятный час осенней ночи, самый глухой, дождливый, зябкий. Редкие фонари слепо мигали на улицах, ветер по-хулигански буянил, срывая последние листья с деревьев, и черная вода в каналах дрожала от хлестких его ударов.

В Саду царило смятение. Статун, покинув свои пьедесталы, толпились вокруг Аполлона. Даже польский гетман скатился на землю и устроился у ног олимпийца.

Солнечный бог пребывал в растерянности: как мог он спасти своих подданных от грозившей гибели? Мраморный он был... Вот если бы настоящий!

Среди всеобщего хаоса, заунывных жалоб и причитаний вдруг раздался пьяный голос старого фавна, циника и дебошира:

— А что, братва, не рвануть ли нам куда подальше, в теплые края, в Грецию?

Все приумолкли, обдумывая предложение, а потом загалдели с пробудившейся надеждой:

— Греция!..

— Где она, эта Греция?..

— Поди, далеко... Не найдем. Того и гляди расколемся по дороге...

— Там тепло, говорят... А дождя вообще никогда не бывает...

— Что здесь пропадать нашей красоте! Не сегодня завтра Эльдар Федоренко придет в ящики нас заколачивать... Из ящиков не убежишь!..

Чело Аполлона омрачилось раздумьем. Затем он принял решение:

— В Грецию так в Грецию!

— А куда идти, Феб? В какую сторону, — жалобно всхлинула Артемиды, и заскулили ее мраморные псы.

— Я слышал, надо туда, — мужественно молвил бог и протянул увечную свою ладонь в сторону центральной аллеи, в конце которой виднелась узорная решетка. — Вперед! Не дам-ся Эльдару Федоренко!

— Не позволим себя загубить в цвете лет! — взревел из-под ног его гетман. — Виват, Греция!

И, дабы показать свою удачу, он первый покатился по аллее к благословенным эгейским берегам. Двинулись за ним боги, засеменяли перепуганные нимфы, запрыгали фавны, увлекая за собой муз и аллегории. По пути обсуждали, как встретит их Греция, как обрадуется блудным своим детям.

Артемиды мечтала вслух:

— Вот придем, оглядимся. А утром встанем все рядком на площади самой главной. Люди проснутся, удивятся, ахнут — какое диво! Плакать небось будут...

Аполлон своей мечты вслух не высказал, а была она простая: починить лук и приделать два недостающих пальца на руке. С трещинами на спине он смирился давно.

Наконец дошли до решетки. Сквозь нее блестела вода, и вдалеке гигантская игла протыкала небо.

Статую благоговейно замолкли, приникнув к решетке.

— Это уже Греция? — шепотом спросила Аллегория.

— Похоже, — голосом знатока заметил Аполлон.

— А что там мерцает и плещется, Феб?

— Море, — объяснил бог. — Оно всегда так. Беспокойное. Вы не смотрите, сейчас ночь, всей красоты не видно. Вот взойдет младая Эос — узнаете тогда, что такое Греция!

— А как близко-то оказалось! — всплеснула руками Артемида. — Что ж мы раньше-то ждали!

— Сестра, не хнычь, — приказал Аполлон. — У нас еще все впереди.

Восторг обуял мраморную толпу. Море! Какое оно большое! А небо! Какое небо! А что там, вдалеке, за звуки? Должно, пастух играет на свирели?

— Вон-он летит кто-то. Не Эос ли приветствовать нас явилась? — радостно воскликнул Антиной.

Это была не Эос, хотя существо, некоторым образом, ирреальное. Блестящая от дождя белая фигура, с трудом преодолевая воздух, целеустремленно приближалась к толпе беглецов. До них донесся насмешливый голос:

— Bravo, смельчаки! И Феб с вами? Ну-ну. Не ожидал. Здорово, брат-олимпиец!

Незнакомец наконец перепорхнул через решетку и приземлился. По сапожкам с крылышками, по шлему и кадуцею в правой руке все безошибочно узнали бога Гермеса.

Аполлон все понял и потупился со смущением: до Греции они, выходит, не дошли, и сейчас Гермес их высмеет. Но Аполлон был бог, и не из последних: смешных коллизий с ним происходить не могло!

— Что привело тебя к нам, Хитроумный? — с напускной радостью воскликнул он.

— В уме ли ты, Лучезарный? — удивился Гермес. — Ты же стрелу посылаи Верховному!

— Неужто долетела? — искренне изумился Аполлон. — Надо же... А я думал, не долетит...

Толпа не понимала, в чем дело, но боялась вступать в беседу.

— Всем отойти от решетки и встать вокруг во-он того дерева! — скомандовал Гермес. — Мне с Лучезарным надо перемолвиться парой слов.

Когда приказание было исполнено, Гермес дал волю своему гневу — он был бог привилегированный, из Музея, личный курьер Зевса и фигура могущественная.

— Ты что же это, Феб, творишь, а? — топнул он ногою в сапожке на несчастного покровителя искусств. — Ты куда это собрался?!

— В Грецию, — моргнул Аполлон и робко улыбнулся. — А что, разве нельзя?

— В Грецию ему захотелось! — бушевал Гермес. — Ну что ж, давайте все снимемся с мест и пойдем в Грецию! Ты хогь знаешь, где она, эта Греция?

— Там, — неопределенно мотнул головой Аполлон и обмахнулся луком, как веером.

— Ну, ступай, ступай в свою Грецию! — продолжал издеваться Гермес.

— И пойду! — упрямо отвечал Лучезарный. — Тебе что за дело? Тебе в Музее хорошо-о, тепло-о, а нас топить хотят!

— Кто это вас топить хочет?

— Люди.

— Чем удивил! Ты, Феб, усвой раз и навсегда: произведения искусства — они для того и созданы, чтобы страдать. У нас, у произведений, так: кто выжил, тот молодец. Кто нет — про того забыли.

— Ты циник, Гермес, — циник, — капризно сказал Аполлон. — Я не хочу страдать. Сами страдайте! Меня унизили сегодня! Вместо меня пустышку хотят поставить. Думаешь, мне это приятно? Так и передай Верховному: Аполлон, мол, гневается, и все садово-парковые вместе с ним протестуют!

— Так, — задумчиво сказал Гермес. — С людьми мы как-нибудь разберемся. Мы их по головке за эти прожекты не погладим.

— Скажи Зевсу, чтобы он молнией эту мегеру, молнией! Нет, что она себе позволяет, паршивка уличная! Подделка несчастная! — затопал ногами Аполлон.

— Так она из наших? — удивился Гермес. — А говоришь, что люди топить вас хотят. Тогда еще легче! Значит, решение мое такое: всем встать на свои места и замереть, чтоб ни звуку, ни шороху! О Греции забудьте. Каждый должен исполнять свой долг на своем месте.

— А не утопят? — настороженно спросил Аполлон. — Ты уверен?

— Смотрю я — совсем вы тут одичали, — вздохнул Гермес. — Будто в пустыне живете. Нас много, брат Аполлон! Всех не перетопишь!

Он дружески похлопал Лучезарного по плечу и с места тяжело взмыл в воздух.

Мыслимое ли это дело — утопить в наш просвещенный век всем известные статуи? Нет, конечно, это невозможно. Ведь на страже произведений искусства стоят солидные организации, призванные их охранять и лелеять. Автор не допускает мысли, что Капа могла бы осуществить свой безумный план, порожденный ущербным воображением и неудавшейся личной жизнью, и в подтверждение сказанному приглашает читателей присутствовать на собрании «УПОСОЦПАИ», где держат речь дуэтом Капиталина Камеронова и Владимир Бабаев.

Большой актовый зал полон сотрудников. Присутствуют все, кроме Мяченкова. Он снова в больнице. На сцене — наши главные герои. Бабаев ораторствует:

— ...Да простит меня сие высокое ученое собрание, но я скажу по-мужички, прямо: ерундистикой мы занимаемся! Отстали мы от Европы. Стыдно, други мои. Сты-дно!

— Правильно, — поддакнула Капиталина.

— Европа, она что? — продолжал разливаться Бабаев. — Она хи-итрая, эта Европа!.. Она все наше подбирает: идеи, мысли, тезисы. У нас, конечно, этого сору много, нам не жалко! Мы народ широкий. Непрактичный мы народ, ай какой непрактичный!

— Правду говоришь, — подтвердила Капа.

— ...И на чью же мельницу, выходит, мы льем воду, други? На мельницу наших идеологических врагов! Вы рассудите: им же, конечно, выгодно, чтобы мы все наши государственные денежки разбазаривали на охрану статуэток и всяких там вазон-

чиков. А на эти деньги, между прочим, дегский садик можно было бы построить, да не один! В каждой деревне мраморные термы возвести, филармонии разные и прочую культурную дребедень.

— Все как есть говоришь, — кивнула Капиталина.

— ...Как же бороться с этим явлением, с этим разбазариванием? Я разумею починку и содержание всех наших пресловутых статуэток, а также дворцов, бывших бастионов и церквей? А очень просто, други. Для этого и создан мой «Голобабай». Дешево и сердито, говоря народным языком, выгодно. Посредством «Голобабая» мы создаем идеальнейшие копии, всюду их показываем, а настоящие подлинники, если уж они такие бесценные, как некоторые утверждают, — под крышу. Так сказать, в музей под закрытым небом. Где-нибудь в сельской местности соорудим ангар и все туда отправим. Кстати, и ангар можно построить своими силами, без государственных затрат, из досок и прочего бросового материала.

— Подальше их, подальше! — горячо поддержала Капиталина.

— Вот и народ так считает, — махнул в ее сторону раздумавшийся Бабаев.

Речь Владимира Андреевича повергла зал в состояние шока. Заматерелые работники культуры и те не верили своим ушам.

— Негодяи... Вот негодяи! — почти вслух шептал Шесунович, комкая носовой платок.

Усынкин с Кулаженковым толкали друг друга локтями, подбивая на выступление.

Брюнчанский, возненавидевший Капу с новой силой после того, как она заставила его, старика, поддерживать балкон, мысленно ругался по-французски.

Все переглядывались, ожидая, что кто-то наберется смелости выступить против дурацкого проекта. Автор с нетерпением ждал, как развернутся события, ибо тоже присутствовал на собрании, сидя в последнем ряду. Но вот прошла минута, другая, и вопрос был беспрепятственно поставлен на голосование: страх возобладал над стыдом.

— Что делается? — не выдержал автор, обращаясь к соседу Башмакову.

Тот, преодолевая насморк, задушенно шепнул ему:

— Выступите, умоляю! Вам терять нечего — вы не из нашей организации!

— Я протестую! — воскликнул автор, вставая. — Ведь все равно ваш проект рано или поздно провалится! И кто вообще сидит в президиуме? Изобретатель давно изобретенной голографии и его соратница, которую нельзя назвать человеком! Она каменный истукан! Я сам придумал ее. Я автор! Люди, у нее на ноге надпись «М. — дурак!». Кого вы слушаете?!

— Этого человека убить мало, — холодно уронила Капа.

А Бабаев завершал:

— Чей это голосишко там, за колонной? Это голос мракобеса, товарищи! Вражий это голос! А нукося, Усынкин с Кулаженковым, возьмите-ка его под белы ручки, да выведите на лесенку, да дайте пинка на прощаньице! Пускай катится, пока милицию не вызвали!..

Опускаем позорные подробности расправы. Автор, понесший физический и моральный ущерб, все же не предался малодушию и не покинул «УПОСОЦПАИ» раньше, чем собрание кончилось. Увы, проект карнатины и бывшего дворника был принят единогласно.

В вестибюле сотрудники молча, украдкой пожимали автору руку в знак солидарности и сочувствия, а Брюнчанский даже похвалил его шепотом:

— Приятно встретить честного человека.

— Но вы-то почему проголосовали «за»?!

— Ась? — спросил Брюнчанский, приставив ладошку к уху. — Ничего не слышу, милостивый государь, ничего-с!

После собрания, когда все разошлись по домам, Капа направилась в свой кабинет. В приемной уныло курил Шикин. Захаживать в «УПОСОЦПАИ» вошло у него в привычку. Он по-прежнему писал заявления-жалобы по поводу знаменательной пропажи: это вносило приятное разнообразие в его жизнь. В учреждении к литератору привыкли и считали почти за своего. Время от времени Шикин бродил по кабинетам и раздавал свои автографы совершенно не нуждавшимся в этом сотрудникам. Впрочем, он никому не был в тягость и даже завоевал репутацию человека отзывчивого — несколько раз подпирал балкон вместо страдавшей ожирением заведующей столовой О. Хохен.

Капиталина остановилась подле писателя и дружески обратилась к нему:

— Сидишь, чурка деревянная?

— Сижу, — без обиды, ласково ответил Шикин. — Сюжетец обдумываю новый.

— Вот я тебя, чурка, все спросить хочу, — тяжело присела рядом с ним кариатида. — Что, с деревянной башкой легче жить, чем с каменной?

— Это вопрос провокационный, — тонко улыбнулся Шикин. — Могу сказать одно, Капиталина Гавриловна, я живу неплохо.

— Ну а как пожар? Или молния вдруг ударит? Было с тобой такое? — поинтересовалась дотошная кариатида.

— Всякое бывало, — свысока ответил фантаст. — Не признавали меня, ругали, не печатали. А я знай себе курю и думаю: «Все вы дураки... Куда ж вы денетесь? Все равно пробьюсь».

— Насты-ырный... — с уважением вздохнула Капа.

— Да, — вдруг вспомнил Шикин. — Тут без вас какой-то субъект в кабинет прошел. Одет, знаете, очень странно — совершенно голый, бицепсы à l'antiquité, в сапогах и, кажется, в шапке.

— Вре-ешь! — схватилась за сердце Капиталина. — Неужто Антиной?!

— Похож, — вспоминая, кивнул Шикин. — Он до сих пор в кабинете сидит.

Что сделалось с Капой! Он пришел, красавец! Он все понял! Он полюбил ее наконец!

Капиталина ринулась в кабинет. О, блаженный миг надежды, как ты краток!.. Увы, в кабинете уже никого не было. В тревожно распахнутое окно лил дождь. Новенький сейф был изуро-

дован вмятинами. На столе валялись растерзанные циркуляры и вдребезги разбитая печать.

— Не Антино-ой!.. — заголосила Капа. — Не о-он!..

Подкошенно упала она на козетку. Та с треском накренилась. Капа скатилась на пол и долго лежала там, бнясь головой о паркет и подвывая:

— Уби-ить хотя! У-у... прокля-ятые-е! И все им ма-ало-о!..

Наконец она успокоилась: каменные нервы не то, что наши, человеческие.

— Боятся меня. Запаниковали! — смекнула Капиталина. — Прав Вовка, в ангар их всех запихать надо. А пока укрыться где-нибудь.

Она на четвереньках подползла к телефону и набрала спасительный бородулинский номер. Разговор их был лапидарен:

— В телефоне. Бородулин.

— В телефоне. Камеронова.

— Что надо? Я очень занят.

— За мной гонятся. Что делать?!

— Стоять насмерть.

— Так ведь расколошматят!

— Это серьезно.

— Куда бы спрятаться?

— У нас некуда: всюду найдут!

— Неужто в границу?

— Да, это мысль. Пошлю в Париж. Храбрись. Молодец.

— Буду! — преданно гаркнула Капиталина.

Не прошло и месяца со дня исторического собрания в «УПО-СОЦПАИ», как по городу поползли, полетели слухи о каком-то чудовищном проекте, выпашиваемом в недрах этого учреждения. Говорили, будто собираются что-то сносить, возможно, взрывать. Еще говорили, что два-три дворца разберут на кирпичи и будут продавать богатым иностранцам за валюту. Популярны были также разговоры о массовой продаже за границу с целью получения той же столь необходимой государству валюты знаменитых статуй. Брюнчанский распространял тревожные сплетни среди многочисленных знакомых о якобы замене городских решеток на решетки попроще, из бетона (с настоящими он уже мысленно прощался, отдав их для украшения вилл каких-то миллиардеров).

Мало-помалу все эти странные, безумные разговоры дошли и до академика Стогиса. Он позвонил главнокомандующему культурой, но в ответ на свой вопрос услышал сакраментальное: «Я сейчас уезжаю и уже стою в пальто и ботинках». Что оставалось академику, как не посетить скандально знаменитое учреждение самому.

Ноябрьским утром он подъехал к особняку и увидел скорбную картину. Из дверей санитары нежно выводили упиравшуюся полуодетую старушку. Она визжала:

— Змеи!.. Всюду змеи!.. Порождения ехидны!.. Святой водой вас!.. Ха-ха-ха!..

Это была обезумевшая Клава Суत्याгина.

Стогис сочувственно посторонился, пропуская больную, и вошел. Учреждение поразило его тишиной, зажженными среди бе-

ла дня лампочками, люстрами и даже почему-то церковными свечами. Пахло ладаном. Стогис покашлял, желая привлечь к себе внимание. В конце коридора осторожно открылась дверь, на мгновение высунулась и тотчас спряталась чья-то бледная от страха физиономия.

Поблуждав по коридорам, постучав в запертые двери, за которыми тихо шептались, Стогис нашел приемную Мяченкова. Там вальяжно сидел в кресле мужчина средних лет. Сигарета тлела у него между пальцами. Он смотрел на нее и лживо улыбался. Это был Шикин.

Стогис представился. Шикин неохотно встал, назвал себя и вяло плюхнулся обратно.

— Что здесь происходит? — поинтересовался академик. — Такие запахи и звуки я слышал в детстве, когда нянька водила меня в церковь.

— Глупцы-ы... — протянул Шикин, лениво морщась. — Ну, ползает здесь какая-то змея. Метров этак пять, а может, и десять... Ну и что? Я сам ее видел и даже беседовал. Обыкновенный глупый зеленый бабеч, только в виде змеи. Чего так волноваться?

Стогис спросил, где начальник.

— Пал Василии-ич? — вдруг пронзительно позвал Шикин. — К вам пришли! Отоприте, я же знаю, что вы у себя!

Стогис постучал в дверь. Там сначала было тихо, потом час-то задышали.

— Кто вы? — прошептал Мяченков. — Покажите документы!

— Павел Васильевич, неужели вы меня не узнали? — спросил Стогис. — Вы же ко мне приходили. Помните?

— Я много к кому хожу! — агрессивно пискнул Мяченков. — Документы покажите. Желательно с фотокарточкой.

Стогис просунул под дверь паспорт. Мяченков изучал его недолго, полчасика, и наконец отпер дверь.

Вид кабинета удивил Стогиса еще больше, чем запах ладана в вестибюле и церковные свечи. Следы хаоса, безумной горячки виднелись повсюду. Мраморная голова Вольтера была плотно закутана черной тряпкой. На венецианском зеркале почему-то губной помадой была нарисована пентаграмма. Повсюду на стенах Стогис увидел разнообразные кабалистические знаки. Но более всего поразил академика телефон. Он стоял под столом и был накрыт стеклянным колпаком.

Стогис настоятельно потребовал объяснений. Вкратце рассказ Мяченкова сводился к следующему: учреждение подвергается планомерной осаде оккультных сил. Они (силы) насылают демонов (один — белый, голый; другой — длинный, зеленый, в виде змеи). Голый дебоширит по ночам: рвет бумаги, ломает ручки дверей. Другой, в виде змеи, ничего не ломает, но ползает и нахально разговаривает. Среди сотрудников есть жертвы — троих увезли в психиатрическую больницу. Все остальные близки к этому, и он, Мяченков, — первый. Ему в больницу лечь — раз плюнуть. Но он, как капитан, последним покинет свой уютный, терпящий крушение корабль. Излишним было спрашивать, кто довел «УПОСОЦПАЙ» до нынешнего состояния.

— Капка... — с ненавистью выдавил Мяченков. — Всегда я

чуял в ней что-то демонское! Вот помните, ваше интервью по телевизору не пошло — тоже ее работа! Засадил всех за Проект решения, а гадов наслала, чтоб мы боялись и работали каждый день!

— Что за Проект решения? — резко спросил Стогис. — Надоели всем эти ваши дурацкие проекты!

— Видит бог, — поклялся Мяченков, — ничего не знаю! Я вообще только вчера выписался из больницы. Проект уже написан и лежит у этой ехидны в сейфе.

— Начальник вы или нет? — спросил Стогис. — Откройте сейф, достаньте бумагу.

— Ни-ни! — присел от ужаса Мяченков. — Мы к ней в кабинет вообще не входим! Там сила нечистая лютует. То треск, то хохот, то бьетса что-то. Сегодня люстра упала, Усынкин в замочную скважину видел. И вы туда, Сергей Николаевич, не ходите, там же демоны!

— Пригласите сюда эту Камеронову, я с ней здесь поговорю, в вашем кабинете.

— Ее уже две недели как нету. В Париже она, Сергей Николаевич. Вместе с Вовкой Бабаевым укатила. Машину с собой взяла, «Голобавая» этого. Опытном с иностранцами делиться будут.

Мяченков замолк и вдруг как-то блаженно захихикал.

— Что с вами? — встревожился академик. — Вам плохо?

— Ой, не могу-у! — заливался Мяченков. — Ведь у нее, у сатаны, даже паспорта не было! Как в Париж ехать собирались, все и раскрылось. И, думаете, что? Бородулин лично, сами изволили в отделение милиции позвонить и разгром там учинили. «Как это, — говорит, — у такого работника и паспорта нет?! Прошла-япили?! Да вам за такое — ТАКОЕ полагается! Вас, — говорит, — самих надо паспортов лишить и все, как есть, Капиталине Камероновой отдать. Больше пользы будет!»

Мяченков еще долго заливался, махал руками, крестился на закутанного Вольтера и приседал от ужаса при взгляде на телефон.

Стогис вышел из кабинета и решительно направился к двери, из-за которой действительно раздавались какие-то непонятные звуки — не то рубли дрова, не то выламывали паркет. Появившийся Шикин доброжелательно посоветовал академику:

— Вы, уважаемый, через левое плечо три раза плюньте перед тем, как входить. Очень, говорят, помогает.

Академик не воспользовался советом и вошел как есть. Никого в кабинете не было, но показалось, будто белая тень промелькнула за окном. Стогис внимательно огляделся и понял, что демоны действительно крепко поработали. От письменного стола остались щепки и кусочки зеленого сукна. Все деловые бумаги порваны и разбросаны по полу, как снег. Сейфу тоже досталось изрядно. Не в силах открыть его дверцу, неизвестный всю свою силу вложил в удары по железным стенкам. Устрашающие вмятины указывали на то, что сделала их поистине нечеловеческая рука.

Академик, посвистывая, начал рассматривать сейф, и вскоре внимание его приковала тарабарская, на взгляд современного человека, надпись странными изломанными буквами. Писано было

по-древнегречески, поэтому вполне понятно, что, кроме Стогиса, вряд ли кто мог прочитать послание Гермеса. Автор знает дословный перевод, но не рискует приводить его здесь, ибо гневливые олимпийцы не стеснялись в выражениях (см. Гомера). Смысл фразы был таков «Если ты мерзавка, не уgomонишься — убьем».

Что мог сделать Стогис? Вызвать милицию, пригласить следователя? Все это казалось бессмысленным. Однако он твердо решил встретиться с хулиганом, знающим древнегреческий, и, взяв в руки кусок кирпича, валявшийся на полу, нацарапал на двери сейфа ответное послание. Тоже по-древнегречески.

Действие временно переносится в Париж, и перо автора, твердое доселе, трепещет. О Париж!.. Город Бальзака, Стендаля, Мериме, Дюма Мольера, наконец! Как часто автор мысленно посещал этот волшебный город, бродил по знаменитым улицам, рылся в букинистических лавочках, острил с молодыми художниками в кафе Монмартра, кружил по площади Этуаль, упивался музыкой Бизе сидя в ложе «Гранд-опера»...

Автор не имел возможности последовать за своими героями в эту страну грез, но в его распоряжении многочисленные вырезки из парижских газет, рассказы переводчика, с которым он имеет честь быть знакомым, а также, да простит читатель за нескромность, богатое воображение.

Итак, занавес поднимается. Мы видим шансонье, поющего под гармонику какую-то песенку, кажется «*Charmant Mari*». Это происходит у фешенебельного отеля «Баттерфляй». В одном из его номеров, обитом розовым штофом, затаился Владимир Бабаев. При закрытых шторах и запертой двери он беседует с переводчиком. Собственно, беседой это вряд ли можно назвать — переполненный впечатлениями Бабаев слушает выдержки из газет, посвященные его приезду...

«...Вчера в аэропорту Орли состоялась церемония встречи с известным избобретателем Вово Бабаевым (*Union Soviétique*), а также прогрессивной деятельницей искусства мадемуазель Капитоль Камерон. Встречали гостей Клод Пьюи, граф Деризе-Жермон, Джеймс Артур Чейфилд (Великобритания) и Хосе-Рамон Кардона (Португалия). Клод Пьюи выразил надежду, что пребывание гостей во Франции приведет к еще большему взаимопониманию между нашими странами. В ответной речи мадемуазель Камерон была лаконична и остроумна. «Да! — воскликнула она. — Если все друг друга поймут, то никто не будет ни за кем гоняться!» Эту фразу мадемуазель Камерон мы дерзаем истолковать следующим образом: взаимопонимание между народами приведет к концу бессмысленной гонки вооружения и к экономической гармонии».

Тут следует объяснить, почему Вово Бабаев упорно сидел в запертом номере отеля, почему не манили его улицы, музеи, театры и даже магазины Парижа. Вово боялся. Его не могли обмануть ласковые, приветливые улыбки иностранцев. Он чувствовал за ними змеиное коварство, подвох, желание унижить. Но самое главное опасение, которое начало терзать его еще в самолете, было такое: похитят, увезут, обрабатывают психотропными препаратами, заставят фонтанировать идеи, непосильно работать, а потом вышвырнут на улицу.

Страхами своими он постоянно делился с переводчиком и надоед ему до крайности. Кроме того, переводчику приходилось возить «Голобабая», которого ради заграничного турне пересаживали в новенькую заграничную коляску из цветной соломки. «Голобабая» очень, видимо, не понравилось это переселение, потому что он часто ныл, хныкал, стучал каким-то железом и иногда плевался водой. Бабаев готовился продемонстрировать мощь своего детища иностранцам.

Мадемуазель Камерон тоже не радовала переводчика своим поведением. Все труднее становилось трансформировать ее речи во что-нибудь осмысленное, пристойное. Ну как было перевести, например:

«Французишек мы в крошево крошили!» (Лексикон незабвенного Зенина-Ендрово давал о себе знать.)

Или, к примеру, такой перл:

«А где у вас тут самый лучший магазин? Хочу пальто с хвостами из пятнистого меху!»

Наш переводчик выкручивался, как мог: улыбался, сам давал интервью репортерам, острил, каламбурил и часто читал стихи, а также басни Лафонтена.

...Но все же, все же пьянящее очарование города проникало сквозь стены отеля! Вово томился, трусливо выглядывая в окно, нетерпеливо сучил ногами и задавал переводчику туманные вопросы:

— А «фин-шампань» тут в магазинах продают? Очень уж хвалят ее. Я вообще-то непьющий...

Бедняга Вово! «Фин-шампань» был его детской мечтой. Он узнал об этом напитке из отрывного календаря и с тех пор не мог успокоиться.

Что ж, всякая мечта рано или поздно осуществляется, если, конечно, мечтать по-настоящему, страстно. дождался Вово «фин-шампани»! дождался и перепелов, и бекасов, и даже фазанов откушал!

Богатый коллекционер русских икон Джеймс Артур Чейфилд дал обед в честь нового Кулибина и его спутницы. Вово был в смокинге и новых крепких лаковых ботинках. Капиталина же... О, это было что-то особенное! Не женщина — фея! Облако из невероятно легких тканей, мехов и перьев! Правда, в торжествующей симфонии диссонансом звучал деловой портфель из дерматина. Но и это можно понять — ведь надо же было в чем-то носить деловые бумаги, циркуляры, справки, тезисы, наконец!

«Фин-шампань» творил чудеса. После первого глотка щеки Вово порозовели, после второго он, всегда сутулый, как мышь, вдруг распрямился и стал похож на тореадора, после третьего последовали четвертый и пятый, а после пятого человека стало не узнать. Вово сделался игрив, задирист и, как вспоминал Джеймс Артур Чейфилд, бесшабашен, боек на язык.

— Скажи им, браток... — велел он переводчику.

Тот в ужасе замер.

— ...Вот стою я перед вами, лорды и мусью... Вы вот графы, бароны там всякие, а я — простой мужик. Знаете вы мне цену-у? Не знаете вы мне цены... Чу-ую я ваши происки! Задобрить хотите, а потом «Голобабая» спереть! Не пройдет у вас

этот номерок, потому как хитер Бабаев, и на кривой его не объедешь!..

Переводчик улыбнулся бледной корректной улыбкой и сказал следующее:

— Месье Вово благодарит за гостеприимство и приглашает присутствующих посетить его родной город, где он примет их с истинно русским радушием.

А почему молчит Капа, то бишь мадемуазель Камерон? Мадемуазель опьянена своим триумфом. Она пользуется успехом у мужчин! За ней ухаживает Хосе-Рамон Кардона, потомок инквизиторов, сумрачный красавец. Правда, он не совсем в ее вкусе — Капиталина любит веселость в мужчинах, но она широкая натура и способна оценить всякую красоту! В конце вечера она громогласно и пылко объявила:

— А этот-то, с усами, почему, думаете, печальный такой? Ха! Мортирован наповал моей красотой! Виктория! Знай наших!

Переводчик, изрядно поднатюривший в искусстве обработки подобных речей, объяснил эту фразу как выражение ликования мадемуазель Камерон по поводу взаимопонимания в вопросах искусства.

Так, в интересных встречах, содержательных беседах, в остроумных дискуссиях, пролетели золотые парижские денечки, и Вово уже казалось, что «фин-шампань» он пил с детства и всю жизнь ходил в смокинге. Иногда он вдруг представлял себе, как дома идет снег, и смеялся, глядя в окно на голубые французские небеса. Промелькнули поездки в Гасконь, Прованс, Бретань, и настал, наконец, день, когда должно было решиться многое.

Демонстрация изобретения происходила в одном из музеев Парижа. В зал, где некогда сживал король и его приближенные, вкатили мерзко чавкающего «Голобабая». Множество корреспондентов шелкали фотоаппаратами, толпились искусствоведы и богатые обыватели, купившие за огромные деньги билет на демонстрацию «русского чуда».

Вово держался скромно, но царственно. На сей раз он был в белом шелковом костюме, изящно стянутом в талии золотым пояском, и лайковых перчатках. Переводчик советовал надеть что-нибудь посолиднее, но Вово был непреклонен.

Слово о гениальном изобретателе сказал граф Деризе-Жермон:

— Дамы и господа! Может быть, вы думаете, что вам хотят представить обыкновенный голографический фокус? Нет, наш русский друг мыслит шире. Он поставил своей благородной целью возрождать из руин произведения искусства! По обломку амфоры он может с блеском воссоздать всю амфору. Мы с трепетом ждем самого ответственного опыта. Мсье Бабаев сейчас дерзнет раскрыть тайну Венеры Милосской. Мы, наконец, увидим ее руки!

По залу пронесся благоговейный шум.

Вынесли фотографию Венеры Милосской в натуральную величину, поставили рядом с «Голобабаем». Вово отрепетированным жестом сорвал перчатки, бросил их на пол и принялся за свое черное дело. «Голобабай» заверещал пронзительно и жалобно, словно его душили. Но Вово был неумолим. Он манипулировал раструбом с невозмутимостью палача.

И вот в центре зала сначала туманно, затем все более явно сконденсировалась белоснежная фигура богини любви и красоты. Женщины закричали. Фигура, обозначившаяся вначале такой, как мы ее знаем, вдруг конвульсивно задержалась, и руки начали медленно расти из плеч! Они с усилием двигались, искали положение и, наконец, замерли, вольно раскинувшись в стороны. Сверху на них упало мраморное коромысло с ведрами, тоже мраморными. Фигура подвигала плечами, устраивая коромысло удобнее, и вскоре успокоилась, затихла.

Из милосердия к читателю опустим занавес на этой сцене. Пусть там, за ним, остается Париж, королевский зал, ужас и смтение зрителей, грубый хохот корреспондентов, переводчик, мечущийся в тщетных попытках все заглянуть, и зычные торжествующие выкрики мадемуазель Камерон:

— Ишь, забегали! А чем вам не понравилась эта статуэтка? Гараграфии не знают, дураки! А еще иностранцы! У-лю-лю-лю-ю-у!..

Мяченков не знал, что понаписали парижские газеты о скандальной истории с Венерой Милосской: известия о случившемся долетели до него в сильно измененном виде. Сраженный новым триумфом проклятой Капиталины, он был полностью деморализован. Поэтому, увидев из окна кабинета, как подъезжает машина и оттуда выплывает разодетая в пух и прах кариатида, а за ней отъехавший, гладкий Вово, Павел Васильевич решил симулировать удар: он упал в кресло, свесил руку, вторую прижал к сердцу и зверски искривил лицо. В таком виде его и застали.

— Убрать тело! — скомандовала Капиталина.

А Вово сыто заметил:

— Помрет старик. Это уже полный маразм.

Павла Васильевича отправили в больницу.

Капиталина выстроила сотрудников по росту в вестибюле и учинила строгий допрос, кто чем занимался в ее отсутствие и как там продвигается дело с Проектом решения. Пришибленные сотрудники смотрели на нее как на избавителя. Очевидно было, что такая здоровая особа распугает любую нечистую силу.

Когда Капиталина узнала о всех бесчинствах, творимых в «УПОСОЦПАИ», она решила отослать Проект решения на подпись Бородулину немедленно. Так и было сделано.

Поздно ночью Вово с Капиталиной сидели в вестибюле и беседовали. Ведь по-прежнему у Капиталины не было квартиры, она чуждалась всего меркантильного. А Вово не мог пойти в дворницкую после всех парижских триумфов — это казалось ридикюльным! Друзья вспоминали пережитое, делились, как принято выражаться, творческими планами, а больше всего хвалились приобретенными в Париже туалетами. Капа не снимала с головы шапочку из перьев цапли, Вово же сидел в синем фраке с оранжевой искрой.

Вскоре явился неугомонный Шикин с очередной жалобой, написанной, как он выразился, в стиле «ампир». Что это означало, мог объяснить только сам фантаст, но не захотел.

— А я по вашу душу, Владимир Андреевич, — ласково сказал он Бабаеву. — Рукопись-то все равно придется вернуть.

Вово был настроен благодушно, поэтому бросил писателю:

— Дай срок — я тебе десять рукописей верну. — И пригласил: — Садись, Толстой, садись, граф, к моему столу! «Фин-шампань» из самого Парижу! Угощаю!

Шикин не обиделся на то, что его называли Толстым, хотя мог бы. Он по-свойски устроился за маленьким столиком в гардеробной и разделил трапезу с ненавистным врагом-похитителем.

— Хорошо, что вы здесь, мужики! — вдруг всхлинула Капа, обмахиваясь перламутровым веером. — При вас они меня не тронут...

— Пусть попробуют! — залихватски воскликнул Вово. — Мы им всыпем по первое число! А кого бить-то надо, этуаль ты наша бесценная?

— Ах, Вовка, Вовка... — застонала Капа. — Плохо мне... Тяжко...

— А выходи-ка ты, Капушка, за меня замуж, — вкрадчиво предложил Бабаев. — Авось полегчает.

Тут встрял Шикин:

— Владимир Андреевич, а вы ее там, в Париже, не продали часом?

— Ко-го?! — изумился Бабаев. — Капку? Да кому она там нужна, в Париже этом? Там такие красоточки — закачаешься! Изобретатель в восторге поцеловал кончики пальцев.

— Нет, вы не уловили мсю мысль, — менторски продолжил Шикин. — Я говорю про рукопись. Судьба Капиталины Гавриловны волнует меня в меньшей степени.

— Вре-ешь! — возмутилась Капиталина, треснув писателя веером по голове. — А чего ж ты таскаешься сюда каждый день? Не влюблен разве?

— Любовь... — задумчиво промямлил Шикин, прихлебывая «фин-шампань». — Это интересно... Но кто сейчас умеет писать о любви... Да и зачем?.. Скажу по правде, меня влечет один сюжетец. Если работа пойдет, это будет дивный сюрчик, нечто умопомрачительное, ядовитое, как пресловутое дерево анчар.

Капа с Вово не поняли ничего, но со вниманием уставились на писателя. Шикин, увидев это, разошелся и решил дать плебеям вдохнуть аромат зловещего цветка своей прославленной фантазии.

Он заговорил, нет, запел о пришельцах, столь хорошо знакомых ему и, признаться, опостылевших, как соседи по дому, как собственное творчество и как многочисленные братья фантасты. По давней привычке он описал пришельцев гуманными, но способными во имя этой гуманности на страшные вещи! Пришельцы... Они всюду... Они вселяются в наши тела... Они подсматривают за нами из тьмы зрачками кошачьих глаз... Они задевают нас крыльями летучей мыши... Они сгрызают наши души изнутри...

— И вообще, мы — это не мы, — гробовым голосом резюмировал Шикин. — Мы — это они. А они — это мы. И вот, простые вы мои, когда человека осеняет некая невидимая сила, он встает! — Писатель встал в полный рост. — Он идет! —

Писатель сделал шаг по направлению к Вово. — Он кладет ему тяжкую длань на плечо! — Шикин опустил руку на плечо изобретателя. — Он говорит, как бы вдохновленный свыше: «Где моя рукопись, Бабаев?! Отдай ее мне, или я уничтожу тебя!»

Капиталина исторгла вопль ужаса. Не таков был Вово — он мелодично захрапел, привалившись к вешалке. Его детское, розовое, прозрачное, как мармелад, личико, безмятежно улыбалось.

«Какие дураки...» — со скукой подумал Шикин.

Меж тем сверху, из кабинета Капы, донесся шум. Что-то с грохотом обрушилось, посыпался звонкий град из осколков. Капа вспилась в руку Шикину и, еле ворочая языком от страха, взмолилась:

— Звони в милицию! По мою душу пришли!

— Не надо так верить в эти вещи. Я же пошутил. Пришельцев вообще нет и никогда не было.

Шикин был искренен. Он действительно не верил в пришельцев, хотя зарабатывал свой хлеб именно благодаря им.

Наверху внезапно стихло. Капа измученно вздохнула, отпрянула от Шикина и слабо затрепыхала веером.

В парадную дверь резко постучали:

— Не открывайте, — твердо сказал Шикин. — Это могут быть воры.

Но Капиталина, невменяемая от страха, двинулась навстречу своей судьбе. Как сомнамбула, она подошла к двери и не своим, а каким-то тонким, жалобным голосом спросила:

— Кто там?..

— Почта, — ответили ей. — Циркуляр от Бородулина.

Кариатида открыла дверь. В вестибюль вошел, стуча мраморными сапогами, Гермес. Не глядя на храпевшего Вово, на Шикина, прихлебывающего «фин-шампань», он строго сказал Капе:

— Ну, голубушка, пойдем. Доигралась.

В ту декабрьскую ночь мела метель. Гермес под руку с кариатидой медленно шел вперед. Она совершенно покорилась воле бога и не задавалась вопросом, куда ее влекут.

В молчании они миновали канал, Сад с заколоченными в ящики-гробы статуями, бескрайнее поле и свернули по переулку к реке. Здесь Капиталина начала дрожать: страшная мысль, что бог собирается утопить ее в полынье, молотом ударила по каменному сердцу. Но Гермес пошел вдоль реки, мимо пусто глядящих дворцов и одинаковых фонарей.

Алмашная красавица метель вольно неслась над городом. Сверху он казался огромным, безлюдным и страшным, будто не жил тут никто и никогда... никто и никогда... никто и никогда...

...Было время — решили на болотах город строить. Понаехали щебечущие иноземцы, подивились на дикий, унылый простор, но за дело взялись с охотой. Странный вышел город: плоский, как ладонь, с разбегающимися улицами-линиями, с воткнутой в

небо золотой иглой. Созданный вопреки природе, благодаря долгому мучительному усилию воли и фантазии, город, как и положено первому красавцу, никого из людей и никогда к себе не приближал.

Какое высокомерное величие встречает вас по утрам, когда сырость и сизый мрак висят над дворцами, мостами и выпуклой, черной водой каналов. Идешь, содрогаясь от холода, и мысли неопределенно-унылы, а сердце ноет. К чему, думаешь, вся эта красота, если она так равнодушна к тебе и вот уже два с лишним столетия кичится тем, что расцвела на гиблой северной почве.

Много ликов у города, и самый ужасный — ночной, с храпом выпускающий из легких ядовитый гнилой воздух. Тогда мерещится, что где-то внутри этого каменного миража открываются щели в болотный ад, и ползут оттуда, поднимаясь к звездам, спутанные нити туманов.

«Оборотень», — шептались о городе со дня основания; винили иноземцев в том, что порчу навели; свидетельствовали, будто бы знаменитый Растрелли знал ся со злыми духами и по ночам творил заклинания над фундаментами своих дворцов, дабы обесмертить последние.

Но догадки темных и ленивых умов, равно как и умов великих, не в состоянии объяснить тайну властного влияния города на сменяющие друг друга поколения его жителей — от обывателей до гениев. Нигде, как тут, не обострены в человеке до степени болезненной чувство раздавленности и противоположное ему сознание огромной своей ценности. Тут нищий — символ нищеты, а повелитель сродни богам. Тут наяву рождаются странные видения: зловещие старухи умирают нехорошей смертью; блеклые красавицы норовят обернуться химерами; молодые честолюбцы, чистя волосняной щеткой единственную пару брюк, со сладострастным упорством грезят о власти над миром; и даже, случается, мертвый император скачет на лошади по смятенным улицам.

Непонятный город... Не разгадать его тайну. И день за днем чертит магический круг тень от золотой иглы, оставляя прошлому бесстрашие и покой, настоящему — мечты, будущему — неясность...

Гермес вместе с кариатидой прошел вдоль черных окон дворца, с усилием перепорхнул через ворота и приземлился у маленькой двери в стене. Затем они стали спускаться по лестнице вниз, в гулкий холодный подвал.

«Пытать будут», — поняла Капиталина и решила поголосить, но голос пропал.

Наконец Гермес остановился перед высокой дверью, поправил шлем, приосанился и втокнул Капиталину в зал. Она зажмурилась и присела, прикрыв голову портфелем.

— Открой лицо, кариатида! — прогрохотал голос Зевса.

— Никогда-а! — завопила Капа. — Вы меня убивать будете! Смерть я приму только с закрытыми глазами.

Но чья-то рука вырвала портфель и швырнула его на пол,

сорвала парижскую шапочку, отобрала веер. Потеряв любимые вещи, Капиталина осмелела и открыла один глаз.

— Умела воровать, умей и ответ держать, — холодно пошутил Гермес и силой подтащил кариатиду к трону Зевса.

Капиталина открыла второй глаз и с пафосом завывала:

— Никогда, никогда-а не воровала я ничего! Я только хотела вам всем добра-а! Я и в люди вышла, чтобы вам помочь! А вы!.. Эх, вы-ы!..

Зевс громкоподобно захохотал, статуи раболепно поддерживали его. Кариатида быстро и незаметно стрельнула глазами по сторонам и с облегчением подумала:

«Слава богу, садово-парковых нету. От них все зло».

Зевс внезапно помрачнел, треснул мраморной молнией по полу. Все стихло.

— Мы будем судить тебя, кариатида, — молвил он, — по всей строгости закона. Ты оскорбила многих из нас мерзкими угрозами, наглым кривлянием, беспочвенным тщеславием и глупостью. Теперь же стой молча и слушай!

«Может, не будут убивать? — подумала Капа и на всякий случай упала на колени. — Ведь он мужчина, хоть и бог... Неужели он, сволочь такая, не пожалеет меня?!»

— Пусть речь скажет обвинитель! — повелел Зевс.

О ужас! Капа увидела, как из расступившейся толпы статуй вышел Аполлон, обиженный ею больше всех! За ним семенили еще несколько садово-парковых скульптур. Они пришли на судилище, выбравшись из ящичков.

Капа несколько раз ударила лбом об пол и завывала.

— Боги! — сказал Аполлон. — Я буду краток, потому что рано утром мне надо быть на моем посту, дабы не вызвать подозрений у Эльдара Федоренко.

Он сделал рукой красивый балетный жест и продолжил:

— Да, кариатида покушалась утопить меня. Этому есть свидетели. Она смеялась над моей увечностью! Она хохотала над моей наготой, хотя всем известно, что я прекрасен!

— Да, это известно всем, — подтвердил Зевс. — Но ты отвлекаешься, Лучезарный. Какие еще оскорбления нанесла тебе презренная?

Аполлон на мгновение задумался и, вспомнив о неудавшемся походе в Грецию, горько сказал:

— Обманым путем ничтожная проникла за границу и подвергла издевательствам нашу сестру Венеру! Я не могу открыть секрет, каким образом мне стало известно об этом, но поверьте слову бога!

— Вре-ет! — слабо крикнула Капиталина. — Он сам меня бить хотел! Меня, женщину! Аристократы нас, простых, всегда ненавидели! Так судить нечестно!

— Умолкни, — приказал Зевс. — Мы выслушаем всех. Феб, ты свободен. Иди в Сад. А теперь пусть скажет свое слово Змея.

Змея перед тем, как начать говорить, долго кривлялась, кокетничала и свивала в кольца хвост. Наконец она заговорила:

— Зевс-Громовержец и вы, почтенное собрание, знайте: подсудимая виновна. Она вынаш-шивала уж-жасные планы! Она покуш-шалась на Самого! Злодейка ш-шептала мне: «Скинем тво-

его истукана, а тебя оставим, если будешь-шь слуш-шаться». И это она говорила мне, законопослушной и кроткой! Ха-х-ха-ха! Она думала купить меня грубой лестью, но не такова я! Вы знаете, почтенное собрание, я горда и люблю моего Друга, хоть Он и топчет меня вот уже две тысячи лет. Конечно, Он у меня такой бука... Но у нас с ним, несмотря ни на что, дивный душевный альянс! Тотчас после злодейских посулов я бросилась в объятия Повелителя, все ему рассказала, и мы вместе так пла-кали, так пла-кали!.. Он очень испугался и велел передать тебе, Зевс: чтоб никакой пощ-щады негоднице! Чтоб не смели! А то, гозорит, прискачу, и тогда держитесь все у меня! Как, говорит, я все построил, так и развалю! Моя воля (его то есть)! Одно болото будет!

Змея вильнула хвостом:

— Dixi.

Слушая подлые речи гады, Капиталина осознала всю безнадёжность своего положения. Ее предала подруга, наперсница, та, которую она собиралась сделать научным консультантом «УПОСОЦПАИ»! Что оставалось Капиталине? Только одно — мужественно встретить приговор. Но не могла же она ничего не сказать мучителям! И она сказала:

— Тьфу на вас! Кто вы такие еСТЬ?! Все равно вас всех в ангар свезут! Мой Проект решения у Бородулина уже на столе! Пусть я погибну, но правду не убьешь! А правда такая: никому вы не нужны, дураки и дуры! Стуютетки-и!..

Поздней ночью Глеб Бонифациевич Шикин в прострации лежал на диване в вестибюле «УПОСОЦПАИ». Он допил «финшампань», и ему было нехорошо. Очень также портил настроение храп Вово Бабаева. Литератор думал было отправиться домой, но на улице шел снег, и он решил подождать до утра, когда в учреждении откроется столовая, заодно позавтракать и, может быть, пообедать. Ему нравилось «УПОСОЦПАИ», и, если бы не страстная любовь к славе, он, пожалуй, остался бы тут навсегда.

Повернувшись на бок, укрывшись дубленкой, Шикин смежил веки. Но спать ему не дали. За окном заскрипел снег под чьи-то ногами, и жалостный, показавшийся знакомым голос про-рыдал:

— Прощай, милый дом! Прощай, мой кабинет! Прощай, печать!

Кто-то цинически перебил:

— Ты еще сейф свой вспомни, мною битый!

Капиталина в возвышенных выражениях попрощалась с сейфом. Но перечислить всю оставшуюся мебель ей не дали. Жалобный ее голос стал удаляться.

«Пойти, разве, из интереса посмотреть, что с Капиталиной Гавриловой делать будут?» — подумал литератор и встал с дивана.

В конце набережной, на пересечении ее с широким проспектом, Шикин увидел живописную группу: два голых козлоногих сатира тащили под руки совершенно голую белую женщину с жалким газовым шарфиком на шее. Процессию возглавлял ви-

денный литератором ранее и тоже голый Гермес. Шикин прибавил шаг, чтобы не упустить ничего. Профессиональный интерес пробудился в нем.

Шли долго. Гермес торопил сатиров, грозил им кадуцеем. Те лишь сопели и сквернословили гадкими голосами. Наконец спутникам открылась площадь с громадным собором. Перед ним посреди белого поля стоял всадник.

На миг выпущенная сатирами, Капиталина упала в снег и сделала попытку поползти, но Гермес поймал ее за ногу, сказав:

— Не опускайся до человеческого малодушия. Умри как статуя.

Казнь была быстрой и ужасной. Сатиры, ловко вскарабкавшись по камню, втащили туда кариатиду. Гермес взмахнул кадуцеем, и конь тяжело ударил копытом по статуе. Голова откололась, покатилась по камню, свалилась вниз. Туловище сатиры закопали в сугроб. Вскоре никого не осталось на площади, кроме дерзко-бесстрастного всадника.

Конечно! Справедливость восторжествовала. Зло наказано. Но вознаграждена ли добродетель? Ведь злодейский Проект решения уже зажил своей жизнью. Быть может, часы отстаются до того момента, когда властная рука Бородулина облечет его в плоть своей подписью. Что можно сделать в этой ситуации?

После свершения казни Гермес в одиночестве направился к ближайшему мосту. Он знал, куда шел. Тут следует раскрыть, наконец, тайну надписи, оставленной академиком Стогисом на сейфе в кабинете Капиталины. Это был адрес и приглашение зайти. Гермес, отчасти из любопытства, отчасти оттого, что эта была, быть может, последняя надежда на спасение, решил навестить неизвестного корреспондента.

Попав на нужную улицу, он впорхнул в подъезд дома и, испугав там ночных кошек, постучал кадуцеем в дверь. За ней зашаркали и спросили:

— Кто там?

— Бог, — прямодушно ответил Гермес. — Вестник Зевса.

Нельзя сказать, чтобы академик Стогис очень удивился или испугался при виде говорящей статуи. За свою жизнь он видел так много страшного, глупого и высокого, что визит Каменного гостя лишь приятно поразил его, не более.

— Добро пожаловать, великий бог торговли и покровитель путников! — приветливо сказал он.

Гермес вошел, стараясь не наследить. В кабинете они сели в кресла друг против друга, и Гермес без вежливой увертюры приступил к делу.

— Зачем вы хотели говорить со мной? — спросил он.

— Я рад видеть вас у себя в гостях, великий бог, — искренне сказал академик. — Признаюсь, мне хотелось бы побеседовать с вами о вечном и нетленном, ибо, не сомневаюсь, вы много можете рассказать...

— Да, — кивнул Гермес, — я всякое повидал.

— ...Но, к сожалению, — продолжил Стогис, — разговор при-

дется вести в ином ключе. Я догадываюсь, что вам известно о Проекте решения. Это нужно предотвратить.

— Вы, я вижу, человек влиятельный, — проницательно заметил Гермес. — Так почему же вы не могли помочь нам раньше?

— Увы, мой друг, все, что в моих силах, я делаю и буду делать.

Стогис помолчал и добавил с вежливой укоризной:

— Вы, как бог, вряд ли можете понять, что силы человеческие ограничены.

— Отчего же? — добродушно молвил Гермес. — Мне ваша сентенция ясна. Ценю ваш пиетет ко мне, но будем откровенны: я бог не настоящий, а мраморный, творение рук человеческих, посему мне знакомо чувство бессилия, отчаяния и даже страха.

— Прекрасно, — кивнул академик. — В таком случае я, без опасений быть непонятым, представлю вам мой план и надеюсь на активную вашу помощь.

— Да будет так, — молвил Гермес.

— Мой план не лишен, правда, некоторого риска, скажу больше — это авантюра.

— Очаровательно! — воскликнул бог. — Авантюры — это моя стихия! Вы можете целиком на меня положиться.

Автор, незримо присутствовавший в кабинете, уже готовился законспектировать самую важную часть разговора, но собеседники неожиданно перешли на совершенно незнакомый ему древнегреческий язык.

Беседа продолжалась долго и прерывалась то гневными, то восторженными вскриками Гермеса, из чего можно было заключить, что Стогис придумал действительно нечто из ряда вон выходящее.

Незнакомая звонкая речь собеседников мало-помалу увела воображение в иную, далекую эпоху. Автор увидел скалистый неприютный остров и мраморную глыбу, в утробе которой дремал неродившийся еще Гермес. Медлительно текли века, и вот однажды явился Человек и дал миру бога. Веселый, грозный, прекрасный, вознесся он над изменчивой толпой. Сто тысяч раз осмеянный, свергнутый, закопанный вандалами в земле, бог выжил. Во имя чего же свершалось избавление, во имя спасения мира? Но как возможно спасти мир от беспамятства — мир, изверившийся, грубый, слабый и во всякое мгновение жизни самонадеянно забывающий о прошлом?.. Не лучше было вовсе не родиться и вечно дремать в мраморной глыбе, ведь люди любят спящих богов. Разве благо свершил древний скульптор, дав своему творению столь тяжкое бессмертие и отняв бесстрашие, величие, покой?..

Так прошла ночь. Под утро заговорщики вновь перешли на русский язык. Академик выглядел усталым, Гермес озабоченным.

— Надо спешить. Идти далеко, — сказал бог, вставая.

— Разве вы пешком ходите? — удивился академик.

— Тяжело мне, каменному, по воздушям порхать, да и не мальчик я.

— Уж не больны ли вы? — обеспокоился Стогис.

— Да нет. Просто живу долго — сарказм одолевать начал. Вот

представлю со стороны: летит голый истукан — не поверьте, смеюсь. Хохочу!

— Вам стыдиться нечего, — мягко уверил академик. — Сами подумайте: подлинное произведение гениального ваятеля, образец классической красоты...

— Умоляю вас, прекратите! — потряс кадуцеем Гермес. — Я не могу слушать эту музейную чушь. Как объяснить вам: не стыжусь я — сомневаюсь! Во всем сомневаюсь. Думаю, а нужны ли мы вам, людям? Мы, подлинные!

— И это говорит олимпиец! — воскликнул академик. — Бесспорно, нужны! Иных аргументов нет.

— Э, бросьте. Бесспорность — это миф. Когда тебе молотком разбивают лицо, ничто не утешает: ни рабская вера в фатум, ни воспоминания о том, что тобою любовался сам кудрявый Поэт. Имя его запечатлел, а лицо хорошо помню...

— На вас падала тень Поэта? — медленно спросил Стогис.

— Бывало, — просто ответил Гермес. — Но вы на мой вопрос не ответили: нужны мы вам или нет?

Трудно было ответить честно, и еще труднее потому, что мучил стыд за сам вопрос, возникший в наш, столь просвещенный, век. Но бог ждал, и Стогис промолвил:

— Пока род человеческий не пройдет, красота будет сиять.

— Или то, что от нее останется, — горько продолжил Гермес.

— Да, или то, что от нее останется, — прямо сказал Стогис. — Бывали времена, когда разбивали головы не только статуям, но и людям. Это, мой бог, сор истории, который рано или поздно осядет.

— И вы верите в это? — строго спросил Гермес.

— Я хочу верить в это.

— А нам всем что же остается?

— Мужество и терпение. Другой охранной грамоты нет.

— Прощайте, человек. Я запомню вас.

Гермес помедлил, затем коснулся мраморной дланью плеча старика, как бы прощая его за что-то, благословляя и любя, — и вышел.

Штаб главнокомандующего культурой размещался в современном многоэтажном здании, напоминающем хорошо застекленный гроб. К нему то и дело подъезжали чистые солидные машины. У подъезда сновали озабоченные борьбой на культурном фронте люди. Где-то внутри этого колосса сидел сам Бородулин, полководец в долгой и жаркой схватке с невежеством, отсталыми традициями и антиэстетическими тенденциями.

Взору впервые вошедшего в штаб человека представляли многочисленные гигантские графики и диаграммы, на которых кривая роста культуры, помедлив у отметки «1913 год», резко, как космическая ракета, взмывала вверх. Имелись в хозяйстве Бородулина и другие занимательные вещицы, как-то: многочисленные макеты штаба в $\frac{1}{20}$ натуральной величины: из картона, соломки, чугуна, алюминия и даже из горного хрусталя. Бородулин весьма ценил макетное дело и покровительствовал ему. Но главным украшением штаба, безусловно, был фонтан «Казнь Савонаролы». Жалкая, коленопреклоненная фигура злейшего

врага культуры и прогресса (из гранита) навечно застыла в центре мутного бассейна, посылая человечеству проклятия. Голову неугомонного фанатика когтил мощный, поистине ренессансный голубь.

Итак, с утра в толпе суровых бородулинских солдат замешался молодой человек в строгом, но мешковато сидящем костюме. В руках он держал роскошный букет оранжерейных роз. Молодой человек искал кабинет главнокомандующего и наконец нашел его. Но проникнуть туда было не так просто. В приемной сидел цербер — молоденькая женщина со стервозным выражением лица. Посетителя это не смутило. Он деловито подал юной стервочке букет и поцеловал руку.

— Ай, какие у вас руки холодные! — взвизгнула цербер.

— Да, — сказал молодой человек, — они холодные. Но сердце!.. — Он гулко ударил себя по груди и, не найдя больше слов, обольстительным жестом протянул церберу флакончик французских духов.

— Вы мне взятку да-а-сте? — захлопала ресницами цербер и стыдливо хапнула флакончик.

— Ай, не смешите меня! — поморщился посетитель. — Разве ж это взятка? Если бы вы видели, как подкупали чиновников в Древнем Риме, тогда вы бы поняли, что такое настоящая взятка!

Дикие, непонятные слова незнакомца парализовали девушку. Она уловила лишь то, что он, видимо, часто бывал за границей, в буржуазных странах. Пользуясь замешательством цербера, Гермес вошел в святая святых.

Первое, что бросилось в глаза богу, была гигантская карта страны, утыканная флажками, испещренная разноцветными стрелками и другими малопонятными знаками. Это была карта великого сражения за культуру. Бородулин в накинutom по-походному пальто сидел, навалившись на стол, и орал в телефон:

— Долго я вас всех буду держать на своих плечах?! Опять в Черемыше прорыв! Этот Черемыш в печенках у меня сидит! Приказываю: сбросить туда десант Пятеро балалаечников и Антонина Ковтюкова. Учись мыслить новаторски, ты, недоумок! Культура — это знаешь что?! А-ах. зна-аешь! Ну то-то. Смотри у меня. Бывай.

Гермес, волнуемый нехорошими подозрениями, вглядывался в главнокомандующего. Он был даже рад, что на него не обращают внимания. Хотелось получше разглядеть противника — его тяжелое, малоподвижное лицо, бычью шею, огромные ручки, квадратные плечи, немигающие глаза.

Бородулин наконец заметил вошедшего и исторг негодующий вопль:

— Не видите разве — я уже в пальто и ботинках?! Меня тут нету, хоть я и есть!

Подозрения Гермеса превратились в уверенность. Он решительно сел напротив врага и прямо спросил:

— Бородулин, признайся честно, ты беглый атлант?

— Да, я атлант! Всех на своих плечах тяну куда-то!

— Порви Проект решения, атлант, — спокойно посоветовал Гермес, — а то плохо будет.

— Да ты кто тако-ов?! — зарычал Бородулин. — В щепенку тебя, шенок!

— Не хами, Бородулин! — погрозил пальцем Гермес. — Ты с богом говоришь, с вестником Зевса.

— Что тако-ое?! — взбеленился атлант. — Кто здесь сказал «бог»? Какой такой еще «бог»? Где «бог»? Да мы их всех давно с пьедесталов поскидали! А которые остались, пускай в тряпочку помалкивают! И-ишь, растягвался мне тут: «бо-ог»!..

Бородулин раскрыл папку, схватил ручку, как кинжал, и занес ее над бумагой:

— Вот он, Проект решения, вот он, родимый! Сейчас подмахну, и дело с плеч!

— Ах ты, выскочка, ах пакостник! — гневно воскликнул Гермес. — Ну, погоди же... Я знаю, что с тобой делать!

Он внезапно распахнул пиджак и выдернул из внутреннего кармана мраморный кадуцей.

Бородулин испугался.

— Что-о?! Убить меня хочешь, аристократ, мозгляк?! — Он яростно застучал ногами, что напоминало автоматную очередь. — Не посмешь! Да на мне все держится! Все-о-о!

Гермес неожиданно удрился атланта кадуцеем по голове. Тот окаменел. Пальто сползло на пол.

— Волею гения, давшего мне божественную власть над изваяниями, ввергаю тебя, атлант, в рабскую покорность! Пиши на этой бумаге: «Запретить».

Из каменного горла Бородулина вылетели звуки ужаса: «Ва-ва-ва». Медленно водя тяжелой рукой, он начертал корявыми печатными буквами требуемое, отвалился на спинку стула и замер.

Гермес подхватил документ и вышел из кабинета, сказав на прощание:

— Страхись казни, атлант.

В приемной бог подал секретарше бумагу и властно бросил:

— В приказ.

Ах, если бы автор обладал такой же властью над героями, как Гермес над изваяниями, то на этом месте можно было бы поставить точку. Но, увы, нет у него такой волшебной власти! Есть только чистый лист бумаги, старомодное стальное перо и пузырек с чернилами. Часто и вопреки воле автора перо это своенравно скользит по бумаге, выводя из тьмы несуществующего героев, не желающих мириться с уготованной им участью.

Смирилась ли Капиталина Гавриловна с собственной гибелью? Да и погибла ли она вообще? Казалось бы, все кончено. Голова отделена от туловища. Но нет, не тут-то было! Мы забываем, что имеем дело не с человеком.

Голова Капы, причитая и проклиная палачей, долго лежала на снегу. Шикин из-за сугроба, покуривая, слушал ее страстные обличения, и в сумерках его души, в подвалах интеллекта чертополохом расцветала мысль:

«Да, это сюрчик в чистом виде. Рассказать в компании — не поверят. Такую вещь приятно иметь как раритет. Можно будет поставить ее на стол».

Докурив последнюю сигарету, Шикин осторожно покатал ногой голову кариятиды.

— Капиталина Гавриловна, вы не будете кусаться, если я переложу вас в авоську?

Уткнувшись носом в снег, Капа, вернее, голова ее, злобно пробурчала:

— Смотри, чурка деревянная, как бы с тобой того же не сделали...

— Ну-ну, — снисходительно укорил ее литератор. — В вашем положении я бы вел себя скромнее.

Шикин аккуратно завернул голову в газету, положил в авоську и понес домой.

С этого знаменательного дня в творчестве писателя начался новый период — исторической фантастики. Голова, лишенная туловища, трепала языком без устали. Она поведала о Зенине-Ендрово, о гусарских пирушках и лихих эскападах с цыганками. Шикин лишь ввел в эту схему фигуру мрачного пришельца и написал большую повесть, вернее, маленький роман под названием «Мои пенаты (из записок алхимика)».

Есть достоверные сведения, что Капиталина, даже в изувеченном виде сохранившая цельность характера и жажду власти, поработила беднягу фантаста совершенно и даже покрикивала на него:

— Ты, бумагомарака задрипанный! Фамилию мою небось забыл поставить в книжке-то? И гонорар весь прихал! Смотри, покусая! Я такая! Я могу!

Шикин не знал, как бороться с Капой: выбросить на помойку — жалко, подарить знакомым — боязно (выдаст), оставить дома — чревато тем, что действительно покусает, а то еще и горло перегрызет! Пришлось держать голову в холодильнике, где она лежала на нижней полке рядом с кочаном капусты и негодующе вяла.

И вот однажды, когда холодильник испускал особенно гнусные звуки, трещал и качался, к Шикину пришли. Он открыл дверь и... о, ужас!.. Перед ним стояло безголовое туловище кариятиды. Как оно выбралось из сугроба, как нашло дом Шикина — тайна. Можно предположить, что между разрозненными частями изваяния существовала некая удивительная связь, некое тяготение друг к другу.

Фантаст от страха упал под вешалку. Туловище надвигалось на него, с мольбою протягивая ручищи. Оно требовало голову. Временная слабость писателя прошла, когда он понял, что туловище не очень агрессивное. Коварно улыбаясь, Шикин выпихнул этот ходячий кошмар за дверь и бросился звонить в «УПОСОЦПАИ».

— В телефоне, — ответили ему. — Бабаев.

— В телефоне. Шикин, — отпраповал писатель.

— В чем дело? Я очень занят.

— Тут, некоторым образом, Капиталина Гавриловна пришли. Голову свою требуют.

— Вздор. Она умерла.

— Как же-с, когда голова у меня в холодильнике, а туловище в дверь бьется, пустить требует. Того и гляди всю квартиру разнесет!

— Это серьезно. Выезжаю. Бывай.

Меж тем голова в холодильнике, почуяв, что за ней пришли, неистовствовала, выкликая угрозы и оскорбления по адресу фантаста. На всякий случай он вооружился декоративным гуцульским топориком и занял позицию между кухней и прихожей, открыв дверь в ванную, где надеялся отсидеться в крайнем случае.

Входная дверь сотрясалась от жутких каменных ударов. Вскоре за нею послышались громкие голоса, звуки борьбы и, наконец, грохнулось что-то тяжелое. Шикин, вспотевший от волнения и страха, открыл дверь. Там стояли Бабаев с каким-то мрачным бородачом, похожим на театрального могильщика. Бородач увязывал в капроновую сеть безголовое тело кариатиды. Оно долго выворачивалось, но в конце концов затихло и покорилось.

— А башка-то где? — спросил бородач.

Шикин, смекнув, что голову отдавать невыгодно, слабо сохрал:

— А она... э-э... разбилась... Я выбросил ее в окно.

— Вре-ет! — закричали из холодильника. — Я здесь! Товарищ Федоренко! Эльдар! На помощь!

— Ну-ка, подвинься, — сказал могильщик, отстранив лапой Шикина, и вошел в прихожую. — Гавриловна, и где ты там?

Холодильник, не вынеся могучего удара о его дверцу, выпустил пленницу. Голова, радостно визжа, покатилась навстречу Эльдару Федоренко. Он поднял ее, протер рукавом и, любовно спрятав под ватник, вынес.

Что потом? А потом голову привинтили к туловищу и водворили беглую кариатиду на место, поддерживать балкон, ко всеобщему ликованию коллектива «УПОСОЦПАИ». Чтобы она больше нигде не сбегала, Эльдар Федоренко прибил ее железным болтом к стене. Там она стоит и до сих пор. В окно она видит сидящего за столом Вово Бабаева. Он тут теперь самый главный.

«Голобобая» уже не существует: мстительный гений не мог простить своему детищу парижского инцидента и порубил его топором. Сейчас Бабаев вынашивает проект решения о том, чтобы статуи изолировать в специальных клетках, а некоторые, особо опасные для общества, окружить рвом с водой и колючей проволокой. Начальство думает послать Вово в Италию для обмена опытом месяцев этак на шесть. Статуи пока не знают о готовящейся новой атаке на культурном фронте и, о боги, что будет, если они узнают!

Фельдмаршал Бородулин из города исчез. Убоявшись угрозы Гермеса, он бежал в далекую провинцию, бросив свою армию, как Наполеон. Где он, что он — неизвестно, но, вне сомнений, снова тянет кого-то куда-то на своих плечах. Атланты без этого не могут — на то они и атланты.

Остальные герои повествования живут и работают, как прежде. За исключением, правда, двух человек: Мяченков ушел на пенсию, а академик Стогис скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Автор наконец собрал воедино все запутанные, пестрые нити этой истории и остановился в растерянности. Очевидно, что с

задачей своей он не справился. Желая написать легкую, городскую фантазмагорию, чуть приправленную перцем сатиры, он написал нечто иное и, что самое примечательное, — лишенное веселости.

— А может быть, все это вздор? — спросит читатель, и махнет рукой, и воскликнет: — Не будем о печальном!

Что ж, возможно, он прав. Автору не дано с высот житейского опыта давать советы. Он еще молод и, как все люди, погружен в сиюминутность. Посему он считает возможным кончить рассказ отрывком из воспоминаний академика Стогиса.

«...Постепенно, с трудом мне стала открываться огромная, ужасная, но величественная картина. В ней все было перемешано самым невероятным образом: герои и чиновники, идейные фанатики и спекулянты, какие-то бывшие, торгующие на баррах остатками роскоши, и солдаты, много солдат.

Звуки, раздражающие это чудовище, были оглушительны и страшны, поначалу лопались барабанные перепонки. Но, сумев войти в звуковой строй, можно было услышать рев бетховенских труб, храп коней, хлопанье выстрелов, частушечные вопли баб. Все это было странным образом взаимосвязано. Там, где кончалась мазурка Шопена, начинались хриплые, страшные команды и звон сабель.

Все это вместе откуда-то сверху, из космоса, представляло собой величественный хаос жизни и смерти. Мешались краски, звуки, вещества. Глядя из космоса на Землю, рождалась мысль, что люди будущего, ради которых идет эта борьба, не смогут быть мелкими, нечистыми, пошлыми; что они отринут мешанство и обывательщину; что они во всем разберутся и все оценят.

Расстреливали контру; спекулировали; неслись всадники в остроконечных шлемах, и сумасшедшие поэты читали новые, дико звучащие стихи; разбивали статуи и выкалывали штыками глаза монархам на портретах; и новые художники, дыша на замерзшие руки, учились видеть чистые краски нового мира.

Это была картина без теней, без украшательства, без ложного пафоса. Она была прямодушна и беспощадна. Максимализм ее был гениален и страшен, как сабельный удар.

С трудом я постигал суть вещей, и однажды на краткий миг она явилась мне. Я понял, что наступит время терпимости. Люди научатся верить друг другу. Не будет страха и вечной нехватки чего-то. Ценности переоценятся. Разовьются вкусы, и всем станет доступен Бетховен. Никто никогда не ударит слабого. Никто не посмеет украсть. Никто не убьет. Заповеди станут естественной нормой жизни.

Но пройдут столетия, прежде чем это случится. Будет золотой век. Прекрасный космический цветок, выросший из грязи, страданий и добродетелей столетий; из войн и болезней; из революций и казней. Только надо подняться мысленно очень высоко, чтобы все это понять и увидеть. Красота рождается от любви, иначе это не красота, а подделка».

БОРИС РУДЕНКО
ДО ВЕСНЫ
ЕЩЕ ДАЛЕКО
ПОВЕСТЬ

— Вот твой стол. — Костин звучно хлопнул ладонью по блестящей поверхности. — Бумагу и всякие принадлежности возьмишь в канцелярии. Знаешь, где канцелярия?

— Нет! — решительно сказал Сокольников. Видом своим он намеревался показать готовность самостоятельно и немедленно решить любую проблему, но Костин этого не оценил.

— Викторов тебе покажет, — проговорил он, выходя из кабинета. — Со всеми вопросами к нему. Он твой начальник.

Старший группы Александр Семенович Викторов в данный момент говорил по телефону. Услышав свое имя, рассеянно кивнул, так и не поняв, кажется, о чем говорил Костин.

Вот таким образом у Соколькова начался первый рабочий день. Если быть точным, то начался он чуть раньше — в кабинете начальника отдела БХСС Чанышева. Туда собрались на утреннюю пятиминутку все сотрудники, и Чанышев — молодой, но уже изрядно располневший человек с малоподвижным лицом, — сказал: это наш новый коллега, Олег Алексеевич Сокольников. Будет работать в группе Викторова.

Сокольников догадался, что нужно встать, но разговор пошел уже о каких-то заявлениях и сроках, которые никак нельзя нарушать. Он постоял еще немного и сел, багровый от своей неловкости. Чанышев листал большую тетрадь и называл по очереди фамилии подчиненных. Те отвечали, давали какие-то пояснения, а Чанышев делал в тетради пометки. Как видно, тетрадь эта значила очень много в жизни отдела.

Едва Сокольников пришел к этой мысли, как круговой опрос закончился. Все разом встали и пошли из кабинета, и тут Со-

Художник Генрих КОМАРОВ.

кольников спохватился, что, собственно, не знает, куда идти. Кто такой Виктор, он просто не запомнил. Сокольников сделал несколько неуверенных шагов по опустевшему коридору. От волнения он даже вспотел. Очень неудачно все как-то складывалось.

За спиной открылась дверь, и вышел Костин — заместитель начальника. Его и Чанышева Сокольников тут только и знал. Костин сказал: «Пойдем покажу твой кабинет», и Сокольников поплелся за ним, страшно переживая собственную неловкость.

Виктор все говорил по телефону. Вернее, он больше слушал, отвечая коротко и с длинными паузами, так что понять, о чем идет речь, было невозможно.

Чтобы не сидеть истуканом за пустым столом, Сокольников попытался найти себе занятие. Открыл дверцу тумбы и поочередно выдвинул все ящики. Там было пусто, дно ящиков застилали чистые листы бумаги. Тогда он задвинул ящики и снова выдвинул, уже в обратном порядке.

— Ты чего ящиками гремишь? — спросил Виктор, положив трубку. — Извини, что я сразу убежал после пятиминутки: очень ждал звонка, боялся, что не застанут меня.

— Ничего, — с жаром сказал Сокольников, — я понимаю!

Виктор внимательно поглядел на него и улыбнулся. Было ему года тридцать два. Смуглое, как у южанина, лицо привлекало не правильностью черт, а выражением полнейшей невозмутимости.

— Александр Семенович, а где канцелярия?

Виктор задумчиво провел рукой по курчавым волосам.

— Давай-ка, брат, на «ты» переходить. Меня Саша зовут. А канцелярия на втором этаже. Одиннадцатая комната. Я тебе покажу.

В канцелярии за деревянным барьером сидела молодая женщина.

— Тоня, это наш новый сотрудник, — сказал Виктор, — выдай ему письменные принадлежности. Пожалуйста.

Тоня немедленно поджала губы и на новичка даже не взглянула. Новые сотрудники ее не интересовали. Сокольников злобно подумал, что и она его вовсе не интересуется. Тоня была некрасивая, с маленькими глазками на толстом лице и одевалась к тому же как-то странно: во все широкое, ярко-красное, зеленое и голубое.

— Бумаги много не дам. — Тоня шваркнула на барьер тоненькую стопочку, несколько карандашей, линейку и ластик. Подумав, добавила еще и авторучку. После этого ушла за сейф в угол комнаты, где у нее был еще один стол.

У кабинета их ждали. Высокий представительный старик в праздничном, но старомодном костюме не спеша расхаживал по коридору.

— Здравствуйте, Александр Семенович, — степенно поздоровался он, и Виктор ответил в тон:

— Здравствуйте, Марк Викентьевич.

Разница в возрасте у них была изрядная, но Сокольников понял, что два этих человека знакомы давно и относятся друг к другу очень уважительно. Ему захотелось, чтобы Виктор представил его старику. Тогда он бы сдержанно наклонил голову и

негромко произнес: «Инспектор Сокольников», вступив тем самым на равных в деловое общение серьезных людей.

Но гут зазвонил внутренний телефон, и Викторov пошел к начальнику, оставив их вдвоем. Сидели молча, и если Старикy было все равно, с кем и сколько молчать, то Сокольников вновь чувствовал себя очень неловко за пустым столом. Он опять принялся было дергать ящики, но сразу же перестал, едва ему показалось, что уловил насмешливый взгляд старика.

Тут вернулся Викторov и с порога сказал:

— Одевайся, Олег, сейчас едем.

Этого момента Сокольников ждал с самого начала. Даже не с сегодняшнего дня, а гораздо раньше — когда только начал сюда оформляться. Шутка ли — первый выезд на дело!

— Значит, едем на завод «Стройдеталь», — спокойно объяснял Викторov, — снимем там остатки и изыщем документацию за последние три года.

— Ясно, — Сокольников кивнул как профессионал профессионалу, но не удержался и спросил: — А зачем?

— Чтобы жуликов поймать, — сказал Викторov.

Стоял мартовский день, пропитанный солнцем и холодом. С карнизов и крыш уже вовсю капало, но горожане пока не торопились расстаться с зимней одеждой.

На завод «Стройдеталь» добрались не на оперативной машине с сиреной, как рассчитывал Сокольников, а на трамвае номер тридцать девять. Потом еще долго шли по раскисшему снегу, перебирались через железнодорожные пути, усыпанные щепой и обрывками коры, пока не очутились перед воротами в длинном голубом заборе. Рядом была еще маленькая дверь в проходную. Туда и вошли.

За окошечком на высоком табурете сидел сторож. Он смерил вошедших строгим взглядом.

— Мы из милиции, — сказал Викторov, и Сокольниковa это немного покорило. Лучше бы Викторov сказал «из ОБХСС».

Сторож взял из рук Викторова удостоверение и поднес к очкам. Сокольников вдруг обратил внимание, какие у него странные очки. Толстые линзы чуть не на сантиметр выдавались из оправы. Глаза сторожа сквозь них казались совсем маленькими, как через перевернутый бинокль. Удивительно было, как он вообще с таким плохим зрением мог что-то разобрать.

Дирекция размещалась недалеко от проходной в древней деревянной халупе. Впрочем, изнутри халупа выглядела несравненно более привлекательно, а кабинет директора, отделанный панелями под красное дерево и обставленный мягкой мебелью, вообще мог при желании сойти за министерский.

Хозяина кабинета звали Шафоротов В. И. — об этом Сокольников узнал из таблички.

Сейчас Шафоротов сидел в своем кресле бледный и руки у него тряслись. Сокольников был даже разочарован. Он ожидал трудной борьбы, словесного поединка, а Шафоротова можно было брать уже сейчас и вести в тюрьму, стенографируя по пути чистосердечное раскаяние. Но самым удивительным было то, что Викторov, казалось, совершенно не чувствовал этого удобного момента. Он не спеша сел за стол, долго расстеги-

вал пуговицы на куртке, снял шапку и лишь после этого спокойно сказал:

— Мы должны провести у вас проверку.

— Проверку? Так! — судорожно повторил Шафоротов, а трясущаяся рука его схватила крышечку от чернильного прибора. Было неясно, к чему здесь этот прибор: рядом в стаканчике торчали штук шесть отличных шариковых авторучек.

— Сделаем инвентаризацию лесоматериалов, — неторопливо говорил Виктор.

— Так! — отрывисто отвечал директор. — Пожалуйста!

— ...Ну и бухгалтерию нужно будет свести. Сравнить книжный остаток с фактическим.

Без стука распахнулась дверь, и в кабинет уверенно, как к себе, вошел человек лет пятидесяти.

— Здравствуйте, чем обязаны? — спросил он, окидывая всех быстрым и внимательным взглядом.

— Эдуард, они из милиции, — сказал Шафоротов.

— Простите, а вы кто? — сказал Виктор, но смысл его вопроса был таков: «А чего, собственно, вы вмешиваетесь?»

— Я главный инженер, Зелинский. Из милиции? И с чем связан ваш визит, если не секрет?

Зелинский был совершенно спокоен. Рядом с Шафоротовым он смотрелся выигрышно. Густая седая шевелюра, лицо профессора консерватории.

— Будем проводить у вас инвентаризацию, — терпеливо объяснил Виктор.

— Инвентаризацию? — Зелинский красиво вскинул брови. — А на каком основании?

— Эдуард, перестань, — промямлил Шафоротов.

— Подождите, Владимир Иванович, — резко и жестко одернул его главный инженер, словно это он был директором, а не Шафоротов. — У вас что, постановление прокурора?

Виктор сидел молча, но всем своим видом показывал, что не склонен отвечать на всякие пустяковые вопросы. Впрочем, Зелинский не стал настаивать на ответе.

— А почему именно к нам? — зашел он с другого бока. — Почему, к примеру, не в магазин напротив?

— Магазины у нас другие сотрудники занимаются, — сказал Виктор. — Может, не будем друг у друга отнимать попусту время?

— Позвольте! — Зелинский насмешливо склонил голову набок. — Но ведь именно теперь мы будем тратить все свое рабочее время на вас. Могу я хотя бы узнать причину?

— Можете, — согласился Виктор. — Вот закончим проверку — и все узнаете. А теперь давайте лучше составим комиссию. От нас в нее войдет товарищ Глан Марк Викентьевич — очень опытный специалист.

Весь остаток дня Сокольников ходил с комиссией по пахнувшему свежей древесиной лесоскладу и считал бревна, брус, тес и прочие пиломатериалы. Это было неинтересно, ужасно скучно. Вначале он старался вникать во все, чтобы Зелинский, который тоже вошел в состав комиссии, их не обманул. Однако весьма скоро убедился, что с его знаниями в это дело лучше не вступать. Зато обмануть опытного Марка Викентьевича бы-

до невозможно. Поэтому Сокольников просто переходил вместе со всеми от штабеля к штабелю, заботясь лишь о том, как удерживать на лице выражение деловитости и понимания происходящего.

Когда закончили на одном дворе, стало совсем темно. Распрощавшись, Марк Викентьевич пошел к метро, а Сокольников с Викторовым поехали на трамвае — им оказалось по пути. Только тут и удалось перемолвиться словом.

— Саша, ты заметил, как директор перепугался?

Викторов кивнул довольно равнодушно, чем Сокольникова несколько удивил.

— Ну как же, — растерянно сказал он, — ведь совершенно ясно, что у него совесть нечиста.

— Еще бы, — согласился Викторов, — с чего же совести быть чистой, если верует.

— Так, может быть... — Сокольников остановился, не договорив.

— Хватать его надо было, верно? — подсказал Викторов.

— Ну не хватать, а... Он ведь мог признаться.

Викторов отрицательно помотал головой.

— Нет. Не признался бы. Он трус, конечно, изрядный, но не дурак. Да и Зелинский не дал бы. Но даже если бы и признался — что толку? На одном признании в наших делах далеко не уедешь. Сегодня признался, завтра отказался. Слова — словами. Доказывать надо. Документально.

Все это говорил Викторов очень спокойно, отстраненно даже, будто он не оперативный сотрудник, а счетовод. Сокольникова это удивляло, но он помалкивал, пасуя перед старшинством и опытностью Викторова и подсознательно признавая его правоту.

На следующий день опять лес считали, теперь на другом дворе. А потом Сокольников под присмотром Викторова изымал в бухгалтерии документы — толстые переплетенные тома отчетности за три года. По правилам нужно было нумеровать все страницы — просто адская работа.

В бухгалтерии завода под началом главбуха работали еще трое. Одна девушка — серенькая, как мышка, совсем незаметная — Сокольников даже не запомнил, как ее зовут. Зато другая, Света, настоящая красавица, длинноногая и стройная, попала в бухгалтерию явно по ошибке. Настоящее ее место было, конечно же, где-нибудь рядом с кинокамерой. Света сама это хорошо понимала, поэтому общалась с окружающими лишь в случае крайней необходимости и весьма снисходительно. Сокольникова она совсем не замечала, и оттого он чувствовал невольную симпатию к третьему работнику бухгалтерии — парню одних с ним лет по имени Сева. Этот Сева был человеком добродушным и общительным, часто улыбался, и некрасивое лицо его с близко посаженными глазами, тонким ртом и огромным носом скоро стало казаться Сокольникову даже не лишенным приятности.

Сева тут же сообщил, что окончил финансовый институт и работает по распределению на заводе второй год. В ответ Со-

кольников незаметно для себя тоже разговорился. Рассказал, что и он — недавний студент, работал в КБ по распределению, а в ОБХСС попал по направлению комсомола. Сева стал допытываться, интересная ли у Сокольникова работа. Тому неудобно было признаваться, что трудится он всего третий день. Приходилось отвечать на Севины вопросы сдержанно, напускать больше туману, и Сева скоро с уважением отступился.

С Викторовым в ту пору они виделись редко. Тот ходил где-то по заводу, приносил новые вороха документов, с кем-то разговаривал и лишь изредка появлялся в бухгалтерии, чтобы подсказать, что и в какой последовательности должен делать его помощник. Все, что происходило в эти дни, было обыденным и скучным. Сокольников все реже представлял себе сцены поимки преступников с полицим, картины мастерских допросов, после которых матерые хищники раскаиваются и дают показания. Тянулась какая-то серая рутина. У Сокольникова даже к Зелинскому понемногу стало меняться отношение. Тот довольно часто забегал в бухгалтерию за разными справками, пошучивал с главбухом, Севой, Светой и самим Сокольниковым — причем обходился без насмешек и панибратства.

Однажды пришел Викторов и сказал:

— Олег, пойдем изымать сторожевую книгу.

Сторож с линзами-очками как раз выпускал с территории машину, груженную досками. Он взял у водителя накладную и поднес вплотную к своим очкам.

— Совсем ничего не видит, — сочувственно сказал Сокольников.

— В том-то и дело, — откликнулся Викторов, имея в виду еще что-то.

Фамилия сторожа была Скоробогатов. Когда Викторов попросил отдать книгу, лицо у того сделалось гневным и обиженным.

— Без указания не могу, — заявил он.

— Есть, есть указание, — подтвердил Викторов, — директор лично распорядился.

— Я ничего не знаю.

— Ну позвоните ему. — Викторов устал и не хотел препираться.

Сторож снял телефонную трубку и внезапно согласился.

— Забирайте. Пожалуйста.

Викторов полистал толстую и здорово замусоленную тетрадь.

— Вы сюда все машины записываете?

Некоторое время сторож оскорбленно молчал. Казалось, вопрос так возмущил его, что он и дар речи потерял.

— А как же иначе? — сказал он наконец. — Как бы вы хотели?

— А груз проверяете?

Прошла, наверное, целая минута, пока Скоробогатов ответил.

— Так, может, мне вообще не надо проверять? А вы как думаете!

Сегодня Сокольникова не задевал его тон. Сторож изо всех сил старался рассердиться, показать свое презрение, но получалось у него очень неловко, даже смешно, как всегда бывает у робких, не уверенных в себе людей. Он пытался придумать

слова пообиднее, поязвительнее, да получалось все не в попад. Скоробогатов понимал это и волновался все больше.

— У вас какая группа? — тихо спросил Виктор.

— А это... к делу не относится. Вторая группа у меня! Вам это знать ни к чему! — нервно и отрывисто говорил Скоробогатов.

— Да я просто так спросил. Скажите, не может быть такого, чтобы в накладной было записано одно, а вывезли другое?

— Что другое-то? Компот с вареньем? Я все контролирую. Не может быть! Исключено. Есть еще вопросы?

— Вторая группа инвалидности, — в сердцах сказал Виктор на улице. — Они его специально по всему городу искали, это точно. Какое там варенье — слона вывезти можно, если только под фанеру покрасить!

Оказалось, что главбух наконец закончил свой отчет. Вышло, что пиломатериалов и всяческого леса на заводе в наличии имелось на сорок шесть тысяч рублей меньше, чем по бумагам.

Пришел Зелинский, быстро поглядел отчет и авторитетно заявил:

— Это ошибка. Быть такого не может.

Он, кажется, даже сочувствовал Виктору и Сокольникову.

— Мы посмотрим, — только и сказал Виктор, засовывая бухгалтерский отчет в свою папку.

Сегодня Сокольников впервые в жизни ехал в настоящей оперативной машине с сиреной и рацией. Машину вызвали, чтобы перевезти изъятые документы: в руках такую кучу унести было невозможно.

Когда все книги переташили, их кабинет стал похож на изрядно запущенный архив. На подоконнике, на сейфах и телефонном столике, в шкафу для одежды лежали тома. Все это надо было внимательно прочитать.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Виктор, оглядев кабинет. — Теперь давай подумаем над тем, что мы имеем и что будем делать дальше.

— Имеем тонну макулатуры, — пробормотал Сокольников, ощутил строгий взгляд своего начальника и умолк.

— Неким работникам завода «Стройдеталь» перестало хватать зарплаты, — заговорил Виктор. — Тогда они принялись красть. Договаривались со строительными организациями и выписывали фиктивные накладные на стройматериалы. Но они, эти жулики, люди неглупые и машины порожняком с завода не гоняли. Просто грузили поменьше, чем было указано в накладной. Или другим сортом, подешевле. А излишки, естественно, продавали на сторону. Понятно?

Сокольников кивнул.

— Хорошо тебе. А мне пока что многое неясно.

Насмешки в его словах не было. Грустновато они прозвучали.

В этот момент отворилась дверь и вошел старший инспектор Трошин. Его Сокольников уже успел запомнить. Трошин был передовиком. Фотография его, большая и цветная, висела на Доске почета. Мимо этой доски все по утрам шли на работу.

На снимке Трошин получился очень удачно: русая шапка во-

лос, внимательный, вдумчивый взгляд. Да и в жизни он выглядел как настоящий отличник.

— Виктор, — сказал Трошин, — рыбный заказ брать будешь?

— Давай, — рассеянно согласился Виктор.

— А молодой твой?

Не успел Сокольников обидеться на такое обращение, как Виктор поправил передовика.

— Тут у нас все сотрудники, — сдержанно сказал он. — Олег, ты будешь заказ брать?

— Я не знаю, — ответил Сокольников, одновременно шаря в пустом кармане. — А что за заказ?

Трошин положил перед ним листочек со списком и снова повернулся к Виктору.

— Я слышал, что ты «Стройдеталь» начал бомбить?

— От кого же ты, интересно, это слышал?

— Между прочим, я тоже в отделе работаю.

— Да ну! — спокойно сказал Виктор.

— Там все непросто.

— А что так?

— Если хочешь, как-нибудь поговорим. В общем, я тебе сочувствую.

— Это хорошо. — Виктор выглядел задумчивым. Даже немного сонным. — Ты мне вот что скажи, Георгий...

— Да?

— Деньги за заказ тебе отдавать?

Наверное, Трошин ждал другого вопроса. Он внимательно посмотрел на Викторова, поиграл бровями и сказал:

— Тоня деньги принимает. Желаю успеха.

Сокольников догадался, что в их отношениях не все было ладно.

Дома Олег Сокольников с немалой гордостью выложил на стол содержимое большого полиэтиленового пакета. Чего только тут не было! Банка красной икры и банка черной, лосось в собственном соку, полкило кеты, копченая спинка осетра и даже килограмм дефицитнейшей воблы в отдельном бумажном кульке.

Осмотрев все это, отец тихо присвистнул и покачал головой.

— А чем плохо? — Мать тут же отреагировала на его интонацию.

— Это у вас всем так дают? — полюбопытствовал отец.

— Всем.

— Здорово. А у нас в цехе такой заказ на пятнадцать человек разыгрывают. Но без воблы.

— Сравнил тоже, — сказала мать.

— И где же такие наборы приобретаются?

— Недалеко, — Олег понемногу начал обижаться. — В рыбном возле «Новокузнецкой».

— Скажи пожалуйста! Недавно туда заходил, так, кроме минтая, только луфаря увидел. Вообще тоже рыба... с плавниками.

Отец пошел и лег на диван.

— Ну а если к примеру завтра в этом магазине придется проверку делать? — спросил он через минуту.

— Я магазинами не занимаюсь, — сердито ответил Олег.

— Ну, не тебе. Служивцам твоим.

— Что ж, и сделают... Собственно, зачем это вдруг там делать проверку?

— Мало ли! Покупатели пожалуются. Или кто в магазине проворуется. Могут они провороваться?

— Нст. — Олег постарался вложить в свои слова как можно больше убежденности. — В этом магазине все в порядке. Иначе мы бы с ними связываться не стали.

— А-а! — глубокомысленно сказал отец.

Мать все слушала и не выдержала.

— Прекрати! — цыкнула она. — Чего дурака валяешь? Люди вокруг не хуже живут. Все воруют, что ли?

— Всё, всё, — отец повернулся на бок, а газету положил на затылок.

Мать засмеялась и звучно шлепнула по газете полотенцем.

— Вставай, еда на столе...

Они ужинали, смотрели телевизор, все было как обычно, а Олег все думал, что вопросы свои отец задавал неспроста. Действительно, что, если?.. Ну так что ж! Пойдут и проверят. Хотя, конечно же, не очень-то удобно будет устраивать проверку этой симпатичной и приветливой заведующей в тугом крахмальном халатике, которая лично отпускала им товар. Во всяком случае, он предпочел бы с проверкой к ней не ходить.

Когда Сокольников возвращался с обеда, в коридоре его поймал передовик Трошин и завел в свой кабинет. Оказывается, Сокольникову доверялось важное общественное поручение — быть отделским политинформатором. Сокольников не возражал, даже порадовался, что обошлось так легко и его не заставили, к примеру, выпускать стенгазету. Только слегка задело, что Трошин демонстративно принялся закрывать какие-то документы, лежащие на столе.

— Бдительность — основа работы, — пояснил Трошин, поймав обиженный взгляд Сокольникова. И с этим Сокольников в принципе был согласен, хотя такая бдительность все же ему не понравилась. Чего от своих прятаться?

Потом он вдруг вспомнил, что обещал купить матери почтовые конверты. Накинув куртку, выскочил на улицу и едва не столкнулся с Севой. Тот стоял у газетного стенда, засунув руки в карманы.

— А! Олежек! — обрадовался Сева и простуженно швырнулся. — Какая встреча!

— Привет, — сказал Сокольников, — ты как тут оказался?

— Вот бумаги относил, которые твой начальник затребовал. А как твои дела?

— Нормально, — неопределенно сказал Сокольников.

Сева пошел рядом.

— Вот мне интересно, — сказал он, — наше дело сложное считается или как?

— Или как. — Сокольников пожал плечами. — Обычное.

— Ты знаешь, вот честно, мне кажется, что вы ничего не найдете.

— Почему же?

— Так ведь нет ничего, — хитро сказал Сева. — Ты что же думаешь, там всё жулики сидят?

— Как сказать. — Сокольникову ужасно надоел Сева со своим разговором, и он был рад, что киоск уже рядом.

Пока он покупал конверты, Сева топтался рядом, изъясняя готовность сопроводить Сокольникова и дальше.

— Я тебе точно говорю, — продолжал он, — недостача и хищение — разные вещи. Вот если есть еще что-то, тогда совсем другое дело.

— Есть, есть, не беспокойся, — сказал Сокольников.

— Ну, например, что? — с живым интересом спросил Сева.

— Секрет, — раздражаясь понемногу, ответил Сокольников.

— Да ты не торопись, Олежек, — засуетился Сева. — Я вообще с тобой хотел поговорить. Знаешь, все эти дела на заводе... Неприятно. Честно, неприятно. У нас руководство неплохое, я тебе точно говорю. Всегда могут войти в положение, понять человека... Такое нечасто встретишь. А тут ходят люди, можно сказать, в неизвестности... Надо бы помочь, а, Олежек?

Только сейчас Сокольников сообразил, что не просто так спрашивает его Сева, что есть у него определенная цель и что именно его, Сокольникова, избрал он, чтобы попытаться выудить информацию. Может, даже специально тут поджидал.

Вероятно, сейчас Сева казался себе очень ловким. А Сокольников никак не мог набраться решимости и послать его попросту подальше. Вместо этого он криво улыбнулся, пробормотал, как бы извиняясь: «Будь здоров, пока» — и поспешил к себе.

Викторова на месте до сих пор не было — после обеда он отлучился куда-то по своим делам. От нечего делать Сокольников взял из стопки изъятых документов то, что лежало сверху, и принялся изучать. Это оказалась та самая книга, которую они забрали у сторожа Скоробогатова. Уголки листов были захватаны до черноты и скручивались трубочкой. Сокольников отчетливо представил себе, как Скоробогатов листает страницы, слоняя палец и щуря почти совсем слепые глаза под огромными линзами. Почерк у Скоробогатова был неровный, но разборчивый. Как видно, он в самом деле любил аккуратность и подробно заносил в соответствующие графы название груза, его количество, номер машины и организацию-грузополучатель. Завод «Стройдеталь» производил брус, лоловую доску, вагонку, фанеру, а также двери, оконные рамы и многое другое. Все это отправлялось в различные строительные тресты и управления, которых Сокольников насчитал более десятка уже на первых страницах. Иногда в графе «получатель» стояла просто фамилия. В графе «груз» обязательно значилось: «обрезки». Сокольников принялся выискивать обрезки по всей книге и обнаружил, что обратной зависимости нет. Очень часто получателем обрезков оказывались некие КОТ-2 и КОТ-5. Сокольников попытался отыскать еще какую-нибудь закономерность, но в эту минуту зазвонил внутренний телефон.

— Кто? — спросила трубка голосом Чанышва.

Сокольников ответил.

— Зайдите ко мне! — потребовала трубка.

Кабинет у Чанышева был темноватый: окна выходили в узкий каменный колодец двора. На столе горела лампа.

— Садитесь. — Чанышев указал на стул напротив. — Как работается?

Чанышев вначале смотрел на собеседника, потом отводил глаза и произносил фразу и снова смотрел в лицо. Такая у него была манера.

Сокольников кашлянул и ответил, что нормально.

Последовало еще несколько совершенно незначущих вопросов, на которые Сокольников отвечал с готовностью и некоторым недоумением. Ответы его Чанышев выслушивал, пожалуй, не особенно внимательно, только отчего-то все поглядывал на Сокольникова в упор.

— Скажи, пожалуйста, — Чанышев вдруг перешел на «ты», — с кем ты сегодня встречался?

— Ни с кем, — удивился Сокольников.

— Н-да, — задумчиво сказал Чанышев. — Сегодня около управления.

— А, с этим-то! — Сокольников только теперь понял, о чем речь. — Со «Стройдетали»?

— Скажи, Сокольников, что у вас общего? — Чанышев так и впился в него взглядом.

— В каком смысле? — растерялся Сокольников.

— В самом прямом! Работник ОБХСС почему-то встречается с сомнительными личностями, рассказывает ему то, что знать не положено.

— Я ничего ему не рассказывал, — тихо сказал Сокольников.

— О чем же вы говорили?

— Ни о чем. — Сокольников ощутил, как охрип у него почему-то голос. — Он спросил, как у нас идет работа. Я сказал, что нормально.

— В каком смысле нормально?

— Ни в каком. Просто я так сказал.

— Дальше?

— Дальше ничего не было. На этом мы и расстались.

— Я прошу запомнить, — заговорил Чанышев, уже не глядя на Сокольникова, — раз и навсегда. Никаких разговоров с посторонними людьми быть не должно. Никакого общения с подобными личностями. Если вы намерены работать в органах, прошу запомнить. Вы свободны.

Сокольников встал, шагнул к двери, потом повернулся.

— Вы мне не верите? Я могу и сейчас уволиться. Если вы считаете, что...

— Я ничего не считаю. — Тон у Чанышева стал чуть мягче. — Просто прошу учесть все, что здесь говорилось. Идите работайте.

На свой этаж Сокольников спускался медленно. Обида перехватила горло. За что его так? Разве когда-нибудь совершал он бесчестные поступки? Господи, как он вел-то себя у Чанышева! Будто и в самом деле виноват. Совсем не то говорил, не то делал. Если бы начальник вот сейчас его еще раз вызвал,

он бы нашел что сказать! Какие, собственно, у Чанышсва основания подозревать Сокольников?..

Викторов, оказывается, уже вернулся, сидел на своем месте. Он очень внимательно посмотрел на Сокольников.

— Ты где был?

— У начальника. — Хмурый Сокольников прошел за свой стол. Сейчас он очень нуждался в сочувствии. — Ты знаешь, как-то странно получилось... Я тут после обеда встречаю Севу со «Стройдетали». Он сюда какие-то документы привозил... по крайней мере, мне так сказал. Прошлись с ним до газетного киоска и обратно. Он все пытался, как у нас идут дела. Ну, естественно, я с ним распрощался. А Чанышев вдруг вызывает и говорит со мной так, будто я...

Сокольников запнулся, потом окончил:

— И откуда только узнал? Но, Саша, если ты думаешь, что я мог что-то выболтать, то, знаешь...

— О чем именно этот Сева спрашивал, скажи, пожалуйста?

— Интересовался, что у нас есть.

— Понятно, — кивнул Виктор. — Я так думаю, что это не последний заход. Ты это учти.

— Да я!.. — воскликнул Сокольников, но Виктор нетерпеливым жестом прервал его дальнейшие излияния.

— Верю, верю. Я все понял.

Некоторое время они молчали. Сокольников сопел за столом, потихоньку отходя от обиды и волнений.

— Все-таки интересно, откуда Чанышев узнал? — спросил он.

— Оттуда, откуда и я, — грустновато усмехнулся Виктор. — Все очень просто. Тебя с этим Севой Трошин в окно увидел.

— И сразу доложил Чанышеву?

— Может, не сразу. Может, сначала покурил. — Виктор открыл ящик своего стола и принялся раздраженно и бесцельно перекладывать там бумаги. — Он у нас бдительный.

— Может, так и надо, — нерешительно предположил Сокольников, — только мне кажется, что это как-то нехорошо.

Виктор молча ковырялся в ящике.

— Если не доверяете, не надо было на работу принимать.

— Успокойся, — сказал Виктор. — Я тебе доверяю. И хватит об этом.

Все равно настроение у Соколового было изрядно подпорчено. Он с грустью подумал, что сегодня для него открылась совсем неизвестная сторона жизни. До сих пор все было просто и ясно. Где-то проходила условная граница, деля людей на честных и нечестных, но — где! — очень далеко от Соколового. Рядом же была учеба, друзья, родители — и никаких загадок, никаких темных углов. Нечестные люди таятся, прячутся, но не потому их Соколов до сей поры не встречал. Суть в том, что нечестных людей очень мало. Об этом ежедневно твердили газеты, телевидение и радио. Конечно, в компаниях возникали разговоры на интригующие криминальные темы, о том, что воров и взяточников кругом пруд пруди, и такие разговоры Соколов, бывало, с азартом подхватывал, припоминая фельетоны из «Крокодила» и «Удивительные истории» Пантелеймона Корягина на известинских страницах. Но попроси его назвать

хоть одного знакомого взяточника, тут Сокольников бы и спасовал.

А теперь получалось так, что и безусловно честные люди, к которым относился и сам Сокольников, и Чанышев, и Трошин, должны друг друга в чем-то подозревать. Это было противоестественно и вообще неправильно. У Сокольникова вдруг появилось странное ощущение, что ему неизвестны какие-то элементарные вещи, о которых прекрасно осведомлен любой из его теперешних коллег.

— Саша, скажи, а могут нас послать проверять тот магазин, где мы получаем заказы? — неожиданно спросил Сокольников.

— В принципе могут, — после недолгого молчания ответил Виктор.

— Неудобно как-то...

— В принципе, — повторил Виктор. — Но, думаю, не пошлют.

— Ну а вдруг? Если там что-то не так?

Виктор усмехнулся. Но, кажется, не столько вопросу, сколько своим мыслям.

— Там всё так. Не сомневайся.

Однако он не вложил в свои слова должной убедительности. Да и не старался.

— В каждом районе есть хотя бы один магазин, где всегда все хорошо. Понял?

— Не совсем.

— Если каждый работник ОБХСС будет шастать по продуктовым магазинам, это не дело. Лучше уж всем получать заказы организованно. Тем более, — он сделал паузу, — не одни мы там питаемся.

— Что-то здесь неправильно, — упрямо сказал Сокольников. Вообще он уже жалел, что начал этот разговор. — Не понимаю, зачем нужно вообще шастать по магазинам?

— Неправильно, — согласился вдруг Виктор. — Только так сложилось, и менять этого никто не собирается. Скажи-ка, разве ты заказом недоволен? Или твои родные?

— Заказ хороший, ничего не скажешь...

— Тогда на этом и остановимся. До времени. А сейчас вот чем займемся: со следующей недели, надеюсь, с документацией начнут работать ревизоры. Давай немного разберемся в этих книгах. Разложим их по годам, что ли. Это что у тебя на столе?

— Книга, которую взяли у сторожа. Саша, что такое КОТ?

— Животное такое. Мышей ест.

— Я знаю, — отмахнулся Сокольников. — Вот тут в книге обрезки иногда увозят на КОТ-5 или КОТ-2, а иногда в этой графе просто фамилия.

Виктор поглядел и немедленно заинтересовался. Забрал книгу и минут пятнадцать молча листал страницы.

— А я ведь эту книгу просто так изъял, на всякий случай, — признался Виктор.

Он закрыл книгу и хлопнул ею по столу.

— Молодец ты, Олег. Цены тебе нет!

Сокольников пока не понимал, в чем дело, склоняясь к мысли, что Викторov над ним просто подшучивает.

— Объясняю! — Викторov взял книгу, подтащил стул и уселся рядом. — КОТ — это котельные. Так их Скоробогатов обозначил. Туда вывозятся отходы производства. Вывозились они или нет — проверить уже невозможно. Все сгорело. Или как бы сгорело. Скоробогатов же по слабости зрения не мог проверить, что в машине. На это они и рассчитывали, когда ставили его сторожем. Но книгу свою он вел тщательно.

— Ты хочешь сказать, что под видом обрезков вывозили хорошие материалы?

— Почти уверен. Тем более что обрезки можно в порядке исключения отпускать частным лицам. По символической цене. Теперь мы с тобой вот что будем делать. Ты выпиши все машины, которые были заняты вывозкой отходов. Станем опрашивать водителей.

— А как насчет тех машин, против которых стоят фамилии? Это и есть покупатели. Их ведь тоже надо опрашивать.

— Надо, — мрачно сказал Викторov. — Но с фамилиями пока обождем. Фамилии пока выписывать не надо и вообще об этом постарайся ни с кем не говорить.

Он пристально посмотрел на Сокольникова и повторил еще раз:

— Никому ни слова.

Список получился очень длинным, но Сокольников скоро убедился, что многие машины в нем повторялись. Оно и неудивительно. Завод «Стройдеталь» обслуживался автокомбинатом № 3 — так объяснил Викторov. Это здорово сокращало объем работы. Однако в списке было немало машин и с автобаз города. Ими Викторov решил заняться сам, а автокомбинат оставил за Сокольниковым.

Опрос водителей позволил выяснить очень интересные вещи. Оказывается, дело с ними имел посредник по имени Гриша. Услугами водителей комбината он пользовался в общем регулярно. Его хорошо знали несколько водителей — из тех, кто ездил на «Стройдеталь» более или менее постоянно. Гриша всегда был в курсе, кто и когда едет на завод, и заранее предлагал подхалтурить — не в котельную везти, а куда покажет. Платил от червонца до двадцати рублей, в зависимости от расстояния. Вот адреса его никто не знал. И фамилии тоже...

К концу второй недели, когда они кончили опрашивать водителей, набралось поездок двадцать за город. Сокольников был очень доволен. Викторov тоже доволен, но не очень.

— А что мы, собственно, имеем? — охладил он как-то восторги Сокольникова. — По самой грубой прикидке, с помощью Гриши похищено всего на четыре тысячи рублей. А недостача — на сорок. Но нам эти четыре тысячи рублей нужны как воздух, потому что с них мы и начнем раскручивать самое главное. Гриша — это факт, от которого уже не спрятаться. Ты понимаешь?

О «самом главном» Викторov не хотел говорить даже с Сокольниковым. «Самое главное» его немало тревожило, и это не

могло укрыться от Сокольников. Будто Виктор все время ждал, что в течение событий вот-вот вмешаются какие-то сторонние силы.

Как-то ближе к вечеру, когда Сокольников в одиночестве ковырялся с документами, в кабинет зашел заместитель начальника Костин. Начал он с довольно неожиданной фразы:

— У тебя никаких срочных дел нет?

Даже если б они у него были, разве бы Сокольников признался? Неловко же, в самом деле, говорить своему начальству, что он занят.

— Тогда сделай мне одолжение.

Он вручил Сокольникову листок бумаги, тридцать рублей и объяснил, что надо сходить в магазин, где получали заказы, спросить Ольгу Александровну — это директор — и отдать ей записку.

— Дальше она знает, — добавил Костин. — Соберет там кое-что по списочку. Я ей только что звонил. Дядька с семьей, понимаешь, в гости едет. Надо встретить по-людски...

По дороге в магазин Сокольников все раздумывал, следует ли ему обижаться на такое поручение или, наоборот, радоваться. С одной стороны, он не курьером сюда устраивался. Но с другой — это явное свидетельство доверия. Сокольников становился в отделе своим.

Рабочее место Ольги Александровны было в маленькой, но уютной комнатке, куда Сокольников провела одна из продавщиц. Трудилась Ольга Александровна в белоснежном халатике, который лучше всякого платья облегал ее стройную фигуру. В нем она была похожа не на работника торговли, а на врача-терапевта, притом очень хорошего. Она небрежно пробежала взглядом записку и позвала в открытую дверь:

— Люба!

Дисциплина, как понял Сокольников, здесь была на уровне. Где-то в конце длинного коридора немедленно подхватили в несколько голосов: «Люба! К Ольге Александровне!», а через несколько секунд появилась молоденькая девушка со смешным носиком-пуговкой на круглой сонной мордашке.

— Вот, Люба, — Ольга Александровна отдала ей записку Костина, — отпусти молодому человеку.

Люба повела его в подвал и там, сверяясь со списком, наклала в сумку дефицитных банок с икрой, балыком и печенью трески. Потом уже в другом подвале дала еще чего-то развесного. Ей было глубоко наплевать на Соколькова, как и на всех прочих посетителей, коих она тут перевидала немало. Во всяком случае, возвращаясь, Сокольников увидел у кабинета директора еще двоих, весьма солидных мужчин, сидевших перед закрытой дверью с достоинством и привычным спокойствием.

Плохо, что выходить надо было тем же путем — через торговый зал, до отказа заполненный обычными, рядовыми покупателями. Сокольникову было неудобно протискиваться сквозь них с набитой доверху сумкой. Ему показалось, что все, как один, уставились на него с подозрением и осуждением. Хорошо еще, что сумка была плотная и банки внутри не просматривались.

Но все равно Сокольников постарался выбраться на улицу как можно быстрее. И хотя неловкость в душе несколько развеялась после теплой благодарности Костина, все равно лучше бы тот больше о таких одолжениях не просил...

Следователя Гайдаленка Сокольников уже не раз встречал в коридоре управления и успел запомнить. С виду Гайдаленок вполне тянул на начальника. Сокольников вначале так и решил, что это начальник. Именно Гайдаленку попала через канцелярию потолстевшая папка с аккуратно подшитыми материалами по «Стройдетали».

В теперешней жизни Сокольникова многие новые знакомства по работе начинались с телефонных звонков. Вот и сегодня зазвонил телефон, и мягкий баритон спросил:

— Простите, это, собственно, кто?

— Это инспектор Сокольников.

— М-м, — сказал баритон, — что-то я вас не знаю... А Виктор где?

— Вышел он, — ответил Сокольников, немного заинтригованный бархатистым тембром, — сейчас придет.

На том конце секунду поразмыслили.

— Ну, хорошо. Передайте, пусть он зайдет к Гайдаленку.

Викторов был у начальника и вернулся чем-то раздосадованный. Услышав про звонок, кажется, разозлился еще больше.

— Так я и думал, — процедил он, а потом скомандовал: — Пошли вместе!

Следователи в управлении целиком занимали третий этаж. У каждого был маленький, но отдельный кабинет, потому Сокольников про себя относил следователей к более высокой категории милицейской иерархии.

Они вошли в комнатку, и там сразу стало тесно.

— Александр, дорогой, рад тебя видеть, — проникновенно сказал Гайдаленок, — садись, пожалуйста. А этот молодой человек, как я понимаю, твой новый коллега. Очень рад, коллега, прошу.

Манера общения Гайдаленка и весь его гладкий вальяжный вид вызвали у Сокольникова неясные ассоциации. Где-то все это он уже видел.

— Ты понимаешь, какое дело, Александр, — сокрушенно начал Гайдаленок, — получил я твой материал и должен тебя огорчить. Не могу принять его в производство.

Викторов усмехнулся.

— Ты, Георгий, мне будто бы в личной просьбе отказываешь.

— Ну-ну, — покачал головой Гайдаленок, — мы уже и обиделись.

— Так почему же ты не хочешь возбуждать дело?

— Разве я сказал «не хочу»? — воскликнул Гайдаленок. В каждую фразу он вкладывал чуть больше эмоций, чем требовалось по ситуации. — Я сказал «не могу». Большая разница! А причина в том, что дело пока не имеет судебной перспективы.

— Что так? — жестко прищурился Викторов.

— Сам посуди: допустим, есть факт недостачи. Заметь —

только допустим, поскольку официальной ревизии еще не проводилось. Ну и что? А где доказательства, что это хищение? Кто, собственно, похищал? Кому сбывал? Где, наконец, похищенное? Если хочешь, могу еще с десятков вопросов накидать.

— Слушай, Георгий. — На скулах Викторова медленно заходили желваки. — Я эти вопросы тоже могу перечислить. Но ты ведь не адвокат, не прокурор. Ты — следователь. Ты отвечать на них должен, а не ставить. Вместе со мной. Да я тебе и сейчас подсказу, как ответить на половину. Оснований для возбуждения дела более чем достаточно. Ты полистай наши материалы. Да ты и сам понимаешь, почему надо дело возбуждать — ревизию-то проводить без возбуждения не станут. Не допустят. Будут тянуть сколько возможно. А факты вывоза продукции налево мы зафиксировали, как тебе известно. Теперь дело за тобой.

Гайдаленок тяжело вздохнул, с укоризной посмотрел на Викторова.

— Ты словно вчера родился. Не поймут нас. Прокуратура не поймет. На сегодняшний день ведь перекупщик неизвестен.

В глазах Викторова появился иронический блеск.

— Я не понимаю, Георгий, ты что, себе тоже дачу строишь, что ли?

Тогда на лицо Гайдаленка возшло выражение праведного гнева.

— Не ожидал я от тебя таких слов. Прямо тебе скажу, не ожидал!

— Ладно, — Викторов устало махнул рукой, — что касается перекупщика, мы тебе его найдем. А дальше? Это же матерый вор, его надо немедленно задерживать, а то убежит. Ты его удержишь?

— Ну, сейчас говорить пока не о чем. Дискутируем на пустом месте. Нужно посмотреть, подумать...

Викторов молча забрал папку и поднялся.

— Пойми, Александр, — Гайдаленок говорил сейчас с проникновенной теплотой, — не всегда мы поступаем так, как нам хотелось бы. Обстоятельства, знаешь ли...

— Не надо про обстоятельства, — спокойно посоветовал Викторов. — Ты все понимаешь, и я понимаю. Только неплохо бы еще и совесть иметь.

Он не стал слушать, как кудахчет обиженный Гайдаленок, и быстро вышел, едва не защемив дверь Сокольников, который тоже поторопился выскочить в коридор за своим руководителем. Сокольников все-таки успел взглянуть еще раз на Гайдаленка. Тот сидел за своим столом в позе, выражающей скорбь и обиду. Теперь Сокольников догадался, на кого он похож. Гайдаленок здорово напоминал актера. Но не настоящего, а из водеvilных персонажей — резонерствующих и последовательно принимающих красивые позы в течение всего спектакля. Только затемненные очки Гайдаленка в модной оправе слегка смазывали это впечатление.

Викторов с молчаливой злостью шагал по коридору и размахивал папкой. Сокольников едва попевал за ним. Они спустились на этаж. Тут Сокольников понял: идут к Чанышеву.

У самого кабинета он в нерешительности притормозил.

— Слушай, Саш, может, мне туда не надо?

— Идем!

В полутемном кабинете горела настольная лампа. Сокольников уже знал, что верхнего света Чанышев не любил и зажигал его только во время общих сборов. Викторов сказал «разрешите», но прозвучало это как «руки вверх». Чанышев не удивился. Спокойно смотрел на него, будто знал наперед, с чем Викторов сюда заявится. Вид у него был слегка усталый.

— Следствие не хочет принимать дело к производству, — кратко сказал Викторов и выложил папку на стол.

— Я знаю, — меланхолически ответил Чанышев.

— И что же будем делать дальше?

— Работать, — Чанышев медленным жестом помассировал веки, — формально они правы. Если бы я не хотел брать дело, тоже нашел бы кучу возражений. И многие были бы вполне обоснованы.

— Многие, — повторил Викторов. — Так что же дальше?

Чанышев не спеша поднялся, пересек кабинет и зажег люстру. Потом вернулся и долго устроивался в своем удобном кресле.

— Ищите этого перекупщика. Будем добиваться проведения ревизии на заводе. Там будет видно.

— Все ведь кошке под хвост пойдет, — зло сказал Викторов.

Чанышев протянул пухлую руку, щелкнул выключателем настольной лампы. Свет погас, лицо его сразу же потеряло резкость черт, сделалось размытым.

— Идите работайте.

Они сидели в своем кабинете и молчали. Викторов полез в сейф, пошуршал, вытаскивая початую пачку сигарет.

— Ты разве куришь? — изумился Сокольников.

— Не курю, — буркнул Викторов, зажигая спичку.

Сокольникову страшно захотелось что-нибудь для него сделать.

— Слушай, Саша, может, ты зря расстраиваешься? Неужели мы этого Гришу не найдем? Куда он денется!

Викторов невесело засмеялся, поперхнулся дымом и загасил сигарету.

— Хочешь расскажу, чем кончится наше дело? Будет вот что. Ревизия начнется года через полтора. Зелинский это дело постарается оттянуть, не сомневайся. Ему помогут и спешить не станут — белый свет не без добрых людей. А к тому времени недостатки уменьшится настолько, что и говорить будет не о чем.

— Как это она уменьшится? — не поверил Сокольников.

— Как угодно. Обнаружится, например, что было списание материалов в связи с браком.

Он выставил перед Сокольниковым ладонь.

— Водители от показаний откажутся. Скажут, что возили они исключительно отходы. Хоть бы и за город. — Викторов загнул один палец. — Сам Гриша, разумеется, исчезнет. Если уже не исчез, — он загнул другой палец. — К тому времени Зелинский уволится и уедет работать в Армавир. Или на Камчатку... И если вдруг случится чудо и дело по факту недостатки все же возбудят, то только на Шафоротова, да и то ненадолго.

Прекратят с передачей на товарищеский суд. Шафорогова переведут на другую работу и даже необязательно с понижением.

Викторов сжал пальцы в кулак и внимательно его осмотрел со всех сторон.

— Все.

— Но почему же так, Саша? — тихо спросил Сокольников. — Разве для них закона нет?

— Молодой ты, — казенным, противным голосом сказал Викторов, — жизни не знаешь. Вот я тебе сейчас объясню. — Он сморщился и тряхнул головой. — Не хотел вообще-то тебе говорить. Расстраивать не хотел. Рассчитывал: прорвемся. Но ты бы все равно потом узнал... Помнишь, в книжке у сторожа фамилии в графе получателей? Иди-ка сюда! Вот, смотри. Тринадцатое ноября, машина такая-то, отходы. Получатель — Архипов. Это, кстати, наш народный судья. Дальше. Январь. Получатель — Фирзин. Этот из исполкома. Семнадцатое марта. Отходы. Получатель — Сливенков. Ну уж Сливенкова ты должен знать. Начальник нашей вневедомственной охраны. Неглупый, между прочим, мужик. Говорят, скоро станет заместителем начальника управления. И так далее... Хватит пока. Все понял?

Чувство, которое Сокольников сейчас испытывал, было сродни брезгливости. Но разочарования или уныния как не бывало. Даже наоборот. В мозгу начали рождаться пылающие картины дальнейшей суровой борьбы за правду.

— Понятно, — отчеканил он. — Значит, надо действовать. Будем бороться.

Викторов посмотрел на него с сожалением.

— С кем, собственно, ты собрался бороться? И по какому поводу? Тебе что же, точно известно, что они вывозили не отходы? Сейчас многие дачи строят. Это у нас не запрещается, — он язвительно ухмыльнулся, — и все из отходов. Поди проверь. У Сливенкова, к примеру, я на даче не бывал. Но дело не в том. Проверять тебе просто не дадут. Их всех Зелинский в одну связку нанизал. Как же им ему не помочь? Вот Гайдаленок сегодня перед нами спектакль разыгрывал — ведь ясно почему. Был звонок, не один, наверное. Вот и сказали Гайдаленку: не торопись, подожди объективно. Именно так и сказали — объективно. Мол, не нужно пороть горячки, многое еще не ясно. Намекнули. Гайдаленок — понятливый. Сразу все усек как надо. А любое хозяйственное дело — ты еще в этом убедишься — можно очень спокойно развалить. Нужно только желание. И с виду все будет нормально.

— Скажи, Саша, — осторожно спросил Сокольников, — а других фамилий в списке нет?

— Понимаю, о чем ты. Нет Чанышева в списке. Он в это дело бы не полез, надо отдать ему должное. Но это ничего не меняет. Обострять отношения Чанышев не будет, как ты сам только что убедился. Незачем ему сейчас осложнения.

— Ерунда какая-то получается, — сказал Сокольников, — черт знает что! Круговая порука. Мафия какая-то!

— Ну, ты скажешь, — хмыкнул Викторов, — мафия! Мафия нам ни к чему. Мы и без нее проживем. А Сливенков, Фирзин и другие — какие они мафиози? Наркотиками не торгуют, игор-

ные дома не содержат. Просто позволяют себе чуток больше, чем, к примеру, твой батя. Он ведь у тебя на заводе работает? Во-от! Ну и если надо — отчего не помочь друг другу в трудную минуту? Ведь ни в чем таком не замешаны. Только запачкались чуток. А как без этого! Такая работа. Ответственная...

Тон у Викторова был бодрый и веселый, а глаза совсем грустные. Он начал собирать свои бумажки, не глядя бросая их по одной в распахнутый сейф.

— Саша! — воскликнул Сокольников, захваченный внезапной мыслью. — Откуда его Трошин знает?!

Викторов остановился и удивленно посмотрел на Сокольникова.

— Кого? Ты о чем это?

— Помнишь, Трошин тебе сказал, что я с Севой разговаривал, — торопясь, объяснял он ставшее для него очевидным, — с этим, из бухгалтерии завода?

— Ну!

— Он нас видел только из окна. Откуда же он знает, что Сева именно с завода?

Несколько секунд Викторов молча переваривал информацию.

— Да-а-а. Как-то я тогда не подумал... Ты прав. Что тут сказать?.. Дачи как будто у Трошина нет... Ярлыки с ходу вешать не хотелось бы. Мало ли где они могли познакомиться. Но дел на заводе у Трошина тоже быть не могло, это я точно знаю...

Внезапно откуда-то из-под стола раздалась резкая трель звонка. От неожиданности оба вздрогнули. Викторов торопливо полез под стол, вытащил из портфеля будильник.

— Сегодня из ремонта получил, — чуть смущенно объяснил он. — Оказывается, неплохо починили. Даже звонит.

Этот дурацкий звонок совершенно сбил Сокольникова с мысли. Осталось только ощущение, что утеряно нечто важное, о чем хотелось обязательно сказать.

За окном потемнело. Совсем не хотелось выходить из теплого кабинета. Но и задерживаться у Сокольникова желания не было.

— Черт его знает, — обиженно сказал он, собирая со стола вещи, — работаешь-работаешь... а для чего, собственно?

— Как для чего! — возмутился Викторов. — Да если бы нас совсем не было, знаешь что творилось бы!.. Нет, так вопрос ставить нельзя. Все-таки мы немало делаем. Зелинский — это издержки. Ничего, придет время и Зелинского. Вообще-то не все закончено, ты не думай...

Однако на следующей неделе Сокольникова отправили в Ленинград на трехмесячные учебные сборы. Разумеется, никакого умысла тут быть не могло. Набор на курсы подготовки проходил как раз в это время.

За три месяца в отделе произошли немалые изменения. Оказывается, Чанышев перешел преподавателем в милицескую школу. Говорят, он долго хлопотал о своем переводе, хотел заниматься наукой, писать диссертацию. Викторова в отделе тоже не было. Его повысили, он работал теперь заместителем начальника отделения милиции.

Сокольников, конечно, в первые же дни стал интересоваться, как идут дела со «Стройдеталью», и узнал, что материалы по заводу заканчивал Трошин. Взялся он за них энергично, с присущей ему деловой хваткой и весьма скоро расставил все точки над «и». Удалось установить, что недостача на заводе была допущена по халатности прежнего главного бухгалтера, который незадолго до начала расследования ушел на пенсию. Привлечь его к уголовной ответственности у Трошина основания были, но он поступил гуманно, по-человечески. Прежний бухгалтер был ветераном войны и труда, поэтому материалы его проступка Трошин передал на рассмотрение товарищеского суда по месту жительства. Шафоротова с завода, разумеется, уволили. И, кажется, даже объявили выговор...

Когда выпадает дежурство по отделу, нужно весь день сидеть на месте. Можно спокойно заниматься своими делами — приводить в порядок бумаги, писать разные справки о проведенных мероприятиях по выполнению приказов и указаний.

К половине десятого Сокольников успел написать почти половину справки о борьбе со спекуляцией и торговлей с рук возле универмага «Замоскворецкий». Он перечислил все предприятия района, с которых привлекались для участия в операции народные дружинники, провел социальный анализ контингента задержанных, как того требовал руководящий документ, и уже готовился перейти к классификации предметов преступного промысла, как зазвонил телефон, который связывал его с дежурным по управлению.

— Алло, Сокольников, ты сегодня дежуришь? Зайди к нам. Тут заявитель по вашей линии. Это Цыбин говорит.

Один из четырех постоянных дежурных — Цыбин — по званию был старшиной, но, поскольку именно он через каждые двое суток представлял в своем лице все управление, звание значения не имело. Цыбин был опытный дежурный, работал тут лет двадцать, знал все, и все его уважали.

— Что-нибудь серьезное, Михалыч? Надолго? — Сокольникову очень не хотелось задерживаться из-за какой-нибудь ерунды вроде жалобы на соседа по коммуналке.

— По-всякому может повернуться, — неопределенно ответил Цыбин. — Иди сам разбирайся.

На деревянном диванчике в дежурной части сидел невзрачный и довольно потрепанный мужичок со смятой кепочкой в кулаке. Он был дня два не брит, да вдобавок под градусом — это Сокольников сразу понял, едва вошел в помещение. Мужичок оценивающе осмотрел Сокольникова, потом поделился своим мнением с Цыбиным.

— Молодой товарищ-то.

— Старые все на пенсии, — строго обрезал Цыбин. Панибратства с сомнительными типами он не терпел.

— Да ведь это хорошо, — с энтузиазмом подхватил мужичок. — Молодой — значит, принципиальный. Так или нет?

Цыбин отвечать не стал, но мужичка это мало смутило. Вид у него был такой, словно он только что разоблачил законспирированную сеть иностранных шпионов.

— Я хочу сделать заявление, — гордо сказал мужичок. — Азаркин моя фамилия.

— Я вас слушаю. — Сокольников обреченно приготовился выслушать любую чушь.

— Моя жена совершила опасное преступление. И я как гражданин обязан. Так или нет?

— Что же она такое совершила?

— Нарушение правил о валютных операциях, — очень квалифицированно выговорил Азаркин. — Рыжьем торгует. Золотом то есть. Вот до чего дошла. Это как называется? Я на такое смотреть не могу. И как гражданин...

— Сокольников, — мрачновато позвал Цыбин, — он тут все изложил. Вот, возьми.

А когда Сокольников подошел за листком бумаги, добавил шепотом:

— Если б не заявление, я бы его в вытрезвитель отправил. Очень алкогольная личность.

Сокольников попытался разобраться в каракулях мужичка, но убедился, что с ходу этого сделать не удастся. Поэтому вздохнул и проговорил:

— Ну что ж, пойдемте ко мне.

В кабинете Азаркин, не дожидаясь приглашения, сразу же уселся на стул, закинул ногу на ногу и кепочку свою натянул на колено. Он был готов к долгой и откровенной беседе.

— Рассказывайте. — Сокольников с сожалением взглянул на часы.

— Ей наследство досталось. Ну, жене моей, — начал Азаркин. — Не знаю там, тетка, кажется, из Куйбышева померла. В прошлом году. Богатая тетка, я тебе скажу. Кольца разные, кулончики, браслеты и рыжье. Царские червонцы. Вот она и начала монетами торговать. Я ей говорю: ты что, паскуда, делаешь! На зону захотела? Так же нельзя, это ж восемьдесят восьмая. А ей все нулем. Но я ж не могу на все это смотреть, ты ж понимаешь! Вы извините, что я на «ты». Вообще меня Николаем зовут. А вас, извиняюсь, как?

По словечкам, которые то и дело проскальзывали в речи Азаркина, определенной юридической подкованности да еще полублатной тягучей интонации Сокольников безошибочно догадался, что заявитель прежде отбывал срок.

— Меня зовут Олег Алексеевич. Скажите, вы под судом случайно не состояли?

Вопросу Азаркин не удивился.

— Было дело. Вот именно случайно. Но я не о том. В общем, я такого терпеть не стал и пошел сюда.

— Хорошо, — сказал Сокольников. — Ну а кому она продавала, вы знаете?

— Золото, что ль? Какой разговор! — обрадовался Азаркин. — Очень хорошо знаю.

Сокольников испытывал растерянность. Такого он еще не видел, чтобы муж пришел заявлять на жену!

— Вы посидите в коридорчике, — распорядился он. — Мне надо доложить руководству.

— Понял, — сказал Азаркин, с готовностью исчезая за дверью.

Никому Сокольников звонить не собирался. Просто захотелось

минут пять спокойно поразмыслить. По-человечески Азаркина нужно было выгонять. Но по правилам требовалось отобрать объяснение. Так полагалось работать с заявителями.

— Заходите, Азаркин, — пригласил он, распахивая дверь. — Вы с женой совместно проживаете?

— Ну! — сказал Азаркин.

— И... дети есть?

— Как же! — Азаркин оживился, вопрос ему очень понравился. — Двое. Пацаны. Старший, ты понимаешь, угрюмый чертенок. А младший — весь в меня. Палец в рот не клади.

Сокольникову хотелось спросить, как же это Азаркин додумался заявлять на мать своих детей, но вместо этого он сухо обьявил:

— В общем так. Завтра к одиннадцати приходите сюда. Будем решать.

— Все понял, — с нетрезвой угодливостью кивнул Азаркин. — Буду как штык. А объяснение брать не станете?

— Завтра, — буркнул Сокольников. — И объяснение завтра...

В глазах Азаркина он прочитал снисходительность к своей молодости и неопытности. Заявитель нахлобучил кепочку на лысеющую макушку, отчего сразу сделался похожим на вредный, несъедобный гриб.

— До скорого, гражданин начальник, — сказал Азаркин.

Рассказывая о случившемся на следующий день Трошину, Сокольников не мог понять, отчего тот так заинтересовался.

— Ты объяснение у него отобрал? — нетерпеливо перебил Трошин где-то на середине рассказа.

— Нет. Успеется еще.

— Ну, Сокольников, ты даешь, — Трошин заходил по кабинету кругами. — Чему вас там на курсах только учат! Ему дело само в руки идет, а он ушами хлопает. А если этот тип от всего откажется? Или вообще больше не придет?

— Воздух чище будет, — мрачно сказал Сокольников.

Трошин, к счастью, не расслышал.

— Поглядим-поглядим, — озабоченно пробормотал он. — Заявление его где?

— Вот, у меня.

— Дай-ка его мне. Нужно зарегистрировать. Все должно быть как положено. Чтобы ни у кого не было повода обвинить нас...

— В чем это обвинить? — удивился Сокольников.

— Как в чем? — теперь удивился Трошин. — Хотя бы в укрывательстве преступления. Думаешь, это шутки? Нельзя, друг любезный, так легко относиться к подобным вещам. Совершенно преступление. Серьезное преступление. Имеется официальное заявление. Так чего же ты? Этак до первой прокурорской проверки не доработаешь. Ты слышал, что в двенадцатом отделении было? Нет? Как-нибудь расскажу. Не-ет, так работать нельзя.

Глубокая убежденность и справедливое возмущение звучали в голосе Трошина, и Сокольников был почти готов поверить в искренность его слов. Не хватало только маленького штришка. Самой малости. Какой именно — Сокольников не знал и только ощущал незавершенность. Но она мешала, и Сокольников чувствовал неловкость за Трошина, как если бы тот вдруг появился в незастегнутых брюках.

Он работал в его группе после возвращения с курсов. В общем, они поладили, хотя Сокольникову очень не нравилось, когда Трошин срывался вдруг на подобное морализаторство.

— Где же твой заявитель? — требовательно спросил Трошин, показывая на часы, и как раз в этот момент в дверь постучали.

В кабинет просунулась голова Азаркина в кепочке.

— Здравсьте, Олег... я извиняюсь, забыл, как по отчеству, — сказал Азаркин и все свое внимание уже полностью сосредоточил на Трошине, мгновенно разобравшись, кто здесь главный.

— Меня к одиннадцати вызывали, — объяснил ему Азаркин.

— Я в курсе, — за один только тон Трошин был достоин всемерного уважения. — Вы мне повторите, пожалуйста, вкратце.

А Сокольников смотрел на Азаркина, и более всего его удивляло, что сейчас Азаркин был небрит в точности по-вчерашнему. Та же двухдневная щетина покрывала его щеки и подбородок. А вот голос с утра был гораздо более хриплым. Пока Азаркин пересказывал свою историю, Сокольников делал вид, что читает газету.

— ...Я же просто не могу на такое смотреть, — с чувством излагал Азаркин. — Это ж серьезное дело. Так или нет?

— Все правильно, — согласно кивал Трошин, — все логично.

— Государственное преступление! Нет, мимо таких фактов проходить нельзя, правильно я говорю? — взывал Азаркин, и Трошин подтверждал:

— Совершенно верно.

Контакт у них установился полнейший, что было свидетельством богатого оперативного опыта Трошина. Они оживленно беседовали около получаса, пока Трошин, выяснив все, что представлялось ему важным, не отправился к начальству.

Некоторое время Азаркин сидел спокойно и разглядывал кабинет. Особенно ему понравился выпел «Лучший оперативный сотрудник». Высоко задирая голову на тощей шее, Азаркин целую минуту внимательно его изучал. Потом интерес к живому общению пробудился в нем с новой силой.

— Я так понимаю, вы недавно тут работаете? — деликатно кашлянув в кулак, спросил он.

— Как сказать, — строго ответил Сокольников. — Почему вы так решили?

— Да это... но без обиды, ладно? Как бы это... хватки пока не чувствуется. Понимаешь, о чем толкую, да? Вот старший ваш — другое дело. Сразу чувствуется. Но без обиды, ладно? Я по-свойски. Вашего брата, сотрудников то есть, я повидал. Да. Знаю. Деловой начальник, это точно. Вообще, это дело наживное.

Сокольников безразлично пожал плечами. Не хватало еще, чтобы этот тип взялся его учить жизни.

— Я вот одного опера знал, но не из обэхээс — из розыска. Вот тот был человек! Вот такой шкаф. — Азаркин широко развел руки, показывая размеры своего знакомого. — Его урки уважали. И, между прочим, очень спокойно всегда разговаривал. Не нервничал никогда — такого не было.

Слушать воспоминания Азаркина Сокольникову не хотелось, но он не знал, как остановить его. По счастью, скоро возвратился Трошин.

— Ваша жена где сейчас? — спросил он с порога.
— Дома, — сообщил Азаркин. — Она на больничном. Опять симулирует. У нее врачаха знакомая.
— Вы ей ничего не говорили?
— Ну что вы, — едва не оскорбился Азаркин, — как можно!
— Подождите немного в коридоре.
Азаркин вышел, а Трошин, весь охваченный азартом действия, распорядился:
— Поедете к нему домой и привезете жену. Машина у подъезда. Только нужно в темпе.
Когда Трошин давал указания, он всегда переходил на «вы».
— Может, кого другого послать? У меня тут бумаг разных накопилось, — сделал Сокольников попытку увильнуть.
— Это распоряжение Костина, — холодно сказал Трошин. — Машина внизу.

Дом, где жили Азаркины, был старый — его выстроили, наверное, еще до революции. Между вторым и третьим этажами по всему его периметру на прохожих скалились лепные черти. У многих уже были облуплены от времени рожи, от круглых голых животов отлетели кусочки, но в целом выглядели они еще достаточно внушительно.

Дверь квартиры тоже была очень старая — тяжелая, дубовая, с массивной чугунной ручкой. Таких дверей, к радости квартирных жуликов, нигде уже не делают. Их не вышибить ударом плеча.

Сокольников позвонил и ждал довольно долго. Потом за дверь услышал легкие шаги и женский голос:

— Кто там?

— Из милиции, — ответил Сокольников, — откройте.

Сразу же загремели замки. В дверном проеме стояла худенькая женщина в заношенном домашнем халате. Ей могло быть и тридцать, и сорок лет, и даже больше — очень уж усталой она выглядела, с синевой под глазами и выступающими острыми ключицами.

— Проходите, — сказала она равнодушно и, не оглядываясь, пошла вперед.

Вероятно, квартира эта могла бы выглядеть шикарной. Все здесь для этого было — и высоченные потолки, и огромный коридор, и даже дубовый паркет. Однако она давно не знала ремонта, стены были серы и обшарпаны, и комната, куда Сокольников вошел вслед за женщиной, казалась унылой.

В комнате сидела еще одна женщина, совсем старая.

— Это из милиции, — с прежним равнодушием проговорила та, что впустила Сокольникова.

— Колька, подлец, — внезапно сказала старуха. Голос у нее был негромкий, но ясный не по возрасту.

— Мне нужна Азаркина Надежда Григорьевна, — сказал Сокольников, немного растерявшись.

— Зачем она вам нужна? — строго спросила старуха. — Без нее вы не обойдетесь?

— Не надо, мама, — сказала молодая. — Я Надежда Григорьевна. В чем дело?

— Нужно, чтобы вы поехали со мной... это ненадолго.

— Чего это она с вами поедет? — не унималась старуха. — Нечего ей там делать.

— Не надо, мама.

Чем дальше, тем большую неловкость ощущал Сокольников от происходящего.

— Сейчас я переоденусь, — сказала Азаркина. — Николай у вас?

— У нас, — признался Сокольников, с тягостным чувством ожидая дальнейших расспросов.

— Опять забрали, — сказала старуха. — Колька — подлец! Азаркина ходила по комнате, без нужды перекаладывая с места на место какие-то вещи.

— Что он натворил? — спросила старуха, когда сноха вышла.

— Ничего страшного, — торопливо проговорил Сокольников, — просто нужно кое-что выяснить.

Старуха кивнула.

— В прошлый раз то же самое говорили. Пропали он пропадом!

На том месте, где стоял Сокольников, пол поскрипывал при малейшем движении. Чтобы избавиться от этого навязчивого звука, Сокольников сделал несколько шагов к старому платяному шкафу. Все вещи здесь были старые, но совсем не такие, какие продают в антикварных магазинах любителям старины. Такие держат дома, когда на новые нет денег.

— Вы его теща? — осторожно спросил Сокольников, чтобы разорвать напряженную тишину.

— Мать я ему, — горько сказала старуха. — Что, не похожа?

— Я не знаю, — смешался Сокольников.

— Всех замучил. Столько лет... Одно и то же, одно и то же. Ее, — она кивнула на дверь, за которой скрылась Азаркина, — детей, меня. Всех. Мне жизнь испортил. И им теперь портит.

— Что, сильно пьет?

— А вы не знаете? — насмешливо сказала старуха. — Алкаш он. Вам зачем Надежда понадобилась? Двое детей на ней. Сама больная. Молодая, а больная. И без того мается...

— Уточнить надо... кое-что, — с трудом пробормотал Сокольников, осознав до конца, какую беду принес в этот дом.

Старуха посмотрела на него пристально, словно почувствовала, что за речами пришельца кроется совсем иное, и взгляд этот окончательно поверг Сокольникова в смятение. К счастью, в этот момент вернулась Надежда. Она переоделась в темное платье, сидевшее на ней неловко, словно чужое. Ясно было, что Азаркина уже давно махнула на себя рукой.

— Вы ее там долго не держите, — потребовала старуха. — Нечего ей там делать. Дети дома.

Они молча сошли вниз и молча поехали в управление. Сокольников был рад, что Надежда не задает вопросов, на которые он не знал ответа. А ей, кажется, было просто все равно.

У Азаркина с Трошиным, как видно, все это время продолжалась оживленная беседа. Азаркин расположился в кабинете совсем как свой — развалившись на стуле с потухшей папиро-

сой во рту. Задержанные так в милиции не сидят. Надежда сразу почувствовала несоответствие, и тень недоумения появилась на ее маловыразительном лице. Азаркин же, завидев свою супругу, поднялся навстречу с довольным и злорадным видом.

— Здравсьте, — с издевкой в голосе сказал он и не спеша двинулся мимо нее в коридор. — Я пока там посижу, да, начальник? — объявил он свое самостоятельное решение.

Надежда непонимающе поглядела ему вслед, потом перевела взгляд на Сокольникову, и ему тоже захотелось немедленно выйти.

— Садитесь, — приказал Трошин, делаясь недоступным и жестким.

Надежда послушно села, куда он показал, и положила на плотно сдвинутые колени свою потертую сумочку.

— Азаркина Надежда Григорьевна?

Она молча кивнула.

— Я вам сейчас задам несколько вопросов, — напористо и громко говорил Трошин. — Но хочу вас предупредить сразу: от того, как вы на них ответите, зависит очень многое. Для вас. Важно не сделать ошибки. Неискренность может очень дорого обойтись.

Надежда снова кивнула. Недоумение так и не сходило с ее лица. Недоумение, к которому постепенно начала примешиваться тревога.

— Вы прошлым летом получили наследство, так?

— Так, — тихонько сказала Надежда.

— Что за наследство? Какое?

Надежда нервно затеребила ремешок сумки.

— Вещи всякие... Сережек три пары, кулончик, цепочки там...

— Что еще?

— Две картины, статуэтка... Это моя тетка мне завещала, — словно опомнившись, возвысила она голос. — Моя родная тетка!

— Мне это известно, — прервал ее Трошин. — Так что там еще было?

— Посуда, серебро...

— И золото?

— Да... и золото тоже.

— Какое золото?

— Ну... монеты.

— Сколько?

— Семнадцать... да, семнадцать монет.

— Очень хорошо. — Трошин поднял руку, как бы призывая к особому вниманию. — Значит, семнадцать золотых монет. Где они сейчас?

Надежда опустила голову и долго молчала.

— Дома, — сказала она, не поднимая глаз.

— Все семнадцать? Вы меня слышите? Я повторяю вопрос: сколько монет у вас осталось?

— Теперь мне все понятно. — Надежда горько усмехнулась. — Вот, значит, что. А я думала, Николай опять... Продала я их. Девять штук продала. А что, нельзя? Не краденое.

— Ну, ладно, — тон у Трошина сделался удовлетворенным и мирным. — Сейчас мы все запишем, а потом посмотрим, что у нас получилось. Правду ли вы нам сказали?

— Зачем же вы их продали? — неожиданно спросил Сокольников и осекся под мгновенным яростным взглядом Трошина. — А что мне было делать? — печально удивилась Надежда. — Есть что-то надо, детей кормить. Николай из тюрьмы вернулся и в первый же день все деньги из дома забрал. Как раз после получки...

Лицо ее скривилось, губы затряслись. Она торопливо раскрыла сумку и достала платок.

— Я на руки сто рублей получаю, да еще свекровь пенсию шестьдесят... У старшего школьной формы нет. А этот вернулся и в первый же день все деньги до копейки...

Сочувственно кивая, Трошин быстро заполнял бланк объяснения.

— А кому монеты-то продали? — как бы мимоходом поинтересовался он.

— Пять штук этому... со станции техобслуживания. А еще четыре Ольга купила.

— Кто эта Ольга?

— Из магазина, — Надежда сделала неопределенный жест рукой. — Николай их обоих знает. Чего ж вы у него не спросили?

— Спросим еще, — скороговоркой произнес Трошин, — порядок просто у нас такой. Порядок... А этого, со станции техобслуживания, как зовут?

— Константин... или Эдуард. Да я же его совсем не знаю!

Сокольников сейчас очень удивляло то, что Надежда совсем не выказывает озлобленности против Азаркина. Словно сделался он для нее некой данностью, неизбежной и неотвратимой бедой, с которой она смирилась настолько, что даже забыла о ее существовании.

— Ну и ладно, — ласково сказал Трошин. — Прочтите и распишитесь. Здесь и здесь. Теперь посидите, пожалуйста, в коридоре. Нет, стойте! Олег Алексеевич, проводите Азаркина на другой этаж.

Трошин не хотел, чтобы супруги Азаркины сейчас оказались вместе.

Происходящее невероятно тяготило Сокольникова. Азаркина же он сейчас почти ненавидел.

— Ты что, с ума сошел, — напустился на Сокольникова Трошин, едва тот вернулся. — Захотел все дело развалить? Может, ты ей еще консультации будешь давать, как себя на следствии вести?

— Она же совершенно не понимала, что этого делать нельзя, — раздраженно возразил Сокольников. — Откуда ей знать, что продажа золота с рук — это уже преступление?

— Незнание закона не освобождает от ответственности, — процитировал Трошин. — Тебе это на курсах должны были объяснить. Слушай, ты вообще чем там занимался? Тебя тактике оперативных действий учили? Наше дело — разобраться и внести ясность. А решать будет суд. Ты же обязан сделать свое дело быстро и как можно лучше. Что, ловко я ее раскрутил?

И поскольку Сокольников больше не обнаруживал намерения возражать, Трошин закончил более спокойным, назидательным тоном:

— Этому, друг любезный, тоже надо учиться. Нужно уметь ориентироваться в обстановке.

Такие науки Сокольникову совсем не нравились, но говорить об этом он не стал и только спросил:

— Дальше чем будем заниматься?

— Все по порядку, — заверил Трошин. — Сейчас возбудим дело, следовательно нам уже выделен, я позаботился, пока ты за Азаркиной ездил. Ты его, кстати, знаешь, — это Гайдаленок. Нужно искать монеты. Ты вот Азаркину жалеешь, и чисто по-человечески я тебя понимаю. Но подумай: кто у нее покупал золото? Тоже несчастные люди? Тоже будем жалеть? Вот когда мы их прижмем, ты на них полюбишься. Понимаешь, о чем говорю?

В чем-то Трошин был прав. Но правота эта так тесно перемешивалась с тем, что Сокольникову было чуждо и неприятно, что отделить одно от другого, казалось, не было никакой возможности. Это и удручало Сокольникова.

Трошин аккуратно вшил объяснение Надежды в новенькую картонную обложку и поднялся.

— Я займусь всеми организационными вопросами, а Азаркину приглашу сюда. Нехорошо, что она без присмотра у нас. Мало ли что! Ты с ней посиди.

Сокольникову тяжело было сидеть наедине с Надеждой. Он все старался отделаться от неподходящих мыслей, твердил себе, что поступает так, как предписывает закон, и по-другому поступать просто не вправе, но сомнения не покидали, и, пожалуй, впервые Сокольникову захотелось снова оказаться в своем КБ перед кульманом.

Надежда сидела молча и только изредка поглядывала на часы и робко на Сокольникова. Он сразу чувствовал этот взгляд, подсознательно напрягался и начинал ожесточенно шелестеть бумагами.

Всего раз она сказала негромко:

— Мама Сашеньку уже из садика привела...

События между тем развивались так, как им было предписано инструкциями и нормативными документами. Вскоре пришел Гайдаленок, чтобы наново допросить Надежду Азаркину. Пока он этим занимался, Костин собрал оперативную группу, образованную по случаю предстоящего расследования. Кроме Трошина и Сокольникова, туда вошел Витя Коротков — медлительный, сонный с виду инспектор продовольственной группы, и отдельский ветеран Демченко, который дохаживал до пенсии последний год и был очень недоволен тем, что ему придется сегодня работать допоздна.

Надо сказать, что в деле Трошин смотрелся. Он сейчас казался даже значительнее Костина. Говорил убедительно, лаконично и не более того, что следовало сказать в данную минуту. Фамилии покупателей золота, например, до сих пор не называл, хотя ясно дал понять, что они уже установлены. Одного из этих покупателей, как выяснилось, Сокольников и должен был вместе с Витей Коротковым привести в отдел.

На обыск к Азаркиной вместе с Трошиным выпало ехать старику Демченко. Собственно, стариком он был только по милицеским меркам — лет пятидесяти с небольшим, сухой и вполне

крепкий. Демченко задание не понравилось, и он немедленно принялся бурчать, что он не лошадь и не палочка-выручалочка, и молодым не вредно побегать с его...

— Знаете что, хватит, Михаил Федорович, — строго сказал Костин, и Демченко, надувшись, замолчал.

Первыми ушли собираться Трошин и Демченко. Тогда Костин выбрался из-за стола и усмехнулся.

— Сокольников, ты знаешь, за кем сейчас поедешь?

— Я думаю, какой-то работник станции техобслуживания?

— Представь себе, работник этот не кто иной, как известный тебе Зелинский.

— Здорово! — Сокольников был действительно ошарашен.

— А ты сомневался! — укоризненно сказал Костин. — Тут мне Трошин поведает о твоих колебаниях. Запомни, Сокольников, если все делается по закону, то ничего не делается зря. Вот тебе наглядный пример. Только брать его нужно осторожно, потихоньку. Он с работы выйдет, вы его аккуратненько и пригласите.

— А второй покупатель кто?

— Трошин сейчас окончательно выяснит. Какая-то продавщица. Есть домашний телефон...

Трошин отворил дверь без стука, стремительно подошел вплотную к Костину и что-то негромко сказал.

— Да-а! — Костин изумленно поднял брови и покачал головой. А потом еще почесал затылок. — Интересная новость.

Трошин снова заговорил с ним, склоняясь к самому уху. Костин слушал и сосредоточенно размышлял.

— Кое-что переиграем, — объявил он. — На обыск к Азаркиной поедет Демченко и Сокольников. Демченко — старший.

— А как же Зелинский? — обеспокоился Сокольников, но Костин его утешил.

— Зелинский — утром. Возьмете его от дома, по пути на работу. До утра времени много, в самый раз успеете.

Очень невеселая процедура — обыск. И для обыскиваемых, и для тех, кому приходится его проводить.

Когда Демченко, действуя в точности по установленному порядку, зачитал вслух постановление и предложил предъявить и выдать «деньги — ценности — оружие — наркотические вещества», Надежда торопливо поднялась с диванчика, где сидела в покорной отрешенной позе и принесла пластмассовую коробку с остатками теткингого наследства.

— Вот, — сказала Надежда, — а никаких наркотических веществ у меня нет.

Не Демченко и Сокольникову предназначались эти слова, а понятым — двум женщинам из квартиры напротив, которых пригласили поприсутствовать. Сильно смущенные и подавленные происходящим, понятые торопливо закивали головами, но произнести что-то вслух не осмелились.

— Я понимаю, — заверил Демченко, — это так полагается говорить по протоколу. Надо соблюсти, так сказать, формальности. Вы вот что, женщины, — повернулся он к понятым, — хочу предупредить: никаких разговоров разносить не надо. В жизни

всякое случается. Бывает, что и приходится нам потом извиняться. Разберутся, и окажется, что нет ничего такого. Так что попрошу воздержаться!

— Да мы и не собираемся, — замахала руками одна из соседок, — что мы, Надежду не знаем!

— Если ничего нет, то и приходиться было незачем, — сердито сказала Надеждина свекровь. — Нашли преступницу!

Она сидела на стуле у окна и держала на коленях младшего внука — худенького мальчика трех лет. Мальш сидел тихо, только глаза тарасил на незнакомых людей, заполнивших вдруг их квартиру. Старший сын Надежды, десятилетний парнишка, неприкаянно торчал столбиком в уголке.

— Мы исполнители, мамаша, — примирительно произнес Демченко. — Нас послали, мы пришли. Какой с нас спрос! Никто ее в преступницу не записывает. Выяснится все.

Он придвинул удобнее стул и принялся перекладывать копиркой бланки протоколов.

Смотреть в этой квартире было в общем-то нечего и не на что. Но все равно Сокольников был обязан провести обыск по всем правилам, как учили на курсах. Обойти каждое помещение по часовой стрелке, тщательно осматривая ящики, полки, шкафы и прочие места, пригодные для сокрытия «предметов, имеющих значение по делу». Таких мест в комнате было только два — старый шифоньер и облупленный письменный стол, за которым, наверное, старший сын Азаркиной делал уроки. Сокольников нерешительно двинулся к шкафу, но в этот момент громко хлопнула входная дверь, по коридору протопали саги, и в комнату ввалился Азаркин.

— Привет компании! — Он приподнял кепочку и вежливо поклонился, удерживая равновесие изрядным усилием воли.

Из управления он ушел часа два назад и провел это время с большим для себя удовольствием. Настроение у него было приподнятое и заметно подогретое. Оценив обстановку, однако, он счел нужным принять строгий и печальный вид.

— Ирод ты, — сказала старуха. — Скотина!

— Мать! Не надо этих слов! — убежденно возразил Азаркин. — При детях, понимаешь, на отца!.. Я тоже много всяких выражений знаю.

Нетвердый его взгляд упал на малыша.

— Сашка! Ну-ка, сынок, иди к папке!

Преодолевая сопротивление старухи, Азаркин перетаскил малыша к себе на колени и принялся гладить его рукой по головке нащупывающими, плохо скоординированными движениями пьяницы.

— Такие вот дела, Сашка. Мамка твоя — преступница. Да-а. Мамку твою в тюрьму теперь посадят.

Сокольников невольно перевел взгляд на Надежду и вздрогнул от неожиданности. Лицо ее вдруг переменялось, глаза расширились.

— Преступница твоя мамка. Слышь, что говорю, Сашок?..

— Отдай ребенка! — тонко и пронзительно крикнула Надежда, сорвалась с места, подлетела,хватила сына.

Азаркин, испугавшись, отпрянул, потерял равновесие и едва не свалился со стула. Сашка тоже испугался и было загундо-

сил негромко, но вспышка эта, отнявшая у Надежды остатки воли и сил, уже прошла, и она снова превратилась на глазах ко всему безразличную и покорную тень.

— Ты прекрати мне! — запоздало цыкнул Азаркин, косясь на Демченко.

Он чувствовал себя неуверенно и не знал в точности, как поступить.

— Спокойнее, граждане, — с невозмутимостью сказал Демченко, до этой минуты ни разу не поднявший глаз от бумаг. — Теперь послушаем внимательно. Протокол. От семнадцатого сентября сего года...

Возвращались пешком. Уже стемнело. Вечер был тихим и теплым. Ходить по пустым улицам такими вечерами покойно и приятно, поэтому ни Сокольников, ни Демченко не сделали попытки прокатиться на трамвае. Они просто пошли уютными переулочками, в которых и в дневное время почти никого не встретишь.

— Дрянное дело, — нарушил молчание Демченко и сплюнул с досадой. — Дуры бабы, подберут невесту кого, потом всю жизнь так и расхлебывают.

— Неужели до суда действительно дойдет, Михаил Федорович?

— Это уж как твой приятель повернет, Трошин. Да еще Гайдаленок. Хотя, по сути, как ни крути, итог один. Монеты она продавала? Продавала. Показания есть, доказательства мы сегодня изъяли. Чистая восемьдесят восьмая. Поганое, в общем, дело.

— Хорошо хоть позориться не стали с обыском, — сказал Сокольников. — Не хватало еще у нее в вещах ковыряться. Это вы правильно решили, Михаил Федорович.

Демченко остановился и круто развернулся к Сокольникову.

— Как это не стали? Ты что это такое говоришь, молодой? Постановление на обыск есть. Как это можно его не выполнить? Ты это брось! Конечно, я за тебя не отвечаю, мог и проглядеть, как ты сегодня работал. Мое дело документы оформить, а твое — квартиру осмотреть. Я тебе поручил. Так что ты смотри!

— Да что вы, Михаил Федорович, все в порядке, все как положено, — торопливо оправдывался Сокольников, не ожидавший от своего напарника такого всплеска сверхосторожности.

— Это другое дело, — успокоился Демченко. — И вообще языком поменьше чеши. Мой тебе совет.

Они снова зашагали рядом. Но Сокольников все-таки не угомонился и попытался еще поспорить.

— Михаил Федорович! Но ведь если по-человечески на все посмотреть...

— По-человечески я буду на пенсии поступать. А на службе — как положено, понял? И не дай тебе бог где-нибудь языком ляпнуть. Подведешь и себя и меня.

— Да я ж между нами.

— Вот я и говорю. — Демченко вздохнул. — Ребят только жалко. Детишки.

— Ну не посадят же ее, в конце концов!

— Всякое случиться может, — покрутил головой Демченко. — Черт его знает. Тут, видишь ты, вперед загадывать не приходится.

Разговор этот, видно, пробудил у него какие-то сокровенные мысли, потому что через пару минут он вдруг сказал:

— Раньше проще было. Люди порядок знали. Я-то с сорок шестого в органах. В то время такого себе позволить не могли, я тебе точно говорю.

— Что ж тогда преступников не было? — усомнился Сокольников.

— Преступники были. Так то — преступники. А сейчас каждый только и смотрит, где бы чего урвать. Ну кто ее, дуру, за руку тягал, скажи на милость? С голоду, что ли, помирала? Не помирала.

— Жалко все же ее, — возразил Сокольников.

— Думать надо было головой, а не... — проворчал Демченко. — Гайдаленок вообще ее арестовывать хотел, чтобы следствию не мешала. А то еще откажется от показаний, потом побегаешь.

— Что он, с ума сошел! — возмутился Сокольников. — А дети на кого останутся? На алкаша этого? Бабка ведь совсем старая.

— С ума, не с ума. А ты что думаешь? Алкаш твой, кстати, — сейчас первейший друг следствия. Главный свидетель. Без него и дела-то не было б. Дети — это верно, но их можно в крайнем случае и в спецприемник поместить, такое бывает, — по-деловому объяснил Демченко.

Теперь уже Сокольников остановился и уставился на него.

— Михаил Федорович, вы что, серьезно, что ли? Какой еще спецприемник? А если ваших детей в спецприемник?

— Моего не примут, мужик уже. Да ты не шуми. Не бойся, не арестуют твою Надежду. Он тоже, Гайдаленок твой, на рожон переть не станет. Я ему объяснил кое-что, вправил мозги. Он понятливый. Далеко пойдет. Вроде Трошина твоего.

— Чего это вы их всех моими называете? Какие они мои?

— Это у меня привычка такая. Пошли, что ли!

Управление было уже совсем близко. Только за угол свернуть.

— Можешь двигать домой, — объявил Демченко. — Костин велел передать, что завтра в половине шестого утра за тобой придет машина. Поедешь Зелинского отлавливать. — Он сделал паузу и пошевелил губами. — Своего...

Принадлежавшие Зелинскому синие «Жигули» последней модели стояли на асфальтовой площадке метрах в пятидесяти от подъезда. Наверное, Зелинский часто смотрел на них из окна квартиры. Здесь и решили его дожидаться. Свою «Волгу» поставили неподалеку — прятаться пока нужды не было. Все втроем: Демченко, Витя Коротков и Сокольников — сидели в машине: выходить с недосыпа на утренний холодок не хотелось. Молчали.

Минуло шесть. Мимо машины пару раз прошла дворничиха — молодая, крепко сбитая, с раскосыми темными глазами.

— Срисовала уже, — ухмыльнулся водитель Гена. — Ушлые пошли лимитчицы.

— Почему лимитчицы? — вяло возразил Коротков. — Может, студентка прирабатывает.

— Какая студентка! Лимитчица. Горьковская область, Краснооктябрьский район, — безапелляционно заявил Гена, — все московские дворники оттуда. Спорим?

Спорить, однако, никто не пожелал. Тогда Гена скукожился на своем водительском месте и почти сразу засопел.

Двор постепенно просыпался, двери подъездов хлопали все чаще, выпуская на работу хмурых москвичей.

Сокольников глядел на подъезд, как ему казалось, не отрываясь, но появление Зелинского пропустил. А когда сморгнул набежавшую от напряжения слезу, оказалось, что Зелинский уже подходил к своей машине.

— Он!

— Пошли! — скомандовал Демченко, и они выскочили каждый со своей стороны, лихо хлопнув дверцами.

Зелинский повернулся на этот стук, и лицо его выразило тревогу.

— Прошу с нами пройти. — Демченко взмахнул удостоверением. — Милиция!

— В чем дело? — сказал Зелинский без малейшего удивления и вдруг громко крикнул: — В чем дело?

И Демченко, и Коротков, и Сокольников на секунду опешили.

— Не надо кричать, — сказал Витя Коротков.

— Оставьте меня в покое! — завопил Зелинский на весь двор.

Даже не поднимая головы, Сокольников почувствовал, сколько сразу появилось в окнах дома любопытствующих лиц.

— Т-э-э-к! — крикнув, Демченко ухватил Зелинского под руку, а Сокольников — под другую. Витя Коротков приготовился толкать сзади.

Но Зелинский вовсе не упирался, — сразу начал послушно переставлять ноги в сторону оперативной машины, но вопить продолжал.

— Хулиганство! — надсаживался он. — Вы что, с ума сошли!

Его довели, как тяжелобольного, до машины и усадили на заднее сиденье. В машине Зелинский немедленно успокоился и принялся шумно отдуваться — громкие крики отняли у него мало сил. И тут Сокольников догадался.

— Михаил Федорович! Он же своих предупредить хотел!

По тому, как злобно дернулся Зелинский, стало ясно, что Сокольников попал в точку.

— Оставайтесь здесь, — распорядился Демченко. — Я его сам доставлю. Чтoб из квартиры никто ничего не унес!

Двигатель уже завывал на полных оборотах. Едва закрылась дверца, машина рванулась, как камень из рогатки.

— Чтoб никто не унес, значит, — флегматично пробормотал Витя Коротков. — Легко сказать! Гвоздями, что ли, ее забивать?

А в Сокольникове уже пробудился оперативный азарт, он тянул Витю с собой, торопясь и переживая, что может опоздать.

Они взбежали на шестой этаж, не обращая внимания на ожидавший внизу лифт. Квартира Зелинского была закрыта. За две-

рю, обитой добротным черным дерматином, с хрустальным глазком и набором никелированных замков стояла тишина. Наклонив голову, Сокольников прислушался и отчетливо представил, как с другой стороны двери кто-то тоже стоит и слушает затаив дыхание. Тогда они с Коротковым тихонько спустились пролетом ниже и устроились на широком подоконнике.

На площадке щелкнул замок, и они сразу насторожились. Но открылась дверь не Зелинского, а квартиры напротив.

Из образовавшейся темной щели на них сначала долго смотрели, а потом вышла грузная и седая старуха с растрепанными волосами. Переваливаясь, стала спускаться к ним с помойным ведром в руках. Она неразборчиво, но злобно бубнила что-то на ходу, смотрела на них с сильнейшей неприязнью и вызывающе гремела ведром об откинутую крышку мусоропровода. Потом также шумно поднялась наверх, а когда уже вошла в свою квартиру, хрипло прокаркала:

— Пьянь! Сволочь! Собрались тут с самого утра! — И быстро захлопнула дверь.

— Ведьма, — тихонько произнес Сокольников.

Витя Коротков ничего не сказал. Покачал головой и достал пачку сигарет. Дверь в квартиру старухи немедленно приоткрылась.

— Еще чего! Дымить тут удумали! Все табачищем провоняли! Сейчас я на вас, паразитов, милицию вызову!

И тут же — бряк! — снова захлопнулась.

Теперь уже Коротков с досадой прошептал какое-то слово, но сигареты спрятал.

Словно огромный разбуженный улей, загудел лифт. Кабина миновала их площадку и еще долго ползла на самый верх. А из квартиры Зелинского вышел мальчишка лет девяти в школьной форме и ранцем за плечами. Дверь быстро закрыли изнутри, и мальчишка, робко взглянув на незнакомых хмурых дядь, развалившихся на подоконнике, поспешил укрыться за проволочным ограждением шахты, дожидаясь, пока лифт освободится. Он стоял там не шелохнувшись, затаившись, как мышонок, держа, наверное, палец на кнопке вызова, а Сокольников смотрел на его лопоухий силуэт-анфас и чувствовал, как в душе вновь поднимается тревожная волна, соединяя вдруг Надежду с ее детьми и этого мальчишку в единый источник томительного и щемящего беспокойства.

Больше из квартиры никто не выходил, и, когда через несколько долгих томительных часов наконец появилась смена, Сокольников вздохнул с облегчением оттого, что на этот раз оказался избавленным от участия в развязке...

На следующие два дня Сокольников послали работать по общегородскому графику с оперативной группой возле комиссионного автомагазина.

Так что Сокольников встретился с Трошиным только на третий день, когда получал деньги. Сокольников уже привык к тому, что в милиции зарплату выдают только раз в месяц. Это ему даже нравилось, поскольку делало этот день особенно приятным и долгожданным. Деньги всегда выдавала Зина из канде-

лярии. Ей это тоже нравилось: в день зарплаты она была для всех самым уважаемым в управлении человеком.

Как и все, покорно и тихо Сокольников стоял в очереди к столу Зины, когда в канцелярию вбежал Трошин. Размахивая пачкой бумаги и приговаривая «Мужики!.. Извините, мужики!», он протиснулся без очереди, схватил получку, не пересчитывая, небрежно черкнул в ведомости и убежал, успев на ходу бросить Сокольникову:

— Ты вечером меня обязательно дождись!

Он так и бегал где-то, но минут за пятнадцать до окончания рабочего дня действительно появился. Вместе с ним был и Витя Коротков, как всегда, спокойный и немного сонный.

— Ты что же так себя ведешь, Олег? — с напускным возмущением заговорил Трошин. — Столько уже работаешь, а прописываться не собираешься! Пора уже, куда ж дальше затягивать.

— Что за вопрос! — солидно сказал Сокольников, стараясь не показать виду, что обрадован этим разговором.

До сих пор внеслужебная жизнь его коллег протекала от него как бы в стороне. На мероприятия сугубо мужского характера его пока не приглашал никто, хотя Сокольников уже знал, что в отделе имеются на этот счет кое-какие традиции. И ему всегда становилось неловко и обидно, когда намечались такие мероприятия, а Сокольникову приходилось делать вид, что он в неведении и ни о чем не догадывается. А сегодня его брали как равного.

Маленькое кафе, в которое они пришли, стояло несколько в стороне от основных людских потоков и посещалось народом умеренно, чему в немалой степени способствовала скудость ассортимента. Выпивохи со своим продуктом сюда тоже не заглядывали: немногочисленный, но сплоченный персонал гонял их нещадно. Правда, тут продавалось в разлив марочное вино и коньяк, однако из-за высокой цены у алкашей они успехом не пользовались. По всем признакам кафе было убыточным, и оставалось совершенно неясным, почему его до сих пор не ликвидировали.

Хозяин кафе — заведующий Панфилич, вполне крепкий еще человек, отчего-то прикидывался глубоким стариком. Он все время сутулился, семенил и подслеповато щурился, хотя в очках явно не нуждался. Посетителей он встретил с большим радушием. Тряс им руки и сетовал, что редко заходят. Гостям был немедленно предоставлен скромный, но отдельный кабинет с обшарпанным потолком, тщательно укрытыми занавеской окнами и массивным сейфом в углу. Здесь вообще-то было рабочее место Панфилича, которое он уступал наиболее дорогим гостям. Сокольников заметил на стене грамоту за победу в социалистическом соревновании среди предприятий общественного питания района. Грамота здорово пожелтела, чернила выцвели, и Сокольников даже приблизительно не сумел установить, в каком десятилетии ее вручали.

На общепитовском столе тут же появились усиленные, двойные порции сосисок с кислой капустой, тарелка хлеба, пара бутылок лимонада и чистая посуда. Лимонад был тоже специального качества — предварительно охлажденный в личном Пан-

филычевом холодильнике, что также являлось свидетельством особого уважения. Сокольников впервые в жизни смог почувствовать, что подобное внимание приятно.

— Давай-ка с нами, Панфилич, — предложил Трошин, но тот мелко затряс головой.

— Ни-ни-ни, ребятки, мне никак нельзя, — но однако же дал себя уговорить. — На полпальчика!

Выпил, не дожидаясь общей команды, крикнул, тут же поднялся и убежал, сославшись на неотложные дела в заведении. Ни Трошин, ни Коротков уходу хозяина значения не придали, из чего Сокольников заключил, что это в духе сложившихся тут традиций.

Он быстро начал жевать, стараясь перебить противный водочный запах во рту. Сегодня Сокольников толком не пообедал, и спиртное сразу ударило в голову. На душе сделалось тепло и покойно. Трошин и Коротков, почувствовал он, это замечательные ребята. Он испытывал к ним любовь и благодарность.

— Ну и как вообще? — спросил Трошин. — В моей группе интереснее, чем у Викторова было?

— И сравнивать нечего! — с готовностью отвечал Сокольников. — Тут работа живая — куда интереснее. Мне эти счета и накладные, честно, не нравились. Георгий, а как дела с Зелинским?

— О делах ни слова, — вяло возразил Витя Коротков, налегая на капусту с сосисками. — И на работе наговорились. Надело.

Но сейчас Сокольникову, наоборот, больше всего хотелось поговорить о работе, об общем большом и очень важном деле, которое они, профессиональные сыщики, вершили вместе, рука об руку.

— Нет, серьезно. Как там Зелинский? А то я ничего не знаю, оторвался.

— Нормально, — усмехнулся Трошин. — Повозиться, правда, пришлось порядком. Непростой он фрукт, Зелинский. Очень непростой. На обыске-то мы у него ничего не нашли.

— Как?

— Очень просто. Когда он начал орать под окнами, жена быстро сориентировалась и монеты вместе с ценностями и деньжатами знаешь куда дела? Попробуй, догадайся!

Догадываться Сокольников сейчас не пытался. Он хотел слушать и говорить.

— Все вещи она сложила младшему сынишке в портфель и отправила его вместо школы к бабке. На очной ставке с Азаркиной Зелинский все отрицал. Но я сыграл очень точно. И Гайдаленок тут помог. Я пообещал их обоих посадить. Поговорил, объяснил: на кого, мол, ребенок останется? На бабулю? Пришлось, разумеется, как следует поработать с ними. Но все нормально. Убедил.

— У бабки тоже обыск проводили? — почему-то заинтересовался Сокольников.

— Зачем? — махнул рукой Трошин. — Старого человека беспокоить ни к чему. Мы по-джентльменски договорились. Съездили вместе с женой Зелинского, зашли, она у мамы свертки взяла и мне вручила. Оформили протоколом добровольной выда-

чи. А Зелинского все же арестовали, — закончил он с удовлетворением.

— Да, — Сокольников задумался. — А чего же у Надежды так нелзя было? Я имею в виду добровольную выдачу.

— У кого? У Азаркиной? Ну что ты! Она же основная обвиняемая по делу. Нас бы никто не понял.

— Обвиняемая, — сказал Сокольников, постепенно впадая в мрачное настроение, — какая же она обвиняемая! Веришь ли, Георгий, прямо руки не лежат ко всему этому.

— И напрасно, — строго сказал Трошин. — Во-первых, закон одинаков для всех...

При этих словах Витя Коротков поднял голову от своих сосисок и насмешливо хмыкнул.

— В основном, — не смущаясь, уточнил Трошин. — Во всяком случае, нас бы не поняли, если бы мы поступили иначе. Я тебе уже объяснял. А во-вторых, это лишний пример того, как пустяковое начало имеет солидное продолжение. Ниточки-то потянулись. Разве ты недоволен тем, что Зелинского удалось прижать?

— А что тут такого? — снова подал голос Коротков. — Зелинский в районе теперь всем чужой. Один раз его вытащили, а теперь все.

— Не трепи, чего не знаешь, — обрезал Трошин. — Кто его вытаскивал? Не было на него ничего, вот в чем суть.

— Мы знаем, — упрямо сказал Коротков, — на кого было, на кого не было...

— Знаешь, и ладно, — Трошин попытался увести разговор в сторону. Сокольников видел, что такой разворот для него чем-то неприятен, — дело не в этом. В нашей работе надо быть чуть-чуть политиком. Немного смотреть вперед, уметь оценивать перспективу.

Трошин даже показал, как нужно ее оценивать — будто водосточную трубу руками огладил.

— Я прав, Витя, или нет?

Коротков тщательно прожевал и проглотил сосиску, а потом медленно наклонил голову.

— Вообще-то так не очень правильно, — осторожно возразил Сокольников, опасаясь нарушить теплую атмосферу застолья. — Наша работа — это одно, политика — совсем другое. Нарушил — отвечай. По закону.

— С этим никто не спорит. Однако теория — одно, а практика — совсем другое. — Трошин задумчиво повертел в руке вилку. — Не учитывая этого, работать очень сложно, ты сам скоро поймешь. Но главное все же, что Зелинский сидит.

— И Азаркина тоже сядет, — неизвестно с какой целью добавил Витя Коротков.

— Давай разберемся с Азаркиной, — согласился Трошин. — Разве кто-нибудь принуждал ее продавать монеты? Может, у нее не было иного выхода? С голоду помирала? Во-первых, своего супруга она могла в пять минут возвратит туда, откуда он совсем недавно пришел. Всего только и нужно было — вызвать участкового. Да с его двумя судимостями!.. А если тяжелое материальное положение, почему она не обратилась в профком на своей работе? Неужели бы не помогли? Вот так-то!

Он откинулся на спинку стула и удовлетворенно оглядел собеседников. И Сокольников подумал, что Трошин опять в чем-то прав. Но все равно ему было очень жалко Надежду Азаркину.

По синей пластиковой поверхности стола давно уже ползала назойливая осенняя муха. Сокольников в который уже раз пытался ее прогнать, но она вновь и вновь упрямо садилась почти на одно и то же место.

— Я одного не пойму, — сказал Коротков, — какого черта этот алкаш пришел заявлять на свою жену? Чего он от этого выигрывает? Ведь его самого, дурака, посадить могут.

— Я тоже вначале не понимал, — засмеялся Трошин, — пока не раскусил его психологию. Она проста, как орех. Азаркин тянул с жены деньги сколько мог, а когда она заартачилась: хоть убей, не дам, — у баб это бывает, я знаю, — ему стало обидно.

— От обиды он к нам и поперся? — с недоверием спросил Коротков.

— Точно! Но это не все. Дружки-алкаши ему посоветовали: если жену в тюрьму удастся упрятать, то квартиру можно будет разменять и сорвать приличную доплату.

— Что-то не верится мне, что он такой идиот, — сказал Коротков. — С его-то тюремной квалификацией!

— Во-первых, он алкоголик, — пояснил Трошин. — У него же мозги набекрень. А потом просто надеется: вдруг проскочит! Ведь и в самом деле может проскочить. Кто знает, как все развернется!

— Ну, ладно, — Коротков зевнул и посмотрел на часы. — Мне домой пора.

— Не спеши, — удержал его Трошин, — успеешь. Сейчас вот минералочки у Панфилыча попросим...

Муха наконец убралась со стола. Она перелетела на плечо Трошину и уютно устроилась там.

— В любом случае все, что мы делаем, — это вполне соответствует духу и букве закона, ты со мной согласен, Олег?

Сокольников, конечно, мог бы поспорить, но мысли растекались, как желе на солнце. К тому же очень мешала та самая муха, необъяснимым образом стакнувшаяся с Трошиным и безгласно выступавшая на его стороне. Она ползала и мешала.

В комнатушку зашел Панфилич, мягко смахнул пустую посуду со стола и поставил еще пару бутылок с минеральной. Коротков налил немного в свой стакан и вдруг засмеялся.

— А как он орал, Зелинский! Жалко ты, Георгий, не слышал.

— Да уж, — сказал Трошин. — Не повезло.

— Ну ладно, мне домой пора, — объявил Коротков без всякого перехода и паузы. — Вы пойдете?

Он был человек серьезный, давно женатый. Трошин, впрочем, тоже был женат, но Сокольников еще ни разу не слышал, чтобы он как-то упомянул о домашних делах. И не от скрытности, а от того, что Трошина эти дела мало интересовали.

Утром зарядил дождь. Неподвижные тучи обложили небо. Дождь был холодный, какой-то вязкий, и сразу стало понятно, что лето кончилось.

Может быть, от этого ужасно тяжело было вставать сегодня. Сокольников даже опоздал на работу, хотя и пытался изо всех сил наверстать в дороге минуты, сверх положенного отданные подушке. К счастью, никто из начальства на пути не попался, даже Трошина в кабинете не было, хотя какой-то кремовый плащ аккуратно висел на плечиках вешалки.

Вялость, сонливость вновь овладели Сокольниковым, едва он перевел дух и опустился на стул. Достав для вида и раскрыв какую-то папку, он бессовестно задремал, да так крепко, что едва услышал шаги Трошина в коридоре.

— А! Ты здесь! Хорошо. — В отличие от Сокольникова, Трошин был свеж и полон сил. — Есть для тебя кое-какие новости. Сейчас придет одна дама. Ты ее допроси. Бланк у тебя есть? На вот, возьми. Кстати, ты ее знаешь. Ратникова, директор рыбного. Азаркина дала показания, что ей тоже продала монеты. Вот по этому факту и допроси. Опознание только что провели. Особо не нажимай, спокойно и сдержанно. Ты меня понимаешь? Хорошо. А я сейчас к Гайдаленку...

Все эти слова Трошин произносил как бы мимоходом, самым тоном давая понять, что задание пустяковое и чем скорее с ним справится Сокольников, тем больше времени у него останется для настоящих важных дел.

Она постучала негромко, деликатно, наверное, едва касаясь филенки тонкими пальчиками.

— Можно?

Изящно неся аккуратно постриженную головку, простучала по полу каблучками — стук-стук. Села и гладкую, без малейшей морщинки юбку оправила, словно демонстрируя, как это полагается делать. А потом без тени робости посмотрела на Сокольникова, явно гордясь своей зрелой, испытанной красотой.

— Здравствуйте. Мне сказали, в ваш кабинет...

— Все правильно, — подтвердил Сокольников, усиленно хмурясь. — Я должен вас допросить. Вы знакомы с Надеждой Азаркиной?

— С этой женщиной? — Ратникова слегка надула губы. — Нет. Хотя она меня, возможно, видела в магазине.

— А с ее мужем?

Она сделала брезгливую гримаску.

— Как-то приходил проситься на работу. Но я таких типов на порог не пускаю.

— Нам известно, что вы приобрели у Азаркиной четыре золотые монеты.

Ратникова вскинула руку, предварительно изогнув ее в кисти и расслабив пальцы. Получилось очень грациозно.

— Ну что вы! И в голову бы не пришло. С какой стати?

— Напрасно вы так, — мрачно сказал Сокольников. — В деле есть прямые показания. Если мы найдем монеты...

— Ищите, пожалуйста, — любезно разрешила Ольга Аркадьевна Ратникова. — Даже странно как-то.

— Вы только хуже себе делаете, — без особой убежденности сказал Сокольников. — Стоит ли отрицать очевидное?

Он понимал, что говорит не то и не так, догадывался, что Ольга Аркадьевна отчего-то подготовлена к этому разговору гораздо лучше, но перестроиться никак не мог.

— Ну, знаете, — повела плечиком Ратникова, — не вижу тут ничего очевидного. Два алкоголика сговорились меня очернить. Мне как-то неудобно напоминать старую пословицу: муж и жена — одна сатана.

— Азаркина не алкоголик.

— Да? — удивилась Ольга Аркадьевна. — А вы на нее внимательнее посмотрите. Поверьте, уж в этом я разбираюсь. Повидала, знаете.

— Зачем же им вас оговаривать?

— Вам не понятно? Да вы посмотрите на них. И на меня, — при этих словах Ольга Аркадьевна чуть подалась вперед, отчего тонкая ткань платья натянулась, выразительно подчеркнув все, что было необходимо. — У меня все в порядке, все хорошо. И на работе, и дома. А у них — нет. И скорее всего уже никогда не будет. Думаете, они не понимают? Прекрасно понимают. Вот от этого все и происходит. Зависть, Олег Алексеевич, самая обыкновенная зависть. Я не впервые, к сожалению, ее на себе испытываю.

Она лгала, но так убедительно, так уверенно и была при этом настолько естественной — совсем никакой игры, что Сокольников против воли признался себе: если б не показания Азаркиной, он бы, пожалуй, поверил Ольге Аркадьевне. И все же Ратникова лгала, потому что не лгала Надежда Азаркина.

— Обстоятельства так очевидны, что вас арестуют, — сухо сказал он и впервые, пожалуй, пристально взглянул ей в лицо.

Он застал ее врасплох, и, хотя лишь краткий миг понадобился ей, чтобы взять себя в руки и спрятать что-то мелькнувшее в глазах, Сокольников все же заметил. Он не понял, что это было, но ручаться мог: не беспокойство и не страх.

Стремительно вошел Трошин. На Ольгу Аркадьевну он даже не взглянул. И она ни единым жестом или движением не отозвалась на его появление.

— Как дела? — Он мельком посмотрел в протокол. — Заканчивайте, Сокольников, у нас еще много чего сегодня намечено.

Но Сокольников отложил ручку и вежливо попросил Ольгу Аркадьевну посидеть несколько минут в коридоре. С приветливой и равнодушной улыбкой она вышла, оставив в кабинете тонкий и странный аромат духов.

— Ну, чего ты хотел? — нетерпеливо спросил Трошин.

— С ней нужно работать, — с недоумением ответил Сокольников. — Она пока все отрицает. Честное слово, такое впечатление возникает, что заранее готовилась.

— Может, и заранее, — легко согласился Трошин. — Шестые сутки с начала дела пошли. За это время многое можно было узнать.

— Но откуда? С Зелинским она никак не связана, Азаркины ее предупреждать не стали бы.

— Ты что, эти дни их за руку водил? В общем, не о том сейчас голову нужно ломать. Подводи черту и отпускай ее.

— Как отпускать? — не понял Сокольников. — А обыск?

— Обыск Гайдаленок решил пока не делать.

— Почему?

— Об этом ты лучше у него спрашивай. Это его право, он ни перед кем отчитываться не обязан.

Сокольников находился в растерянности. И по закону и по ситуации обыск был совершенно необходим. Чего же тут решать? Он так и сказал Трошину.

Тот задумался ненадолго и с улыбкой объяснил:

— Ты же сам говоришь, что она заранее готовилась. Какой же тогда смысл в обыске? Все равно ничего не найдем. Может, напротив, целесообразней не горопиться? Пусть она успокоится.

— Я бы с ней все-таки еще поработал, — упрямо сказал Сокольников.

— Не нужно. — Тон Трошина был непреклонным. — Заканчивай.

Удивление Сокольникова росло. Он не понимал, почему Трошин так скоро потерял интерес к делу.

— Может, все-таки...

Но Трошину надоело полемизировать.

— Хватит, поговорили, — с досадой сказал он. — Делай, что тебе велят. Не нужно никакой самостоятельности. Расследование ведет Гайдаленок, а не ты.

Сокольников обиделся.

— Пожалуйста. Поступайте как знаете.

Расписываясь в протоколе, авторучку Ольга Аркадьевна держала словно ликерную рюмку, — кокетливо отставив мизинчик. Может, потому подпись у нее выходила кругленькая, с завитушками, как зефирина. Последняя улыбка и перестук каблучков. Ушла.

Как ни в чем не бывало Трошин уселся на свое место и принялся разбирать бумаги. Но Сокольников долго молчать сейчас был не способен.

— Ну, чем теперь займемся?

Звучало в его тоне недовольство и открытый вызов. Однако Трошин пропустил этот вызов мимо ушей.

— Теперь? Занимаясь своими делами. Что у тебя с заявлением по универмагу?

— Все в порядке. Осталось троих опросить... С Азаркиной-то как дальше?

— Да никак, — равнодушно пожал плечами Трошин. — Наша работа закончилась, дело у следователя.

— А четыре монеты, которые мы так и не нашли?

— Пускай Гайдаленок сам с этим разбирается.

— Ты Костину докладывал? — не отставал Сокольников.

Трошин со стуком положил на стол шариковый карандаш. Он немедленно покотился под незаметный уклон, громко и неприятно тархтя гранями.

— Все, кому положено, обо всем знают, — раздраженно сказал он. — Есть очень ценное правило: не высовывайся, пока не спросят. Ты понял?

И перед самым падением успел подхватить карандаш.

— Нет, — упрямо произнес Сокольников.

— В общем, это неважно. Но я все-таки тебе объясню. Есть мнение: в данном случае не нужно перегибать палку.

— Чье мнение?

— Это тоже неважно. Руководства.

— Костина?

— Не Костина. Повыше.

— А все-таки?

— Какая разница! Есть мнение руководства, а это мнение нам полагается уважать.

— Даже если оно противоречит закону?

Трошин глубоко вздохнул, откинулся на стуле, а ноги вытянул так далеко под стол, что Сокольникову сделались видны с другой стороны светлые каучуковые подошвы его ботинок.

— Слушай, Сокольников, ты прикидываешься или на самом деле такой? Никаких противоречий не будет. Это во-первых. А во-вторых, если, конечно, ты собираешься работать здесь дальше, не суетись. Искренний совет. Все хорошо, когда к месту. За Ольгу просили очень солидные люди. Учесть все обстоятельства, разобраться...

— Которых она отоваривала, как я понимаю.

— В ее магазине, — спокойно объяснил Трошин, — заказы получаем не только мы. Исполком и райком тоже. А может, и кто еще повыше. Так что делай выводы. Сверху позвонили и попросили: разобраться как следует. Не перегибать. Умному все понятно.

— Хотел бы я знать, откуда эти большие люди обо всем узнали... Кто конкретно позвонил, ты можешь сказать?

— Какая тебе разница, господи! — Сокольников раздражал Трошина все больше. — Тот, чьи просьбы следует учитывать и выполнять.

— А если не учитывать?

— Тогда, как говорится, ищите работу. Знаешь, Сокольников, мне это уже надоело. Что за детский сад?!

Он помолчал немного, потом заговорил тоном ниже.

— Думаешь, мне все это нравится? Но нужно быть немного дипломатом, я же тебе объяснил. Это никогда не вредно. Вообще Ольга — баба неплохая. Я ее знаю давно. Конечно, свой приварок она имеет — а кто его не имеет в торговле? Но не рвет, не нагнет. Это я тебе точно говорю. В пределах естественной убыли. Ну, случилось с ней такое. Даже если и взяла она эти монеты на зубы (в чем я лично сомневаюсь), что же, сразу ее запихивать в тюрьму? Это по-человечески неправильно. Другой вопрос: оснований действительно маловато. Откажется Азаркина от своих показаний — и все. Нет проблем.

— С какой стати ей отказываться?

— Откажется, — уверенно сказал Трошин. — Не сомневайся.

Его уверенность неприятно поразила Сокольникова. Не хотелось ему думать о Надежде как о безвольной кукле, которой вертят как вздумается люди и обстоятельства.

— Конечно, нужно немного постараться, чтобы отказалась, — многозначительно добавил Трошин. — А что делать!

Фраза эта заставила Сокольникова снова вскинуться.

— Что значит — постараться?

— Поработать с ней, — флегматично пояснил Трошин, не замечая волнения Сокольникова. — Дипломатично, по-умному объяснить что к чему.

— Это Гайдаленок станет объяснять?

— В общем, это его дела, — уклончиво сказал Трошин.

— А как же Азаркин? — вспомнил Сокольников. — Есть ведь еще его показания. И заявление.

— С этим все в порядке. Ольга с ним уже прекрасно поладила.

Трошин подмигнул и по-особому, со смыслом усмехнулся.

Сокольников понял его ухмылку по-своему.

— Она? С этим-то алкашом!

— О чем ты? Да нет, конечно. С ним договориться несложно. Ну, пообещала ему сотню, две — я при их беседе не присутствовал. А в итоге он сейчас сидит у Гайдаленка и вносит необходимые уточнения.

— Какие, например?

— Например, что никаких монет не было. Был только разговор. Да и то абстрактный. А он-де несколько погорячился и решил, что разговор действительно закончился сделкой.

— Как все, оказывается, просто, — с горечью сказал Сокольников.

— Несложно, — согласился Трошин. В голосе его сейчас появились нотки снисходительности. — Этому Виктор тебе не учил? Напрасно. Многое в нашей работе состоит из таких вот неумовимых нюансов. Нужно только их чувствовать...

Он принялся обстоятельно развивать свою мысль, а Сокольников молча слушал, совершенно подавленный этой странной логикой неписаных законов, которые теперь, стало быть, определяли его жизнь. Он слушал тихо, не возражал, и Трошин, все более входя в роль мудрого и опытного наставника, воспринимал это как признак обращения.

— Ничего, — ободряюще закончил он, — все это ты постепенно постигнешь. Ты парень неглупый, современный. Будет из тебя оперативник.

— А что, бывают такие, кто не постигает?

— Сколько угодно. Гибкости хватает далеко не всем. Ну и итог соответственный. Взять хотя бы Демченко — уже на пенсию готовится, а все капитан.

Трошин сладко потянулся и встал из-за стола.

— Ладно, пора обедать. Пошли в столовую.

Но на полпути попался Костин и увел Трошина куда-то за собой. В столовую Сокольников пришел один. Коллеги уже давно гремели тут ложками и подносами. Сокольников занял очередь за Демченко.

— А, это ты, — Демченко обернулся и почесал то место на затылке, куда Сокольников только что смотрел. — Уже знаешь новость?

— Какую?

— Трошин твой большим человеком становится. Утверждают его в должности зама. Я же говорил: далеко пойдет.

К обычному в таких случаях сарказму у Демченко примешивалась некоторая доля удивления. Как видно, он не ожидал, что Трошин пойдет далеко так быстро.

— А Ольгу, директоршу рыбного, привлекать не будут, — сказал вдруг Сокольников.

— Да, — откликнулся Демченко без всякого интереса.

— Если Азаркина от своих показаний откажется.

— Значит, откажется, — заключил Демченко.

— Это же неправильно!

— Поддай-ка мне тот салат, — показал пальцем Демченко. —

Сколько он стоит? Двадцать три копейки? И за что только деньги дерут?!

— Так что вы думаете насчет этого, Михаил Федорович?

— А что мне думать! У меня своих дел хватает, — брюзгливо сказал Демченко. — Если каждый думать будет... Ты, Сокольников, тоже своими бы делами лучше занимался. И дай мне компот. Вон тот, с ягодами. Сколько стоит? Восемь копеек? Подумать только!

— Привет, стажер, — сказал вдруг над ухом Сокольникова знакомый голос. — У тебя свободно?

Рядом стоял Виктор, сосредоточенно смотрел на свой поднос, стараясь не расплескать чай, налитый вровень с краем стакана. В форме, белой рубашке — едва узнать. Сокольников ему очень обрадовался.

— Саша! Здравствуй! Давно тебя не видел.

— Дела, — лаконично ответил Виктор. — Сам как?

— По-всякому, — махнул рукой Сокольников, а потом с ходу принялся рассказывать о событиях последних дней.

Сбивался, то и дело перескакивая на второстепенные детали, но Виктор слушал внимательно, а к концу рассказа даже есть перестал. Помрачнел.

— Трошин, — сказал он. — Дело по «Стройдетали» он тогда лихо раскатал. По бревнышку. Раз-два — и словно ничего не было.

— Формально все вроде в порядке...

— Формально-то? — переспросил Виктор. — Может быть... Только если это «формально» хоть раз как следует копнуть... Но копать никто не будет. Никому это не надо. Разве можно! Директор лучшего в районе магазина — преступник. А куда смотрели районные власти? Как допустили? Где работа с кадрами? И там, выше, этого тоже не нужно. Назначал ее на должность торг, а это уже городское звено. И тоже просмотрели. Поэтому самое лучшее для всех — спустить дело на тормозах. А Трошин с Гайдаленком с этим прекрасно справятся. Квалификация у них есть.

— Трошина заместителем начальника отдела назначают, — сообщил Сокольников.

— Я уже слышал, — кивнул Виктор. — Быстро в гору пошел.

Он покачал головой и грустно усмехнулся.

— Ты же этого не знаешь, позже к нам пришел, — сказал он. — Как Трошин в передовики вышел. Не слыхал? Я сейчас расскажу.

Оказывается, на Доску почета Трошин попал после того, как вскрыл хищение в особо крупных размерах, которое совершила бухгалтер районной поликлиники. Хищение это было не из самых изощренных. Бухгалтер, сорокалетняя одинокая баба, начала потихоньку приписывать часы совместителям и, подделывая подписи, получать за них зарплату. Понемногу вошла во вкус, принялась красть совсем уж без оглядки — эх, одну жизнь живем!

Появились у нее «мертвые души» в штате, двойные выплаты отпускных и многое другое, что элементарно вскрывалось любой мало-мальски квалифицированной ревизией. Так оно и случилось. Едва пришедший с плановой проверкой ревизор копнул до-

кументацию, бухгалтерша страшно перепугалась и побежала в ОБХСС с повинной. Попала на Трошина — так уж случай распорядился, — он с ней и разобрался. Принял от нее как положено заявление о явке с повинной, оформил все и отпустил. А потом вместе с Чанышевым они сочинили целый роман в рапортах и справках. По нему выходило, что Трошин уже давно держал на примете бухгалтершу-расхитителя, тайно подбирал доказательства и через своих доверенных лиц провел огромную психологическую работу, чтобы уговорить преступницу покаяться добровольно. Отдел тогда срочно нуждался в разоблачении чего-нибудь особо опасного и замаскированного, перед тем на городском совещании Чанышева поругивали за ослабление работы...

В таком виде рапорта и реляции ушли по команде наверх. Очень скоро Трошина, Чанышева, а заодно с ними и Костина премировали.

— Учись. — Викторov прихлебывал остывший чай. — Не так важно сделать, как показать. Великое умение. Мы-то посмеивались вначале. И Трошин, кстати, вместе с нами хохотал.

— И тебе так приходилось «показывать»? — спросил вдруг Сокольников.

— Вообще это у меня получается неважно, — признался Викторov. — Разве что по мелочи.

— Черт знает на что тратим фантазию.

— Не так уж ее много и требуется, — возразил Викторov и поднялся. — Мне пора. Я ведь тут на совещании...

— Так что же делать, Саша, как ты считаешь?

— Особо ничего и не сделаешь. — Викторov пожал плечами. — Можно, конечно, попытаться шум поднять. Обратиться в министерство, городскую прокуратуру. Но если трезво все взвесить — шансов никаких. Крупного шума не получится. Успеют все спрятать. А может, и прятать не станут... Вот тебя тогда отсюда выпрут, это точно. Такие никому не нужны. Одному я все же рад: Зелинский попался наконец. Его-то уж теперь вытаскивать не станут. Так что хватит на первый раз и Зелинского...

— Сокольников, привет, это Гайдаленок! А Трошин где? Уехал в главк? Ах ты черт!

Телефонная трубка замолчала, и Сокольников уже собрался ее положить, как вдруг Гайдаленок сказал:

— Слушай, тогда ты поднимись ко мне. Тут с вашей подопечной проблемы. Ты в курсе, как я понимаю. Давай вместе поговорим с ней.

— Ладно, — вяло ответил Сокольников.

Он запер в сейф документы и поплелся на третий этаж.

В кабинете у Гайдаленка сидела Надежда Азаркина. Все в том же, слишком свободном для нее платье, которое она безостановочно теребила на коленях.

— Вы поймите, Надежда Григорьевна, — ласково заговорил Гайдаленок, — все это в ваших же собственных интересах. Зачем нам осложнять и без того непростое положение? К чему вам брать на себя лишние эпизоды? Ну, с Зелинским все ясно. И монеты мы у него нашли. Тут, как говорится, — он сочувственно развел руками, — из песни слов не выкинешь. А второй эпизод

совершенно неясен. Кроме ваших слов, у нас фактически ничего нет.

— Я всю правду сказала, — слабо откликнулась Надежда.

— Это я понимаю, — заверил Гайдаленок. — Только слова-то ничем не подтверждаются. И супруг ваш, — тут Гайдаленок сделал удивленное лицо, — говорит теперь совсем по-другому. А значит, этого эпизода могло и не быть. Ведь так?

— Я сказала все, что было, — механически повторила Азаркина, совершенно не воспринимая построения Гайдаленка.

Тот терпеливо поерзал на стуле.

— Поймите, самое главное вот в чем: если у вас только один эпизод — решение суда может быть в одном аспекте. А если два — совсем в другом. Это уже гораздо серьезнее.

— Пусть, — равнодушно сказала Надежда. — Что будет, то будет. Надоело.

— Вот вы какая странная, ей-богу, — начал нервничать Гайдаленок. — Сокольников, может, ты ей объяснишь?

— Действительно, — неуверенно начал Сокольников, — чем меньше эпизодов, тем для вас лучше...

— Лучшее не станет. — В голосе Азаркиной появился вызов. — Да и не надо мне лучше.

— А дети? — Гайдаленок привстал для убедительности и даже подался вперед. — Надежда Григорьевна! Дети вас, что же, не волнуют? Что станет с детьми в случае чего?

— Дети... — Надежда тускло взглянула на него и опустила голову. — Что вам мои дети?..

В молчании прошла минута.

— Так что же я должна делать? — спросила она без всякого интереса.

— Да ничего же, объясняю я вам, — облегченно вздохнул Гайдаленок. — Просто исключим этот эпизод с Ратниковой. Напишем еще раз протоличик, а старый — в сторону. Я прямо скажу, — он постучал себя в грудь с видом кающегося грешника, — с моей стороны это нарушение. Да-а. Но я сознательно на него иду, учитывая ваши сложные обстоятельства.

Внезапно Гайдаленок осекся под пристальным и напряженным взглядом Азаркиной.

— Мои обстоятельства? — с удивлением повторила она, а голос уже звенел надрывными нотами. — Врешь ты все! Плевать тебе на обстоятельства! Еще детей вспомнил! Торгашка вас всех купила. И тебя, и Николая. Он вчера весь вечер передо мной червонцами тряс, уговаривал. Все вы...

— Азаркина! — грозно возвысил голос Гайдаленок. — Думайте, что говорите! За такие речи, знаете...

— Всех она вас купила. — У Надежды на скулах пробились нездоровые красные пятна, силы ее иссякли, теперь она говорила тихо, но не менее твердо. — Все вы одного поля ягоды. Не буду переписывать. Делайте, что хотите. Я к прокурору пойду!

— У меня нет слов! — Гайдаленок повернулся за поддержкой к Сокольникову, но тот, кусая губы, глядел в пол. — Я к вам по-хорошему хотел подойти, вы понимаете? По-человечески. Но если дело принимает такой оборот, я еще посмотрю, как поступить. Неоднократная перепродажа валютных ценностей! Учтите, вас ведь надо арестовывать.

— Делай, что хочешь, — с тихой ненавистью сказала Надежда. — Все равно.

И Гайдаленок и Сокольников — все, кто работал здесь, в этом доме, — стали для нее вдруг причиной всех ее бед, всей ее неудавшейся, поломанной жизни. Надежда выплескивала на них всю свою горечь, копившуюся долгие годы по капле, все свое отчаяние и в них же черпала силы, и оттого не существовало сейчас никого и ничего, что могло бы переломить ее решимость.

— Ну, как желаете, — угрожающе проговорил Гайдаленок и подвинул к себе бланк задержания. С демонстративной тщательностью он принялся его заполнять, приговаривая: — Придется вас задержать, Азаркина. На основании соответствующей статьи закона.

— Ты что, серьезно? — изумился вполголоса Сокольников.

— Вполне, вполне. — Гайдаленок заполнил очередную строчку и полюбовался, как получилось.

— Брось, что ты делаешь, — попытался остановить его Сокольников, растерянно улыбнулся даже, намереваясь перевести все в шутку, но Гайдаленок ответил ему таким пренебрежительным взглядом, что Сокольников мгновенно, без всякого перехода пришел в ярость.

— С ума сошел! Совсем свихнулся?! — гаркнул он.

Гайдаленок, в свою очередь, удивился, но тут же взял себя в руки.

— Прошу вас выйти отсюда, — холодно произнес он. — Вы мне мешаете. Мы еще поговорим о вашем поведении у руководства.

— У руководства? Поговорим! И немедленно! — Взбешенный Сокольников выскочил из кабинета, вихрем пролетел коридоры и лестницы, проскочил мимо секретарши, сделавшей слабую попытку заступить ему дорогу, и рванул на себя дверь в кабинет начальника управления.

Среди руководителей районных управлений в городе Тонков был самым молодым. Не только по времени работы в районе, но и по возрасту. Это составляло предмет его гордости. Тонков не считал свою нынешнюю должность вершиной карьеры и делал все, чтобы показать: он способен на большее. Некоторые считали его склонным к карьеризму, но это было не так. Тонков скорее принадлежал к той категории неглупых рассудочных людей, которые способны весьма точно оценивать собственные возможности и в соответствии с такой оценкой выбирать кратчайшие пути к намеченной цели.

Работа отдела БХСС интересовала Тонкова лишь во вторую очередь. И райком, и городское милицееское начальство судили о деятельности милиции прежде всего по уровню уличной преступности и количеству преступлений, оставшихся нераскрытыми, — на это их ориентировали листки сложившейся статистичности. За выправление дел в районе именно с этой точки зрения и взялся Тонков, когда получил назначение. Он был опытным, способным работником и умел организовать дело и не жалел ни себя, ни подчиненных. Несколько месяцев подряд уголовный ро-

зыск работал практически без выходных. Все сотрудники управления день и ночь патрулировали горячие точки — и кривая преступности медленно поползла вниз.

О работе отдела БХСС Тонков знал, что по общегородским показателям отдел находится где-то в золотой середине, и этого вкупе с ежедневной информацией Костина на оперативках ему было достаточно. Оттого Тонков в общем-то не очень нажимал на отдел, прослав среди коллег Сокольниковедва ли не либералом.

Обладая профессиональной памятью, Тонков сразу же вспомнил и дело, о котором рассказывал ему этот похожий на мальчишку инспектор, и все сопутствующие ему обстоятельства. Он слушал, с трудом сдерживая досаду: к завтрашнему дню предстояло подготовить выступление в депутатской комиссии, времени оставалось в обрез. Теперь же приходилось отвлекаться и переключать внимание без особых на то причин.

— Подождите, — прервал он Сокольниковедва ли не либералом. — Вам разве не известно, что следователь сам выбирает меру пресечения? С какой стати вы вмешиваетесь?

— Я не вмешиваюсь, — запротестовал Сокольников. — То есть вмешиваюсь, конечно. Вернее, прошу вмешаться вас. Гайдаленок собирается арестовать Азаркину только потому, что она не желает по его указке менять свои показания.

— Зачем ему надо, чтобы она меняла показания?

— Чтобы вывести из дела Ольгу... то есть Ратникову — директора рыбного магазина.

— Ратникову? — переспросил Тонков и посмотрел на Сокольниковедва ли не либералом. — А как вы об этом узнали?

— Да я же сидел в его кабинете. А еще раньше Трошин сказал мне примерно то же.

— Трошин? Что вам сказал Трошин? Вы яснее выражайтесь.

Не зря ли он все это затеял, на мгновение мелькнуло в голове у Сокольниковедва ли не либералом, но отступать было поздно, и он рассказал все, что знал. Особенно про телефонный звонок насчет Ратниковой от какого-то высокого начальства.

— И кто же вам звонил? — поинтересовался Тонков.

— Звонили не мне. Я понял так, что звонили Костину...

— Это он вам сообщил?

— Нет, но...

— Не надо городить чепухи, — раздраженно сказал Тонков, — нужно отвечать за свои слова и не пользоваться слухами.

Сокольниковедва ли не либералом слегка смешался.

— Я отвечаю за свои слова, — с обидой сказал он. — Я не знаю, кто звонил и кому...

Он тут же почувствовал, как двусмысленно это прозвучало, но не особенно огорчился.

— ...Зато мне известно, что следователь Гайдаленок сам или по чьему-то указанию совершает явную несправедливость. Этого нельзя допустить.

— У вас все? — холодно поинтересовался Тонков.

— Все.

— Идите, — и, увидев, что Сокольниковедва ли не либералом не трогается с места, добавил чуть мягче: — Я разберусь с этим. Идите.

Сейчас Тонков испытывал нечто вроде сочувствия к этому зе-

леному инспектору. И на несколько секунд даже пожалел, что самому ему до выслуги еще остается целых шесть лет и приходится постоянно об этом помнить. Однако такие мысли мешали сосредоточиться на докладе, и Тонков их прогнал. Впрочем, нет. Вначале он еще раз отложил ручку и вызвал к себе по селектору начальника следственного отдела и Костина. Вопрос этот лучше было решить не откладывая.

Давным-давно Трошин усвоил одну очень важную истину: быть искренним не возбраняется только самому с собой. Искренность, обращенная к кому-либо другому, — не что иное как свидетельство слабости, ибо стремление излить душу и покаяться в ошибках возникает, как правило, в состоянии неуверенности и в период жизненных неудач. А посему искренность — первейший признак того, что носитель ее — неудачник.

Трошин пришел в милицию после долгих размышлений о будущей профессии и никогда никому не признавался, что выбор его оказался ошибочным. Воспоминания о детстве и отрочестве, проведенных в тесной комнате московской коммуналки, вызывали у него в основном легкую брезгливость. Он родился в семье неудачников. Отец — неудачник-инженер заштатного НИИ, ненавидевший свою работу, свой мизерный оклад и чужие успехи. Мать — болезненная, с коричневыми от никотина пальцами, и такая же неудачница-педагог, нашедшая последнее прибежище своему неудовлетворенному честолюбию в кресле инспектора РОНО. Оба они, сколько помнил Трошин, постоянно обвиняли друг друга в несостоявшейся судьбе и загубленной жизни, неумении наладить быт, сэкономить скудные семейные средства, починить неисправный утюг и разморозить холодильник без обязательной лужи на паркете.

К десятому классу Трошин окончательно понял, что самым фактом своего рождения обречен к продолжению скорбного рода неудачников: социальная ничтожность его родителей делала для Трошина недоступной массу жизненных ценностей — от престижного вуза до импортного дакронового костюма. Единственное, на что оказалась способна мама-инспектор, это определить его в английскую спецшколу. Еще он твердо уяснил, что на жизненном пути вправе рассчитывать лишь на свои собственные силы.

Трошин был весьма симпатичным юношей и знал это. Тем более его тяготила хроническая нехватка свободных денежных средств, модной одежды и всех прочих свидетельств принадлежности к избранному кругу счастливых, которые подбуждали к школе на отцовской персоналке, лето проводили в черноморских пансионатах, а уик-энды — в веселой компании на обширных дачах с городским телефоном.

Одно время он всерьез прикидывал: не заняться ли по примеру некоторых его знакомых фарцовкой, гарантировавшей легкий и быстрый финансовый успех. Пересилили опасения лишиться последних надежд на переход в иной социальный статус из-за возможного конфликта с милицией, а также привитое-таки родителями-неудачниками недоверие к сомнительным гешефтам.

Он решил не искушать судьбу и после неудачной попытки

штурмовать МГИМО отправился служить в армию, отложив все серьезные решения на будущее.

Служил хорошо. Одним из немногих сумел наладить паритетные отношения со «стариками» и удостоиться благосклонного внимания батальонного начальства. Его даже избрали секретарем комсомольской организации — сказалась тут в немалой степени и представительная, располагающая внешность. А к концу службы Трошин получил непосредственную возможность выбрать, по какой стезе ему двигаться в дальнейшем. В качестве альтернативы военному училищу имелось еще милицееское.

После короткого колебания первое он отверг — в памяти накрепко сохранилось презрение к «солдафонам», культивируемое недостижимым кружком школьной элиты. Милиция — это то, что надо, решил Трошин. Это немалая власть, престиж профессии, уважение и даже страх окружающих. К сожалению, характер своей будущей работы он представлял себе в основном по детективам и уже на втором курсе высшей милицееской школы должен был признать, что неведение его изрядно подвело. Истинная власть исходила совсем из других сфер. Насчет престижности вопрос тоже был весьма спорный. Работа же предстояла каторжная и неблагодарная. Но менять что-либо было уже поздно. Трошин закончил школу милиции и вернулся в отчий дом.

К тому времени родители все же получили двухкомнатную квартиру, и, хотя напряженность в отношениях супругов заметно спала, Трошин не стал долго обременять их своим присутствием. В том же году он женился на бывшей однокласснице — дочери солидного торгового работника, отвалившего молодым в качестве свадебного подарка вполне приличную кооперативную квартиру, притом полностью обставленную. С женой Трошину повезло. Девчонка не в пример своему папаше попала скромная и тихая, к тому же она была по-настоящему влюблена в своего плакатно-красивого мужа.

Кружок школьной элиты давно распался. Все его члены перекочевали в новые кружки либо разбрелись по городам и весям, но в памяти и сознании Трошина кружок этот продолжал существовать, как некий эталон, как витринный восковой фрукт, пробуждающий у покупателя вожделение и одновременно напоминающий о своей вечной недостижимости.

И все же Трошин не терял надежды выбиться наверх. Реальный путь был только один — служебный рост. Любой ценой. И он работал не за страх, а за совесть. И одновременно приглядывался, прислушивался, вникал и подмечал, определяя мельчайшие тонкости служебных отношений и свое в них точное место.

Наибольшая опасность его планам исходила как раз от искренних людей. Они, не ощутив взаимности, имеют полное основание тебе не доверять. Этого Трошин допустить не мог. Довольно скоро он научился почти стопроцентно имитировать надлежащую степень искренности.

Движение наверх — это результат тончайшей и сложнейшей политики, сложившейся даже на таком примитивном уровне, как районное управление внутренних дел. Слишком много нитей — внешних и внутренних — определяют его существование. Одни нити тянутся наверх и вниз, другие следуют параллельно поч-

ве, но кто может догадываться об истинных точках их пересечения где-то там, за горизонтом? Нужно очень хорошо разбираться в этом кружеве, чтобы ненароком не потревожить ту, что не положено по рангу. Трошин считал, что разбирается неплохо.

И вот теперь некто Сокольников, несмышлениш и романтик, перся, словно бегемот в посудную лавку, угрожая все перепутать и принести не столько неприятности, сколько утомительные и ненужные хлопоты.

Лучше всего было бы убрать Сокольникова из отдела. Выгнать или вынудить уйти. Но как? То, что с иными проскакивало гладко, с ним не пройдет. На редкость возмутительно наивен Сокольников и вызывающе чист. Не обзавелся знакомыми в торговых точках и на работу является без запаха алкоголя. Посему нажимать без повода либо создавать повод искусственно опасно. Не знающий удержа Сокольников может поднять шум. Наверняка поднимет. Толку от шума, разумеется, будет ноль, но шум есть шум. Лишнего шума следует избегать. Значит, нужно ждать случая.

Трошин не стал излагать свои соображения Костину — тот не политик. Даже отговорил его, разобиженного выволочкой от начальника управления, давать Сокольникову втык за инициативу.

А Сокольников, по правде говоря, чувствовал себя эти дни неуютно. Он оказался нарушителем неписаного закона, согласно которому не полагалось ставить своих руководителей в неудобное положение перед вышестоящим начальством, даже если они этого заслужили. И хотя Тонкову он жаловался на следователя Гайдаленка, выходило так, что заодно подвел и Костина с Трошиным.

Арестовывать Надежду Азаркину никто не стал. Но Сокольников не считал это своей победой. Возможно, размышлял он, Гайдаленок и не собирался ее арестовывать. Только хотел немного попугать и, войдя в роль, переборщил. Тогда в действиях Сокольникова вообще не было никакого смысла.

Ни Трошин, ни Костин ни словом не обмолвились о происшедшем. Вообще внешне все было так, будто ничего не случилось. Только в отношениях с Гайдаленком появилась некоторая натянутость, но на это было наплевать, встречались они разве что в столовой, да и то не каждый день. Единственное, что по настоящему переменялось, так это степень участия Сокольникова в деле Азаркиной. Сейчас он знать не знал, что там происходит. Никто с ним об этом не разговаривал и никаких поручений не давал. Честно говоря, Сокольников был даже рад. Ему вообще не хотелось ничего слышать об этом. К тому же сейчас он был сильно занят. Костин передал ему для проверки анонимное заявление на спекулянтов с колхозного рынка. Таких заявлений в отдел уже поступило пять, предыдущим проверяющим поймать спекулянтов не удавалось, и заявления списывались как неподтвердившиеся.

Вот и в этом заявлении вновь говорилось, что некие люди по кличкам «Тофик», «Али-баба» и «Рачик» торгуют на рынке овощами и фруктами, которые сами не выращивают, а скупают

на других рынках. Работают они со «своими» таксистами, хорошо им приплачивают за это, а гуляют обычно в ресторане на Новом Арбате.

Тщательно изучив заявление, Сокольников ничего другого придумать не смог, как только пойти на рынок. Два дня кряду, с утра до вечера он болтался там, но никаких преступников, естественно, не обнаружил. Тем не менее на третий день ему повезло. Познакомился со старушкой, что каждый день продавала семечки в крытом ряду у самых ворот. Познакомился потому, что сам у нее семечки не раз покупал.

Оказалось, знает она многих на этом рынке, и Тофика, и Рачика, и Али-бабу тоже знает. По словам старушки, давно уже подмечавшей скуки ради многое вокруг себя, спекулянты предпочитали сравнительно небольшие партии товара подороже, вроде ранних помидоров, мандаринов или гранатов.

Еще через пару дней Сокольников уже выяснил, что товар они завозят на рынок по утрам и главная трудность в разоблачении спекулянтов заключается в том, что обязанности они между собой предусмотрительно делили. Если двое только скупали, то третий исключительно продавал. Доказать таким образом связь «скупки» и «перепродажи с целью наживы» становилось весьма затруднительно, на что спекулянты и рассчитывали.

Торговал обычно Рачик. Часов в семь утра он занимал свое постоянное место на главной «площади» рынка. К этому времени за прилавком уже стоял десяток ящиков плодов и овощей, заботливо подготовленных его партнерами. Тофик и Али-баба к прилавку близко не подходили, весь день сидели в шашлычной напротив рынка и только изредка наведывались посмотреть издали, как идут дела. Часам к четырем товар расходился. Рачик присоединялся к своим компаньонам, и все вместе они отправлялись отдыхать.

По просьбе Сокольникова милиционер из местного отделения в два приема проверил у всей троицы документы. Тофик, Рачик и Али-баба, как один, предъявили военные билеты и справки, поясняющие, что они приехали с берегов Каспийского моря на лечение сложных желудочных болезней. По их упитанным загорелым лицам трудно было сделать вывод о слабости их здоровья, но справки были совсем свежие — видимо, их регулярно обновляли спекулянтам какие-то верные друзья. Разумеется, они приехали в Москву «только вчера и ночевать будут в га-астынице или на вокзале».

На самом деле их штаб-квартира располагалась на Селигерской улице. Там они снимали комнату у одинокой старушки, которая обеспечивала прибавку к своей скромной пенсии за счет таких вот гостей столицы — не слишком приятных, но, безусловно, денежных. Однако выяснить это Сокольникову удалось лишь на четвертые сутки почти непрерывной работы. Вместе с приданным ему в помощь Коротковым Сокольников по всему городу таскался за спекулянтами в отдельской машине, уточняя их излюбленные маршруты, терпеливо дожидаясь у ресторанов, пока наконец не убедился, что дом на Селигерской улице и есть та исходная точка, из которой Тофик, Рачик и Али-баба начинают свои коммерческие походы. Туда Сокольников и приехал еще за светом утром пятого дня.

Поднимались трудолюбивые спекулянты рано. В пять утра вся троица появилась на пустынной улице в ожидании такси. Очень многое сейчас зависело от того, кто из них уедет первым. Если Тофик с Али-бабой, то есть опасность, что Рачик может заметить устремившийся в погоню за компаньонами «хвост» — на улице движения никакого, только дурак не поймет, что за серая «Волга» отчаливает вдруг от скверика напротив.

Тем не менее Сокольников повезло. Сначала укатил все же Рачик. Оставшиеся двое ждали машину еще минут пять, а когда их такси-пикап подъехало, направились в сторону Ленинградского шоссе. Стало ясно, что они нацелились сегодня на какой-то пригородный рынок — в Химках или Калининграде. Поэтому можно было не маячить у них за спиной и держаться на максимальной дистанции.

Светало. Машина со спекулянтами действительно свернула к Химкинскому рынку. Пока все шло, как и предполагалось. Гена остановился за квартал. Сокольников и Коротков в сопровождении своих помощников — загодя приглашенных студентов-дружинников — парами пошли к воротам. Такси-пикап стояло здесь с включенным счетчиком. Водитель дремал в ожидании своих клиентов. Рынок был еще закрыт, но калитку в воротах никто не охранял, и попасть на территорию удалось без всякого шума.

Тофика и Али-бабу Сокольников сразу приметил. Азартно жестикулируя, они вели торг с мрачным колхозником-грузином. Тот молча слушал, кивал, вроде бы соглашаясь, потом произносил короткую фразу, вызывавшую взрыв возмущения, новый поток слов и бурю жестов. Так продолжалось минут десять. Али-баба и Тофик поочередно порывались уйти в знак несогласия с позицией собеседника, но дело, как видно, шло к соглашению. В конце концов мрачный колхозник плюнул, махнул рукой и удалился с Тофиком в глубину прилавка для окончательного расчета.

Сокольников послал своего студента с ответственным заданием накрепко запомнить в лицо того, с кем спекулянты торговались, а во-вторых, посмотреть: нет ли на его ящиках каких-нибудь специальных меток.

Паренек попался толковый. Возвратившись, доложил, что все в порядке, видел даже, как хозяин деньги пересчитывал, а ящики действительно помечены буквами В. М. Скорее всего такими были инициалы владельца.

Тофик и Али-баба тем временем уже резво таскали откупленный товар за ворота. Вначале они намеревались подать такси прямо к прилавку, однако сторожа еще не было, и это тоже оказалось Сокольникову на руку — проще ящики пересчитать. Четырнадцать ящиков с мандаринами миновали калитку — килограммов двести, не меньше, прикинул Сокольников. За счет разницы рыночных цен да непременно скидки за оптовую покупку сегодняшний навар спекулянтов может составить рублей триста.

Теперь можно было не спешить и не гоняться за такси по московским улицам — товар поедет на рынок к Рачику. Коротков и один из студентов остались побеседовать с продавцом, а Сокольников со вторым дружинником поехали за пикапом.

Теперь уже Тофик и Али-баба вылезли из машины за квартал и независимо зашагали к рынку. Груз встречал у ворот Ра-

чик. Показал водителю, к какому прилавку подъехать, бережно выгрузил товар. Весы и халат, разумеется, были у него уже наготове. Компаньоны наблюдали издали. Убедившись, что все прошло гладко, отправились, как обычно, в шашлычную.

Здесь Сокольников начал немного волноваться. Для завершения операции надо было опросить пару-тройку покупателей, чтобы зафиксировать новую цену товара, а потом задерживать всех троих спекулянтов одновременно, чтоб не убежали. Коротков же все не появлялся. Но вот наконец он прибыл на какой-то попутке вместе с тем самым мрачным колхозником.

— На кого же товар оставили? — шепотом спросил Сокольников, однако Коротков его успокоил.

Оказывается, торговать из Колхиды в Химки колхозник-грузин приехал вместе с женой, она осталась там всем распоряжаться, а хозяин мандаринов — Важа Маглакелидзе — хоть и мрачный, но нормальный дядька, грамотный, все правильно понимает, хотя и клянет себя, не переставая, что из-за спекулянтов теряет напрасно столько времени, тогда как, наоборот, надеялся его сэкономить, сбыв оптом добрую треть привезенного товара.

В шашлычную Сокольников пошел вместе с двумя милиционерами из местного отделения. Шашлыки поджарить с утра еще не успели. Тофик и Али-баба лениво пили рислинг, закусывая ломтиками вчерашней, подсохшей за ночь ветчины. Очередной проверке документов они не удивились и не напугались, и когда Сокольников объявил, что для выяснения придется ненадолго пройти в отделение, только плечами пожали и быстренько доели свою закуску. Сокольников боялся, как бы они не сбежали по дороге, но спекулянты были убеждены, что у них все чисто, и делать этого не собирались. Впрочем, милиционеры были ребята спортивные и крепкие и удрать бы им не дали.

Только в отделении, увидев составленные под лестницей ящики с мандаринами, спекулянты с тревогой переглянулись.

Конечно же, они немедленно принялись все отрицать, иного ожидать было трудно. Оставалось быстренько записать все, что они наплетут, провести опознание их личностей Маглакелидзе и комсомольцем-оперативником, затем опознание ящиков и сделать еще кучу всяких дел, сопровождая каждый шаг обильной перепиской. Словом, только успевай.

Тофик — его Сокольников начал опрашивать первым — сразу предложил взятку, а после того, как Сокольников отмахнулся, подробно изложил легенду про внутренние болезни. Али-баба, наоборот, начал с болезней, но в конце все равно перешел на более близкий и понятный язык денежных знаков. В соседнем кабинете Коротков беседовал с Рачиком. Тот был не так эмоционален, как его коллеги, руками не размахивал и не горячился, на каждый вопрос томно поднимал к потолку глаза, вздыхал и лишь после этого грустным голосом начинал врать.

Но все это сейчас было несущественно. Гораздо важнее проделать кучу всяческих процессуальных мелочей — найти понятых и «фон» для опознания, составить протоколы, опросить общественников...

Важа Маглакелидзе показал, что Алекперов (Тофик), расплачиваясь с ним за мандарины, доставал деньги из бумажника ярко-желтой кожи. Обыскивать пока нельзя, надо попросить

предъявить личные вещи, зафиксировать бумажник соответствующим протоколом и снова провести опознание, теперь уже бумажника.

— Ребята, вы бы побыстрее закруглялись, — уже второй раз сказал Сокольников замначальника отделения, — вы же нам работать не даете, все кабинеты позанимали!

Действительно, пора и честь знать. Надо перебираться в отдел. Вот только мандарины сдать в магазин. Стоп! Ящики-то не опознали еще!

Сокольников вновь побежал искать понятых, выскочил на улицу к остановке трамвая и вдруг застыл на месте, сразу обо всем позабыв. Сразу все вспомнив.

Мимо него трудной старческой походкой шла свекровь Надежды Азаркиной.

— Здравствуйте, — пробормотал Сокольников.

Старуха остановилась, взглянула на него прямо и строго, затем обошла, как если бы Сокольников был телеграфным столбом, и зашагала дальше. Сам не зная почему, Сокольников пошел за ней рядом. Шли так целый квартал. Наконец старуха снова остановилась.

— Что вам нужно, молодой человек?

— Я просто хотел узнать... Вы меня помните?

— Я все помню, — ясным голосом сказала старуха. — Что вы хотите?

— Как ваши дела? — брякнул Сокольников.

Старуха пожевала губами.

— Вам лучше знать.

— Понимаете, я сейчас занимаюсь другим делом и...

— Надежда в больнице, — объявила старуха и опустила голову. — Третьего дня себя жизни лишиться хотела.

— Как! — ахнул Сокольников. — Почему?

Старость лишает лица подвижности, но все, что хотела высказать старуха, отразилось в ее взгляде. На Сокольникова излилась скорбь, жалость, гнев, презрение, и он в смятении отшатнулся.

Медленно побрел в отделение. А там уже командовал Трошин — он прибыл вместе со следователем, — говорил громко и уверенно, и всем сразу стало понятно, кто тут самый главный и ответственный товарищ.

Надежда лежала на койке у стены. Под глазами синее с желтым, туго перебинтованные в запястьях руки — поверх одеяла. Сокольников взял стул и тихонько сел у изножья. Надежда безразлично посмотрела на него и снова уставилась в потолок.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сокольников, не надеясь особо на ответ.

— Нормально.

— Зачем же вы так, Надя!

— Вам-то не все равно?

— Нет.

Она искоса посмотрела на него и недоверчиво усмехнулась.

— Нельзя, нельзя так, — сбивчиво заговорил он. — У вас дети, вы не одна. Нельзя одной решать за всех.

— Зачем вы пришли? — перебила его Надежда. — Уговаривать? Не стоит. Я и так все скажу как надо. Не беспокойтесь. На вашу торгашку показывать не буду.

— Я совсем не из-за этого! — Сокольников протестующе потряс головой, боясь, что Надежда ему не поверит. — Просто я хотел навестить... Мне не все равно, если человек вдруг так... Всякое в жизни случается. Я вам помогу... Пойду к прокурору города, в конце концов... Вы не должны так ко всему относиться...

— Что вы от меня хотите, я не пойму? — со странным детским недоумением сказала Надежда. — Это, — она приподняла руки, показывая Сокольникову свои бинты, — это так, глупость. Не знаю даже, как получилось. По слабости. Навестить пришли? Да разве так навещают? Навещают с апельсинами. Или с цветами хотя бы.

Только сейчас Сокольников ошеломленно сообразил, что действительно пришел с пустыми руками.

— Ну а если без цветов, значит, по делу, — продолжала Азаркина. — Из-за торгашки. Но я уже сказала.

— Наоборот! — горячо возразил Сокольников. — Я убежден, что она должна получить по заслугам. И я вам обещаю, что добьюсь этого. Я не хочу, чтобы вы думали обо мне, будто...

Откровенно изумленный взгляд Надежды Азаркиной остановил его на полуслове.

— Да вы что! Зачем мне это? Мне ведь еще в тот день знающие люди все объяснили. Чем меньше я продала монет, тем для меня лучше. Что ж я, не понимаю!

Теперь пришел черед удивиться Сокольникову.

— Тогда... — растерянно сказал он, — зачем же вы это сделали с собой?

— Зачем? — Надежда растянула губы в усталой улыбке. — Надоело все. Одна грязь кругом, без просвета. Все одним миром мазаны. И те, и эти... В общем, по слабости характера.

— Не надо так думать, — быстро проговорил Сокольников. — Я действительно хочу вам помочь. Пока еще не знаю, как...

— Передачи в тюрьму носить будете? — В глазах ее мелькнула на мгновение слабая тень кокетства. И тут же исчезла. — Да ладно вам. А вообще, если хотите знать, те монеты Николай сам торгашке продавал. Все при мне происходило. Он бы и без меня ей продал, да побоялся, что с ним она не станет дела иметь. И денег мне отдал всего двадцатку...

— Так что же вы молчали? — поразился Сокольников. — Это же все меняет!

— А, меняет — не меняет! — Она вяло шевельнула рукой. — Может, жалко его стало. Ему в следующий раз из тюрьмы не выйти. Он же насквозь больной. Язва у него, печень...

— А детей разве не жалко? — допытывался возмущенный Сокольников. — Себя не жалко?

— Всех жалко, — согласилась Надежда и внезапно крикнула с раздражением: — Да что вы ко мне привязались! Какое вам дело!

В палату заглянула медсестра.

— Товарищ, вам пора на выход. У нас обед.

Сокольников поспешно поднялся.

— Вы поправляйтесь, не падайте духом, — бормотал он какие-то незначущие фразы. — Я к вам еще зайду, если вы не против...

— Пожалуйста, — в присутствии медсестры Надежда мгновенно и неуловимо переменялась. — Мне не жалко, заходите...

Интонацией, взглядами, движениями она словно вела давний женский спор, пытаясь доказать, что и у нее не все еще потеряно, что не кончилась жизнь — вот и молодые люди даже приходят навестить. Она старательно играла эту простенькую, но очень важную для нее роль и не видела, что медсестра, красивая и рослая девчонка, ко многому еще равнодушная в своей безмятежной молодости, просто не замечает игры Надежды, как не замечают пассажиры скорого поезда массы мелких и не очень важных деталей, из которых складывается пейзаж, поминутно меняющийся за окном...

Надежду Азаркину и Зелинского судили в конце октября.

Районный народный суд располагался в старом трехэтажном доме на тихой улице. Зданию требовался изрядный ремонт, да и вообще поговаривали, что нарсуд скоро должен перебраться в другое помещение. Но пока судебные заседания по уголовным и гражданским делам проходили в этих маленьких залах, похожих на игрушечные. Посетителей на процессах обычно было немного. Два-три любопытствующих пенсионера, немногочисленные родственники подсудимых.

Суд проходил в зале на третьем этаже. Сокольников пришел рано и занял место в самом уголке. Тут же к нему подсел пенсионер из постоянных посетителей. Пенсионер был не прочь блеснуть своей юридической подкованностью, но Сокольников довольно невежливо прервал начавшуюся было беседу. Пенсионер обиделся и пересел на другой стул.

Робко открыв дверь, вошла Надежда в темном платке со старой хозяйственной сумкой. Не решаясь присесть, остановилась у стенки, только сумку оперла о краешек стула. Вслед за ней — свекровь и адвокат, молодой человек в больших очках и с черными, гладко зачесанными волосами. Адвокат сильно припадал на одну ногу, испорченную детским параличом, но держался очень уверенно, на подзащитную свою едва смотрел, все время запрокидывал назад голову и цедил короткие фразы. Сокольников сразу же почувствовал неприязнь к нему.

Высокий и осанистый прокурор в ладной темно-синей форме, наоборот, вызывал к себе уважение и доверие. Он сразу сел за свой стол, углубившись в бумаги, которые вытащил из изящной черной папочки с монограммой.

В зале появились еще какие-то люди. Последним вошел Азаркин. Сегодня он был непривычно чисто выбрит и, безусловно, трезв. Даже белую рубашку надел. Азаркин тоже чувствовал себя в суде уверенно. Осмотрелся, небрежно кивнул Сокольникову и уселся у окошка.

Из неприметной боковой дверцы вышла секретарша. Она проаэрировала по списку наличие свидетелей и сказала Надежде:

— Подсудимая, займите свое место.

Надежда, не выпуская сумки из рук, зашла за барьерчик.

— Сумку оставьте, подсудимая!

Надежда испуганно съежилась, потом вернулась и отдала сумку свекрови.

Два милиционера ввели Зелинского. С виду он ничуть не переменялся. Разве что немного побледнел. К нему тут же подошел его адвокат, и они принялись о чем-то негромко переговариваться.

— Встать, — скомандовала секретарша. — Суд идет!

И Азаркина и Зелинский с одинаково настороженными лицами смотрели, как в зеленые кресла под большим золоченым гербом рассаживаются те, кто должен решать их судьбу.

Судью Поливанову — маленькую женщину с профессионально строгими чертами — Сокольников уже знал. Она рассматривала как-то одно его дело по спекуляции автомашинами и обошлась с подсудимым весьма сурово. Сокольникову было известно, что судья Поливанова пользовалась плохой репутацией у районных уголовников, хулиганов и тунеядцев.

Свидетелей отправили за дверь и приступили к чтению обвинительного заключения.

— ...Азаркина продала принадлежавшие ей пять золотых монет царской чеканки гражданину Зелинскому, совершив тем самым деяние, предусмотренное частью первой статьи восьмидесят восьмой Уголовного кодекса РСФСР...

— ...Зелинский купил у гражданки Азаркиной пять золотых монет царской чеканки, совершив тем самым деяние, предусмотренное частью первой статьи восьмидесят восьмой...

Слегка наклонив голову, Зелинский внимательно и мрачно вслушивался в каждое слово. Надежда смотрела прямо перед собой и нервно теребила складки платья.

— Подсудимая Азаркина! Расскажите суду, что произошло пятнадцатого июля этого года.

— Пятнадцатого? — Надежда поспешно поднялась.

— Когда вы продали монеты Зелинскому, — пояснила судья.

Надежда крепко ухватилась за барьерчик.

— Продала, — произнесла она и замолчала.

— Как это происходило?

— Николай сказал: едем к нему... к Зелинскому. Мы приехали к автобазе...

— К станции техобслуживания, — довольно благожелательно поправила Поливанова.

— Да, — мотнула головой Надежда. — Николай взял монеты и ушел. Потом вернулся и отдал деньги.

— Сколько?

— Двести пятьдесят.

— По пятьдесят рублей за каждую монету?

— Да... наверное.

— Подсудимый Зелинский! Сколько вы заплатили за монеты?

Тот не спеша поднялся, произнес, выговаривая каждое слово отчетливо и тщательно:

— Семьсот пятьдесят.

— Ого! — восхищенно сказал из зала пенсионер.

Поливанова строго посмотрела на него и постучала карандашом о стол.

— Значит, по сто пятьдесят рублей за каждую монету?

— Точно так, — подтвердил Зелинский.

— Кому вы передали деньги?

— Мужу этой женщины. Из рук в руки.

Таких подробностей Сокольников не знал и слушал очень внимательно. Выходило, что Азаркин захапал на этой сделке пятьсот рублей чистоганом. Если, конечно, Зелинский не врал.

Прокурор спросил Надежду, продавала ли она кому-нибудь еще монеты, на что получил немедленный ответ:

— Никому.

А адвокат вообще не стал ничего спрашивать. Сидел, опустив голову, будто происходящее его вовсе не касалось.

За свидетельским барьерчиком появился Азаркин. Первые же вопросы о сумме сделки вызвали у Азаркина чувство глубокого возмущения.

— Что вы, граждане судьи, — надрывался он. — Какие семьсот пятьдесят! Этот жулик врет без стыда и совести!

Зелинский фыркнул и презрительно отвернулся.

— Вот ведь люди, а! — обращался Азаркин за сочувствием к залу. Аудитория для него была явно маловата.

— Сам врет, подлец! — азартно выкрикнул пенсионер.

— Я сейчас удалю вас из зала, — возвысила голос Поливанова, и пенсионер испуганно зажал рот рукой.

Впервые с начала процесса пошевелился адвокат Надежды. Поднял карандаш, привлекая к себе внимание суда, потом встал, навалившись обеими руками на стол.

— Прошу вызвать свидетеля Кротова, — прозвучал его высокий скрипучий голос.

Этого свидетеля тоже ввел милиционер. Свидетель выглядел довольно уныло. Испитое, одутловатое лицо его выражало тоску и равнодушие. Впрочем, заметив секретаршу и немного приглядевшись к ней, свидетель явно приободрился.

— Назовите свою фамилию, место жительства и род занятий.

— Кротов Сергей Дмитриевич, — представился свидетель, с усилием отрывая взгляд от секретарши. — Насчет места жительства — так я сейчас в элтэпэ. В профилактории то есть. Там же и работаю. На принудлении от этого дела, — последовал характерный жест рукой.

— Расскажите, что вы делали пятнадцатого июля этого года, — потребовал адвокат.

— Как что? — удивился свидетель. — Выпивал, наверное. Я сильно в последнее время злоупотреблял, — признался он. — За что меня супруга и определила.

— Выпивали? С кем? — равнодушно спрашивал адвокат.

— А кто его знает. С кем только не приходилось. — Свидетель задумчиво потянул воздух и покосился на секретаршу.

— Вы знаете Азаркина?

— Николая-то? Ну!

— Пятнадцатого июля вы с ним встретились возле станции техобслуживания. Так?

— Было, — подтвердил Кротов.

— С какой целью?

— Так ведь... известно с какой. Я тогда пустой был. Без денег то есть. А Николай — он сказал, что достанет.

— Откуда?

Свидетель задумчиво потрогал мясистый, в синих прожилках нос.

— Да я как-то не спрашивал. Чего-то продал вроде. Они туда с женой пришли, а я в сторонке, чтоб не у нее на глазах...

— И много он достал?

— Ну-у! — с уважением сказал свидетель.

— Сколько конкретно? — требовал адвокат.

Кротов подумал, пару раз дернул себя за нос и объявил:

— Пятьсот.

— Что ж ты брешешь, паскуда! — крикнул Азаркин. — Ты видел?

— Видел! — обиженно отреагировал Кротов. — Кто передо мной червонцами тряс!

— Врет он, граждане судьи, я вам клянусь. Это же алкоголик!

— Я алкоголик! — сокрушенно сказал Кротов. — А он трезвенник. Дружок называется!

— Откуда вы знаете, что именно пятьсот? — спросил один из народных заседателей, крупный пожилой мужчина с обветренным лицом строителя.

— Да он сам сказал, — ответил Кротов. — И пачка такая солидная. Одни червонцы.

— У защиты еще есть вопросы к свидетелю? — спросила Поливанова.

— Вопросов нет. — Адвокат опустил на стул и запрокинул голову.

В общем, адвоката Сокольников недооценил. Тот вовсе не собирался давить на жалость и взывать к родительским чувствам членов суда, как Сокольников предполагал вначале. Методично и настойчиво адвокат доказывал, что Надежда Азаркина не преступница, а самая настоящая жертва мужа-алкоголика, потерявшего совесть и человеческий облик. Причем он не только вынудил Надежду пойти на нарушение закона, но фактически сам стал исполнителем и главным лицом преступления. Адвокат доказывал это настолько успешно и убедительно, что судебное разбирательство завершилось еще до обеда и самым неожиданным для Азаркина образом.

После десятиминутного уединения в совещательной комнате судьи заняли свои места, и Поливанова зачитала определение, из которого следовало, что в свете вновь открывшихся обстоятельств суд возбуждает в отношении Николая Азаркина уголовное дело и направляет его для производства следствия. При этом суд с учетом тех же обстоятельств избирает для Азаркина в качестве меры пресечения содержание под стражей.

При этих словах в зал вошли два милиционера и встали по обе стороны от Азаркина. Он как-то суетливо и растерянно задергался, принялся приговаривать вполголоса «вот значит как!», «значит так, да?».

Один из милиционеров слегка подтолкнул Азаркина в спину: пошли, мол. Азаркин поперхнулся и тут же замолчал. Заложив руки за спину и опустив голову, он съежился, сделался малень-

ким и беспомощным. Жалко, испуганно взглянул на мать и Надежду.

— Коля! — простонала вдруг старуха.

Слезы покатались по ее лицу. Она шагнула к Азаркину, видимо, желая его обнять, но молодой румяный милиционер преградил дорогу.

— Не положено, мамаша, — произнес он твердо, но все же со смущением.

И у Азаркина тоже лицо задержалось и скривилось.

— Мама, — всхлипнул он, помотал головой и крикнул конвоирам: — Ведите! Хватит душу мотать!

Надежда все так же сидела за барьерчиком для подсудимых и смотрела на происходящее с тупым и отстраненным безразличием.

К ноябрьским праздникам ударили морозы. Лужи прочно схватило льдом, порывистый холодный ветер гнал по асфальту редкие снежинки. Холод застал горожан врасплох. На улицах меховые шапки соседствовали с легкомысленными кепочками, теплые сапоги с осенними туфлями.

В управлении шло предпраздничное собрание. Мероприятия этого ждали: по сложившейся традиции в конце собрания отличившихся награждали премиями и ценными подарками.

Речь на трибуне держал начальник управления Тонков. Умеренно похвалив коллектив за достигнутые успехи, он перешел к недостаткам и задачам. Недостатки, как обычно, были серьезные, а задачи ответственные. Предстояло усилить и совершенствовать, осуществить и добиться, и, хотя Тонков не сказал ровным счетом ничего нового, все сидели тихо и слушали очень внимательно.

Наконец, поздравив подчиненных с пятьдесят девятой годовщиной Октября, Тонков завершил свое выступление. На трибуну один за другим поднимались представители отделов и говорили примерно то же, но покороче. Зал немного расслабился, пошел легкий шумок, и замполит в президиуме несколько раз стучал карандашом по графину с водой.

От отдела БХСС выступал Трошин. В ослепительно белой рубашке, отлично сшитом сером костюме, он смотрелся на трибуне очень эффектно. Даже разговоры на минуту слегка приутихли. Изредка встряхивая аккуратной, волосок к волоску, прической, Трошин тоже говорил о необходимости решительного усиления, высокой принципиальности и ответственности, которые требуются от каждого из сидящих в зале. Он назвал передовиков отдела. Среди перечисленных фамилий Сокольников услышал свою и не мог не признать, что это оказалось приятно. Проявляя самокритичность и принципиальность, Трошин, естественно, сказал и об имеющихся место недостатках, пожурил отстающих, в числе которых оказался старик Демченко. Тот сидел от Сокольникова за два стула и сразу же принялся возмущенно возражать, правда, вполголоса. Но вот и Трошин, заверив, что выполнит и оправдает, вновь уступил трибуну Тонкову.

Началась самая приятная часть собрания. Награжденные и поощренные выходили поочередно к столу президиума. Тонков

вручал награды, зал благожелательно аплодировал. Сокольникову не дали ничего, зато Демченко, напротив, вручили какую-то грамоту. Это примирило Демченко с отзвучавшей критикой, и он выглядел почти довольным. Наконец собрание объявили закрытым, все пошли по своим отделам.

Они еще раз собрались у Костина, который снова, от себя лично поздравил всех с праздником и пожелал всевозможных благ в труде и личной жизни. А потом отпустил по домам. Всех, кроме дежурного по отделу. Сокольников и был сегодня этим дежурным. Не повезло ему под праздник. Он вздохнул и пошел в свой кабинет.

Однако сидел один недолго. В пустом и тихом коридоре внезапно раздались шаги, и вошел Демченко.

— Значит, дежуришь, — сказал он, чтобы завязать разговор. — Ну как там дела с твоей Азаркиной?

— Никак, — пожал Сокольников плечами. — Дело на доследовании.

— Да-а, — подтвердил Демченко. — А знаешь, как оно дальше пошло?

— Мне не докладывают, — сказал Сокольников. — Откуда же мне знать? Да я и не стремлюсь. Своих дел хватает.

— В общем ее муж — ну, алкоголик который, опять на директрису из рыбного дал показания.

— Вот как! — оживился Сокольников.

В разговоре образовалась пауза. Сокольников ждал продолжения, а Демченко — дальнейших расспросов. Нарушил ее все же Сокольников.

— В общем-то я чувствовал, — сказал он осторожно. — С судом такие шутки не проходят. Теперь она точно загремит. Надеюсь, дело ведет не Гайдаленок?

— Какая разница! — Демченко посмотрел на Сокольникова с искренним сожалением. — При чем здесь суд-то?

— Как это «при чем»? Дело ведь Поливанова разбирала.

— Ну и что?

Сокольников обиженно молчал, и Демченко счел возможным разъяснить ему ситуацию.

— То, что дело на доследовании, ни о чем не говорит. При чем тут твоя Поливанова? Да любой судья точно так бы и поступил. Дело-то все гнилыми нитками шито. Первый же пересуд все отменит. А кому это надо? Любому грамотному юристу ясно, что алкоголик этот твой должен сидеть в первую голову. Вот ведь накрутили! Договориться, видишь, с ним хотели. Чтoб и нашим и вашим.

— Ну и что же будет дальше? — спросил Сокольников.

— А ничего. Показания алкоголика — это мур, семечки. Никто твою Ольгу трогать не станет. Не дадут ее в обиду. Если надо — и судье подскажут, что к чему.

— Не понимаю, зачем вы все это мне рассказываете, — сдержанно сказал Сокольников.

— Да так просто. — Демченко посмотрел на часы и вдруг заторопился. — Ну, счастливо отдежурить. Будь здоров!

Он вышел в коридор, но тут же вернулся, словно вспомнив нечто важное. Дверь при этом он плотно прикрыл и еще придержал ручку для надежности.

— Вот что я тебе хотел сказать. У меня есть такие сведения, что Ольга сегодня будет распродавать кое-какой дефицит. Сам понимаешь, с наваром. Но не через магазин. И не сама, конечно. Через лоток на улице. Ну а товар хороший. Разойдется вмиг, сколько ни запроси. Понял?

Сокольников кивнул.

— И вот одна девчонка — из новеньких там — тоже будет торговать с лотка. Девчонка еще не обтертая, но знает уже немало. Если, к примеру, ее зацепить, можно будет с ней потолковать о многом. Понял, нет?

— Где этот лоток? — спросил Сокольников.

— Ну, дорогой, — Демченко развел руками, — откуда же я знаю? Это я только предполагаю. Ты, кстати, в случае чего на меня не ссылайся. В общем, сиди спокойно. Читай. Может, граждане позвонят. Пожалуются. Вообще я бы тебе советовал дежурить вместе с внештатниками. Мало ли чего, все же перед праздником, время ответственное. Ты меня понял? Ну пока!

Разрумяненная, как куколка, Бочкова шмыгала не отошедшим еще с мороза носом. Из-под ондатровой шапчонки, сползшей на затылок, выбивались белобрысые кудряшки. В кабинете отопление работало хорошо, и Бочкова сразу расстегнула грязно-синий рабочий халат, надетый поверх ладненькой дубленки.

Позвонили Сокольникову ровно через час после ухода Демченко. Возмущенный покупатель. Мужским голосом. Незнакомым или намеренно измененным. Сообщили, что на углу возле трамвайной остановки торгуют говяжьей тушенкой по сумасшедшей цене, немилосердно обманывая население.

Сокольников ждал звонка с нетерпением, потому что был к нему готов. Два паренька-дружинника ждали вместе с ним — их Сокольников вызвал из районного штаба дружины.

Все правильно, все точно. Торговала тушенкой девица из магазина Ратниковой. Та самая, что когда-то отпускала Сокольникову для Костина дефицитнейший товар. Сокольников сразу признал ее кругленькую сытенькую мордашку с пуговичным носиком. А она его до сих пор не узнавала, и этому Сокольников, честно говоря, был рад.

И вот сейчас перед Сокольниковым на столе стояли две сумки с контрольными закупками. В каждой — по десятку банок той самой говяжьей тушенки, которой так лихо торговала Бочкова.

— Ну и как нам быть, Валентина Игнатьевна? — сурово говорил Сокольников. — Нужно дело возбуждать.

Бочкова потянула воздух носом-пуговкой, хлопнула раз-другой зачерненными сверх всякой меры ресницами.

— Может, не стоит? — деловито возразила она. — Может, договоримся?

В тоне ее, во взгляде, хотя и слегка опасливом, была разлита такая бесхитростная наглость, такая уверенность в том, что все проскочит как по маслу, и Сокольников даже изумился.

— Как же мы с тобой договоримся, — печально сказал он. — Уж не взятку ли ты мне предлагаешь, Валентина Бочкова?

Бочкова шевельнула круглыми коленками и на пару секунд смущенно потупилась.

— Нет, милая, — продолжал Сокольников, — не о том ты сейчас думаешь. Если честно, мне просто по-человечески интересно, почему тебя так подвели?

— Уж и подвели, — кокетливо сказала Бочкова. — Чего подвели-то?

— Как это чего? — удивился Сокольников. — Это накануне всенародного праздника! Перед таким событием! Дерзко, без всякого смущения творить обман! Ты что же, не соображаешь, на что это тянет?

— На что? — В голосе Бочковой появилось легкое беспокойство.

— Как минимум сто пятьдесят шестая, часть два. Обман покупателей в крупных размерах.

— Почему это в крупных? — возмутилась Бочкова. — Вы что, считать не умеете? Десять банок да десять банок. Откуда в крупных?!

— Давай вместе считать, — вздохнул Сокольников. — Госцена банки какая? Восемьдесят семь коп. Ты продавала по рублю двадцати. Так? Тридцать три копейки навару с каждой банки.

— Предположим, я ошиблась, — безмятежно сказала Бочкова. — И все равно получается шесть шестьдесят. Откуда в крупных-то?

Сокольников вздохнул еще тяжелее. Потом не спеша открыл сейф и достал Уголовный кодекс. Раскрывать его не стал, просто положил между собой и Бочковой.

— Хочешь расскажу, как тебя подставили? Когда послали тушенку продавать, наверное, сказали: не бойся, милиция сегодня гуляет, а если что случится, скажешь, что ошиблась. Все равно много не насчитают, а мелочовку всегда можно замять. Так или нет?

Бочкова молчала и разглядывала носки своих светло-коричневых, в тон дубленке, сапожек.

— Но мы тоже кое в чем понимаем, — доверительно говорил Сокольников. — Не случайно мы контрольные закупки брали не сразу. Сначала незаметно опросили нескольких покупателей. Вот их объяснения. Из них выходит, что не ошиблась ты, а с самого начала по этой цене тушенку и гнала. Всего у тебя в накладной восемьсот банок. Общая сумма обмана получается под триста рублей. Чистая часть вторая. До пяти лет с конфискацией.

Все еще недоверчиво, но с нарастающей тревогой слушала его Бочкова.

— А ведь Ольга тебя предупреждала, наверное, — как бы между прочим сказал Сокольников. — Говорила небось: не зарывайся. Так или нет?

Бочкова хлопала ресницами и готовилась плакать. Носик ее капелюшечный покраснел, а глаза до краев налились влагой.

— Как же, предупреждала, — возразила она. — Сама же велела двести рублей отдать с выручки.

У Сокольникова от волнения немного перехватило дух. Что-бы себя не выдать, он поднялся и отошел к окну.

— Это несколько меняет дело, — сказал он, не оборачиваясь. — Даже сильно меняет, я бы сказал. Если получается так, что тебя принудили к обману, ситуация совсем иная. Но ведь это еще надо доказать.

— Как же я докажу? — вскрипывала Бочкова, размазывая по румяным щекам угольно-черную тушь. — Она же ото всего отопрется!

— Когда ты ей деньги должна передать?

— Да сегодня же. Сразу, как кончу торговать. Она сказала, что будет ждать в магазине.

Сокольников вернулся к столу, достал и положил перед ней чистый лист бумаги.

— Пиши. Прокурору района. Заявление...

На остановке возле метро трамвай разом опустел. Вместе с Викторовым в вагоне осталось всего с десяток пассажиров. Да еще какой-то паренек запрыгнул в последний момент на переднюю площадку. Он прятал лицо в поднятый воротник зябкой синтетической куртки, и все же, приглядевшись, Виктор его признал.

— Олег! Сокольников! — окликнул он.

Тот обернулся, обрадовался.

— Саша! Здравствуй!

Он подошел и сел рядом. Выглядел уставшим. К тому же, кажется, похудел.

— Ты с работы? — спросил Сокольников. — Что так поздно? Виктор неопределенно махнул рукой.

— Дела всякие... А ты сейчас где?

— Да, видишь, в КБ свое вернулся, — смущенно сказал Сокольников. — Из отдела-то я уволился.

— Я знаю. Слышал кое-что.

— А что именно? — Сокольников с острым интересом заглянул ему в лицо, и Виктор отчего-то смутился.

— Всякое говорят, — пробормотал он — Язык-то без костей.

Холодок неловкости и отчуждения повеял между ними, и оба прекрасно понимали причины его появления. Сокольников был уже чужой, бывший сотрудник. Бывшими редко становились по своей воле и потому не стремились узнавать при встречах прежних сослуживцев.

Виктор поспешил исправить положение.

— Что же все-таки произошло?

Сокольников усмехнулся одними губами. А глаза оставались невеселыми.

— Я ведь, Саша, Ратникову с поличным поймал. Задержал с понятиями, как полагается, когда она от своей продавщицы получала взятку. И заявление в прокуратуру заранее имелось. А дальше все очень странно получилось...

Он замолчал и снова невесело усмехнулся.

— Привез ее в отдел и только после этого позвонил Костину. Он тут же примчался. Вместе с Трошиным, кстати. Поначалу даже похвалили меня за то, как грамотно я все проделал. Наверное, от растерянности. И домой отправили. Сказали, что сами разберутся. Это случилось как раз накануне Октябрьских. А когда после праздников я пришел на работу, оказалось, что все с ног на голову... Девчонка эта, которую Ратникова заставляла народ обманывать, оказывается, заявила, что я ее запугал, обманул и все такое. Угрозами, дескать, заставил заявле-

ние на Ратникову написать и деньги ей сунуть. К тому же Ратникова написала на меня жалобу, будто я тогда был пьян. Вот эту жалобу почему-то и стали разбирать в первую очередь. Костин назначил служебное расследование, а проводить его взялся Трошин. Доказать однозначно я ничего не мог, хоть все сплошная глупость и подлость. В общем, я сорвался, накричал и заявление на стол. Подписали мое заявление мгновенно. В неделю рассчитали — вот скорость-то!

— А что Ратникова? — спросил Виктор, хотя ответ ему был известен.

— С ней все в порядке. И девочку ту передали на воспитание коллективу. Правда, Ратникова, я слышал, от нее все же скоро избавилась. Слышал я еще, что сама Ратникова собирается в другой район переходить. Вроде даже с повышением, чуть не начальником торгова... А, плевать!

Сокольников поежился и глубже сунул руки в карманы.

— Может, ты поторопился, Олег? — Виктор снова ощутил, что говорит не то.

— Может, и поторопился. А ты бы на моем месте как поступил?

Трамвай резко затормозил перед светофором. Из кабины выскочила женщина-вагоновожатый, пробежала по салону, вытаскивая из касс билетные катушки.

— Вагон идет в депо, — объявила она на ходу и повторила еще раз: — В депо идет вагон.

— Я не знаю, — запоздало ответил Виктор. — Так сразу и не скажешь.

— И я не знаю, — согласился Сокольников. — Иногда думаю — зря. Надо было побороться, пошуметь еще. По правде говоря, вначале я собрался жалобу накатать. Вплоть до самых верхов. Начал писать и остановился. Думаю: зачем? Поезд уже ушел, все упрятано. Даже если какой честный человек проверять мое письмо возьмется — все равно концов не найдет. Да и станет ли искать!.. Верно ведь?

За окном вагона проплыли огромные цифры 1977, сложенные из разноцветных лампочек на глухой стене какого-то учреждения. Только что закончились новогодние каникулы, и оформление в городе еще не везде убрали.

— Ну, мне выходить, — Сокольников поднялся. — Счастливо тебе!

— Счастливо! Ты забегай, — скороговоркой произнес Виктор. — Знаешь ведь, где я сажу...

Он смотрел, как Сокольников трусцой семенит по тротуару, не вынимая рук из карманов. Пошел небольшой снежок, но мороз все равно держался крепкий, потому что задувал ветер, да и до весны еще было далеко...

ОБ АВТОРАХ

ИРИНА СЕРГИЕВСКАЯ (ТИБИЛОВА) окончила Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Работает художником-постановщиком в хореографическом училище имени А. Вагановой. Печаталась в журнале «Нева».

В «Искателе» выступает впервые.

БОРИС РУДЕНКО родился в 1950 году в Москве. Окончил Московский автодорожный институт. Работал в органах БХСС. В настоящее время — журналист, автор многих фантастических рассказов и повестей, опубликованных в разное время в периодических изданиях и коллективных сборниках. Повесть «До весны еще далеко» — вторая публикация Б. Руденко в «Искателе» и первая его работа в жанре приключений.

На I, II, IV страницах обложки рисунки Сергея РАДИМОВА
к фантастической повести «КАРИАТИДА»

На III странице обложки рисунок Генриха КОМАРОВА
к повести «ДО ВЕСНЫ ЕЩЕ ДАЛЕКО»

Под редакцией **А. ПОЛЕЩУКА** и **Е. КУЗЬМИНА**

Редактор выпуска **С. БЕЛОЗЕРОВ**

Художественный редактор **В. КУХАРУК**

Технический редактор **И. ВОРОБЬЕВА**

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 14.11.88. Подписано в печать 14.12.88. А01230.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 300 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 288.

© «Искатель», 1989 г.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

ИСКАТЕЛЬ

Ирина СЕРГИЕВСКАЯ
Борис РУДЕНКО

Цена 60 коп.

